

Нѣчто въ родѣ автобіографіи.

Савватій Ивановичъ Сычуговъ, авторъ настоящихъ воспомина- ній, самобытная и незаурядная личность. Начавши свое обще- ственное служеніе въ 70-хъ гг. дѣятельностью уѣзднаго земскаго врача (Орловскій у., Вятской губ.). С. И. Сычуговъ съ 1889 г. посвящаетъ себя всецѣло исключительной и самоотверженной ра- ботѣ среди крестьянскаго населенія въ роли «вольнаго деревен- скаго врача»—онъ бросаетъ службу, переѣзжаетъ въ свое родное село Верховино и тамъ существуетъ вольной практикой среди крестьянъ. Съ поражающей энергіей онъ лѣчитъ тысячи людей, приходящихъ къ нему за помощью, довольствуясь въ своихъ скромныхъ потребностяхъ тѣми, въ лучшемъ случаѣ, 400 руб., которые даетъ ему медицинская практика среди мѣстнаго насе- ленія. Демократъ-народникъ не только самоотверженной врачъ. «Добрый докторъ» послѣднимъ рублемъ дѣлится съ деревенской бѣднотой, и не только рублемъ, но и своими знаніями: на свои средства Сычуговъ создаетъ народную бібліотеку, существующую и понынѣ въ вѣдѣніи земства.

Такова была своеобразная многолѣтняя дѣятельность «добраго доктора»—доктора-просвѣтителя.

О своемъ опытѣ вольной медицинской практики въ деревнѣ Сычуговъ разсказалъ въ 1890 г. въ газетѣ «Земскій Врачъ» (№ 4), и извѣстность объ его дѣлѣ распространилась далеко за предѣлы той мѣстности, гдѣ онъ жилъ и работалъ ¹⁾. По просьбѣ одного изъ

¹⁾ «Вольной врачебной практикой» въ деревнѣ въ началѣ 90 гг. за- нимался, между прочимъ, и докторъ Таировъ, родственникъ А. В. Пѣше- хонова. См. автобіографическую замѣтку послѣдняго, напечатанную въ юбилейномъ сборникѣ «Русскія Вѣдомости» (стр. 144 «Словаря сотру- дниковъ»).

своихъ друзей Сычуговъ началъ писать воспоминанія, которыя мы и помѣщаемъ. Къ сожалѣнію, записки эти обрываются на началѣ 60-хъ гг., когда Сычуговъ, бывшій семинаристъ, прошедшій тяжелую бурсацкую школу, готовился изъ университета вступить на тяжелый жизненный путь. Смерть (въ 1902 г.) помѣшала Сычугову закончить воспоминанія. Хотя послѣднія не приготовлялись для печати, тѣмъ не менѣе ихъ колоритность, ихъ яркая жизненность выпукло вырисовываютъ сами по себѣ оригинальной образъ того, кто выбралъ себѣ необычное служеніе «вольнаго крестьянскаго врача». Воспоминанія—не только жизнеописаніе оригинальной личности Сычугова, но и яркая бытовая картина дореформенной бурсы. «Про меня многіе... говорятъ,—писалъ какъ-то впоследствии Сычуговъ своему университетскому другу,—что я опростился подъ вліяніемъ Толстого. Это невѣрно. Мое міросозерцаніе, мои нравственныя убѣжденія выработались гораздо ранѣе, а именно: въ 61, 62, 63 годахъ»...

У насъ будетъ еще случай вернуться къ С. И. Сычугову и вспомнить объ этомъ шестидесятиникѣ. Для нашихъ читателей, быть можетъ, будетъ небезынтересно узнать, что одинъ изъ друзей Сычугова, Ѳ. Ѳ. Нелидовъ, передавшій намъ эти воспоминанія, просилъ авторскій гонораръ за статью направить въ Орловское уѣздное земство для поддержанія той школы и той библіотеки въ с. Верховинѣ, которая создана трудами Сычугова, передана имъ земству ²⁾ и теперь именуется библіотекой врача С. И. Сычугова. Желających подробнѣе познакомиться съ дѣятельностью Сычугова отсылаемъ пока къ брошюрѣ Ѳ. Ѳ. Нелидова «Вольный крестьянскій врачъ С. И. Сычуговъ» (Изд. журн. «Дѣтское Чтеніе». М. 1905 г.).

С. М.

І. Въ дореформенной бурсѣ.

Родился я въ 1841 г. 27 сентября въ Орловскомъ уѣздѣ, въ селѣ Подрѣльѣ, и былъ первенцемъ. Зачатіе моея особы совершилось тогда, когда моимъ родителямъ не было еще и 40 лѣтъ—отцу шель 21-й годъ, а матери не стукнуло еще и 17 лѣтъ. Оба они были тѣлосложенія замѣчательно крѣпкаго, нисколько не износились и были, какъ говорится, въ полномъ соку. Въ концѣ перваго года я перенесъ необыкновенно сильную оспу. Мать рассказывала, что вся поверхность моего тѣла, не исключая

²⁾ Изъ своего грошевого заработка Сычуговъ умудрился скопить 1000 р. для обезпеченія библіотеки—капиталь этотъ былъ переданъ имъ земству.

и головы, была покрыта сплошнымъ, чернымъ и вонючимъ струпомъ и что она вмѣстѣ съ своими родителями, а равно и мой отецъ со слезами молили Бога, чтобъ онъ прибралъ меня въ свои селенія, такъ какъ на семейномъ совѣтѣ было уже окончательно рѣшено, что первенецъ ихъ долженъ быть слѣпымъ, глухимъ и безобразнымъ уродомъ. Мать не разъ говаривала, что она на своемъ вѣку много видала оспенныхъ больныхъ, но такой страшной, сливной оспы, какъ у меня, не видывала. Не странно ли, что на всемъ моемъ большомъ тѣлѣ не осталось отъ оспы ни одного рубчика.

Отецъ росъ сиротой, былъ, значить, казеннымъ бурсакомъ и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что творилось внѣ стѣнъ бursы. Это, конечно, наложило на него извѣстный, не особенно цѣнимый въ обществѣ, колоритъ. Онъ не умѣлъ держать, когда нужно, языкъ за зубами; часто приводилось ему высказывать лицамъ, стоящимъ въ іерархіи даже выше его, не совсѣмъ-то пріятныя истины, и только лишь благодаря добродушному юмору, съ которымъ это дѣлалось, многое прощалось ему. Пастыремъ онъ былъ вполне добрымъ; крестьяне чуть не боготворили его какъ за его бесѣды при всякомъ удобномъ случаѣ, такъ и за его безкорыстіе. Выйдя изъ семинаріи, онъ скоро убѣдился, что знанія его очень скудны, хотя и не скуднѣе, чѣмъ у другихъ священниковъ. Вслѣдствіе этого онъ со страстью принялся за чтеніе, конечно, духовныхъ книгъ, такъ какъ другихъ тогда и не было. Обладая недюжинными способностями и замѣчательнымъ трудолюбіемъ, онъ лѣтъ черезъ 10 сдѣлался виднымъ богословомъ; въ разговорахъ съ нимъ съ удовольствіемъ проводили время магистры богословія. Подъ старость моего отца началъ одолѣвать скептицизмъ. Тяжело было смотрѣть, какъ колебались его завѣтныя вѣрованія. Мнѣ и теперь смѣшно становится, когда я припоминаю, какъ я, бывшій тогда полнымъ атеистомъ, утверждалъ отца въ православіи. Не разъ бывало, что старикъ оставлялъ сомнѣнія свои въ какомъ-нибудь церковномъ догматѣ, но надолго ли—мнѣ не извѣстно. Въ высотѣ и чистотѣ ученія Христа онъ, какъ и я, не сомнѣвался. Предметами для сомнѣнія служили исключительно постановленія церкви. Умеръ отецъ, впрочемъ, вѣрующимъ рационалистомъ около 70 лѣтъ отъ роду. Имущества послѣ него осталось менѣе, чѣмъ на 10 рублей.

Мать моя была женщина безъ образованія; она могла лишь читать и писать. Писала она хотя безграмотно, но чрезвычайно умно и логично. Читала же почти исключительно Четьи-Минеи, которыя мнѣ уже къ 6—7 годамъ надоѣли хуже горькой рѣдьки, такъ какъ чтеніемъ этихъ легендъ большею частью былъ я. Зна-

читать, судя по характеру читаемыхъ мамашею книгъ, уже видно, что она вѣрила безъ разсужденій. Она обладала сильнымъ практическимъ умомъ, несклоннымъ къ идеализаціи, и желѣзною волею. Въ противоположность отцу, который не задумался бы нуждающемуся отдать послѣднюю рубашку, мать была скорѣе скопидомка. И только благодаря ея умѣнью, удалось хорошо пристроить моихъ четырехъ сестеръ и избѣжать нищеты, которая неизбѣжно постигла бы нашу семью, если бы отецъ не передалъ веденіе хозяйства матери. Несмотря на противоположности характеровъ и нѣкоторыхъ взглядовъ, жили они замѣчательно дружно; я не видалъ не только ссоръ, но даже и легонькихъ размолвокъ. Примѣръ ихъ несомнѣнно вліялъ на меня благотворно. Отца я любилъ и уважалъ, мать же только любилъ и въ то же время очень боялся, такъ какъ она была черезчуръ строга и требовательна. Строгость ея, впрочемъ, больше отзывалась на сестрахъ, онѣ бѣдныя положительно изнурялись работою. Уже въ возрастѣ 6—7 лѣтъ онѣ работали, кажется, не менѣе часовъ 12 въ сутки, сидя за вышиваньями, вязаньями и прочею мелею¹⁾. Когда я сталъ учиться въ училищѣ, тогда строгость матери парализовалась тѣмъ соображеніемъ, что я въ нѣкоторомъ родѣ былъ дома гостемъ; до поступленія же въ школу у меня былъ надежный заступникъ—приснопамятный дѣдушка отецъ Савватій, личность для своего времени замѣчательная и пользовавшаяся громкою и доброю репутаціею почти во всей губерніи.

Дѣтство свое до 8 лѣтъ (съ трехъ) я находился на попеченіи и воспитаніи главнымъ образомъ дѣда. Съ 3 до 5 лѣтъ я у родителей бывалъ лишь рѣдкимъ гостемъ. Послѣ же, когда мнѣ пошелъ шестой годъ и когда дѣдъ уступилъ свое мѣсто отцу, я большую часть своего времени проводилъ у перваго. Онъ имѣлъ два дома, изъ которыхъ одинъ отдалъ отцу моему, а другой—большой двухъэтажный, прекрасно отдѣланный, занялъ самъ вмѣстѣ съ бабушкой и со мной. Дѣдъ сдѣлалъ это, какъ я послѣ узналъ, ради меня, чтобы я безъ стѣсненій и неудобствъ могъ въ ненастную погоду рѣзвиться въ громаднхъ залѣ и гостиной и чтобы веселый видъ комнатъ производилъ на меня и впечатлѣнія веселыя. Для своего времени дѣдъ былъ очень образованный, съ богатою богословскою эрудиціею, человѣкъ; онъ читалъ и свѣтскія книги, если случалось ихъ достать, а подобныхъ случаевъ, благодаря его широкому знакомству съ вятскою чиновною аристократіею, было не мало. Вѣроятно, это знакомство хотя немного придавало дѣду храбрости въ его частыхъ стычкахъ съ духовнымъ началь-

¹⁾ Меледа—мѣшкотная работа, работа безъ конца. (Словарь Даля).
В. С.

ствомъ. Отличительными и рѣзко выдающимися чертами его характера были: непреклонная, вполнѣ желѣзная воля, стойкость въ убѣжденіяхъ, гордость въ отношеніяхъ къ начальству и мягкое, задушевное отношеніе къ меньшимъ братьямъ, которымъ онъ много помогалъ. Дѣда можно было сломить, но не согнуть. Къ болѣе замѣтнымъ недостаткамъ его можно причислить любовь къ рюмочкѣ (но не до безобразія) и страшную вспыльчивость. Впрочемъ, надо полагать, что она никогда не доходила до самозабвенія; въ противномъ случаѣ духовное начальство не упустило бы случая унять дѣда. Стычекъ у него съ начальствомъ было не мало, но самую крупною была ссора съ архіереемъ, который во время проѣзда царя чрезъ Орловъ запретилъ сельскимъ попамъ являться на это время въ городъ. Дѣдъ разорвалъ предписаніе, пріѣхалъ во-время къ пріему въ Орловъ, ворвался, вопреки распоряженію протопопа, въ царскую квартиру на пріемъ духовенства, занялъ третье мѣсто сверху, благословилъ царя и чисто по-сельски далъ ему поцѣловать свою большущую лапу, за что получилъ отъ государя похвалу, тогда какъ стоявшіе выше его протопопы, отдернувшіе свои руки, удостоились царскаго выговора.

Вскорѣ дѣда вызвали въ Вятку къ архіерею, въ домѣ котораго, при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, и произошла знаменитая свалка, о которой долго говорила вся губернія и о подробностяхъ которой я еще въ пятидесятыхъ годахъ слыхалъ отъ старыхъ священниковъ. Началось дѣло легкой бранью съ той и другой стороны, далѣе дошло дѣло до «мошенника и с...на сына», и наконецъ, когда архіерей хотѣлъ поучить дѣда жезломъ, то послѣдній, ничтоже сумняся, при помощи стула обратилъ владыку въ постыдное бѣгство. И такъ какъ со стороны дѣда въ этомъ дѣлѣ не оказалось вины, за которую можно было бы его унять, то дѣло и заглохло. Впрочемъ, начальство не упустило случая показать свою безапелляціонную власть и карало дѣда административнымъ порядкомъ. Какъ-то нужно было назначить благочиннаго. Обойти дѣда, какъ старшаго по образованію и по заслугамъ и кромѣ того дружнаго съ свѣтскою аристократіею,—было неудобно, и архіерей, скрѣпя сердце, назначилъ его на эту почетную должность. Но не прошло и мѣсяца, какъ дѣдъ на какую-то глупую консисторскую бумагу далъ рѣзкій отвѣтъ, и его безъ суда и слѣдствія безцеремонно уволили отъ должности. 40 лѣтъ дѣдъ поповствовалъ, и за все это время не получилъ ни одной награды и этимъ онъ, видимо, гордился. Наканунѣ или въ день своей смерти (меня, во время его болѣзни, какъ любимца, взяли изъ училища) онъ слабымъ голосомъ еще говорилъ мнѣ: «40 лѣтъ

я служилъ и никакою наградою не заклеилъ себя, потому—не ползалъ передъ начальствомъ и, въ случаѣ своей правоты, никогда не уступалъ ему». Вообще отличительною чертою его характера были: независимость, самостоятельность и правдивость. Въ религіозныхъ взглядахъ дѣдъ былъ, кажется, немного раціоналистъ, но раціоналистъ крайне осторожный, по крайней мѣрѣ при разговорахъ со мной—мальчикомъ. Помню, что онъ одинъ разъ проговорился при мнѣ, что чертей выдумали, чтобы пугать глупыхъ людей, но тотчасъ же спохватился, обративъ эти слова въ шутку, и долго убѣждалъ меня, что въ существованіи чертей сомнѣваться нельзя. Съ бабушкой дѣдъ обращался съ трогательною нѣжностью, а она въ свою очередь благоговѣла передъ нимъ.

Меня же: какъ эта бабушка, такъ и другая, а равно и старушка няня любили до безумія и чуть-чуть не боготворили. Сверстниковъ-мальчиковъ изъ духовенства у меня не было; были семинаристы, но гораздо старше меня. Между тѣмъ дѣдъ находилъ, что я не долженъ постоянно вращаться въ обществѣ взрослыхъ, и что для моихъ игръ и забавъ нужны товарищи: И съ какою трогательною заботливостью, какъ я узналъ послѣ, сдѣланъ былъ имъ для меня выборъ сверстниковъ. Оказалось, что онъ много толковалъ съ родителями мальчугановъ, а послѣднихъ часто угощалъ разными сластями, читалъ намъ всѣмъ книжки и все это дѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы предохранить меня отъ возможнаго дурного вліянія. Заботы ли дѣда, или то обстоятельство, что мальчики сами по себѣ были хороши, я у нихъ не научился ничему дурному. Изъ трехъ одинъ умеръ, а остальные двое и теперь еще мои хорошіе пріятели и прекрасные крестьяне. Мнѣ часто приходитъ на мысль, что эта дружба, начавшаяся на четвертомъ году моей жизни, съ первыхъ проблесковъ сознанія поселила во мнѣ любовь къ крестьянамъ вообще, а къ «униженнымъ и оскорбленнымъ» въ особенности. По мѣрѣ моего развитія, мои взгляды становились все демократичнѣе, и въ юности я уже сдѣлался убѣжденнымъ демократомъ. Въ нашей компаніи я и по происхожденію, и по матеріальному довольству, и по умственнымъ и физическимъ силамъ долженъ бы, кажется, главенствовать, но мудрая предусмотрительность дѣда ловко устранила это безобразіе: до самаго поступленія въ училище я оставался совершенно равнымъ моимъ товарищамъ дѣтства.

И посейчасъ, частенько вспоминая свое милое, святое дѣтство, я все отчетливѣе и отчетливѣе сознаю, что только, благодаря разумному его переживанію, бурса хотя и сильно, и надолго искалѣчила меня, но по крайней мѣрѣ совсѣмъ-то не загубила, какъ это случилось со многими бурсаками, выдающимися изъ

общаго уровня. Она подавляла всякую самостоятельность въ ребенкѣ и, если не могла согнуть его на свой ладъ, то безцеремонно ломала.

Когда я выучился читать,—рѣшительно не помню; знаю только хорошо, что на шестомъ году я началъ уже читать въ церкви недлинные очень молитвы и псалмы. Учился я чтенію и письму, по разсказамъ отца, играючи. Смутно припоминаю, что на дверяхъ и шкапахъ были наклеены крупныя печатныя буквы. Говорили, что я выучился необыкновенно быстро, хотя въ то время звуковой способъ и не былъ извѣстенъ. Страстишка къ чтенію пробудилась очень рано; читать, впрочемъ, приводилось большею частію книги духовныя. Слышалъ я отъ отца, что я недурно понималъ серьезное чтеніе въ раннемъ еще дѣтствѣ. И самъ я помню, что еще до поступленія въ училище я осилилъ пятитомное мистическое сочиненіе г-жи Гюйонъ и цитатами изъ нея изумлялъ постороннихъ и умилялъ сердца своихъ родныхъ. До 7 лѣтъ не было предпринято систематическое обученіе меня. Оно ограничивалось лишь чтеніемъ, разсказами отца, а главнымъ образомъ дѣда и играми на чистомъ воздухѣ, которымъ я могъ отдаваться безъ всякаго стѣсненія. Лишь въ ненастные и холодные дни я усаживался за прописи, изъ которыхъ рѣзко запечатлѣлись въ памяти три: 1) Хотя корень ученія горекъ, но плоды его сладки; 2) Говори всегда правду и никогда не лги и 3) Какъ дверь обращается на пятъ, такъ лѣнливый на ложѣ своемъ. Да другихъ, кажется, я и не писалъ. Очень поучительны для меня были предпринимавшіяся всегда совмѣстно съ дѣдомъ экскурсіи въ лѣса и на луга отчасти съ образовательными, а частію съ практическими цѣлями (сборъ травъ, ягодъ и грибовъ). Дѣдъ былъ хорошій практикъ-педагогъ: онъ мастерски умѣлъ и сообщать знанія, и уничтожать разныя суевѣрія. Вліяніе няни не могло, конечно, не сказаться на мнѣ; прекрасно рассказывая сказки, она между разными суевѣріями поселила во мнѣ безотчетный какой-то страхъ къ темнотѣ и особенно къ мертвецамъ. Я вѣрилъ, напр., что души праведниковъ изъ могилъ выпускаютъ огоньки, грѣшныя же покойники по ночамъ бѣгають за живыми людьми и пр. Дѣду это не понравилось (хотя онъ самъ приказывалъ рассказывать мнѣ сказки и былины), и онъ рѣшилъ изгнать изъ меня этотъ страхъ. Часто очень мы ходили за грибами на кладбище, на которомъ была выстроена церковь, а кругомъ нея находились хорошо извѣстныя мнѣ могилы. Нашъ домъ отстоялъ отъ кладбища саженьяхъ въ 80. Разъ въ августѣ, когда ночи бываютъ у насъ очень темны, дѣдъ незамѣтно для меня положилъ свой грибной ножъ на извѣстную мнѣ и ближе другихъ распо-

женную къ нашему дому могилу. Послѣ ужина, когда уже было совсѣмъ темно, дѣдъ по обыкновенію приносить разныхъ лакомствъ, но на этотъ разъ очень много и говоритъ мнѣ: «другъ мой Саввушка, я на такой-то могилѣ забылъ свой любимый ножъ; ты бы очень порадовалъ меня, еслибъ сейчасъ сходилъ за нимъ. А за эту услугу получай сразу эти лакомства, которыхъ въ другое время тебѣ хватило бы дней на 5; завтра опять получишь свою долю». У меня и душа въ пятки ушла; я общаю не спать всю ночь и завтра на зарѣ сходить за ножомъ, ссылаюсь на темноту, на возможность упасть, увидеть покойника. Надъ послѣдними словами дѣдъ расхохотался и началъ щекотать мое самолюбіе. Я думалъ, что ты мужчина, заговорилъ онъ, что въ тебѣ есть мужество, храбрость и т. д. въ этомъ родѣ. Побѣдилъ онъ меня. Перекрестившись много разъ и читая молитвы, отправился я на кладбище, шелъ до него небыстро, но когда схватилъ ножъ, то бѣжалъ назадъ на всѣхъ порахъ. Дней пять дѣдъ продѣлывалъ этотъ экспериментъ и добился того, что я уже, безъ всякихъ его предложеній, самъ находилъ большое удовольствіе гулять въ темные вечера по кладбищу. Много разъ въ моей жизни приводилось испытывать такія ощущенія, отъ которыхъ у большинства людей встали бы дыбомъ волосы, но къ которымъ я относился совершенно индифферентно. Страхъ навсегда изгнанъ изъ моей души. И теперь еще многіе удивляются, какъ я не боюсь одинъ жить въ домѣ, стоящемъ къ тому же за селомъ. Средство, употребленное дѣдомъ, героическое, но зато имъ приняты были и мѣры, чтобъ предотвратить могущія быть дурныя послѣдствія. На половинѣ пути между кладбищемъ и домомъ стоялъ овинъ и за его угломъ, какъ послѣ я узналъ, дѣдъ или самъ наблюдалъ за мною, или посылалъ работника.

Большинство дѣтей духовенства 7-ми лѣтъ уже поступали въ духовное училище и пребывали въ немъ вмѣстѣ съ семинаріей не менѣе 12 лѣтъ. Меня не рѣшились отдать такъ рано въ бурсу, а въ домашнемъ совѣтѣ положили продержать дома еще 2 года и отдать уже во 2-й классъ, или грамматику, тѣмъ болѣе, что, за исключеніемъ языковъ, я прекрасно былъ подготовленъ. Чуяло, вѣроятно, сердце моихъ милыхъ, незабвенныхъ родныхъ, что меня, семилѣтняго мальчика, бурса погубила бы окончательно и что въ два года, проведенные въ атмосферѣ ихъ любви, я много окрѣпну и сдѣлаюсь способнѣе переносить ужасныя мытарства бурсацкой жизни.

Послѣ принятія такого рѣшенія нужно было подумать о систематическомъ, классномъ обученіи меня,—и за это нелегкое дѣло взялся дѣдъ. (Онъ давно уже передалъ свое мѣсто моему

отцу и жилъ на покоѣ). Былъ приглашенъ одинъ семинаристъ, который подробно написалъ, чему въ какомъ классѣ учать и по какимъ учебникамъ. Все нужное было приобрѣтено. Дѣдъ каждодневно удалялся въ свой кабинетъ часа на 3—4 и тамъ, какъ послѣ оказалось, штудировалъ учебники. Наконецъ 27 сентября (день моихъ рожденія и именинъ) принесли мы изъ церкви иконы, дѣдъ съ 3-мя священниками отслужилъ торжественно какой-то длинный молебенъ; всѣ присутствующіе молились, а мать и бабушка даже со слезами.

За обѣдомъ дѣдъ, видимо взволнованный, ласково сказалъ мнѣ: ну, внучекъ, не осрами мои сѣдые волосы. Потомъ, обращаясь къ присутствующимъ, продолжалъ: страшную обузу взялъ я на себя—приготовить во 2-й классъ вотъ этого шалуна; мнѣ вѣдь подъ 70 лѣтъ, а я каждый день, какъ школьникъ, учу латинскія и греческія грамматики. Я зналъ, что дѣдъ горячо меня любилъ, но только въ этотъ разъ я понялъ всю глубину самоотверженной любви и громко прокричалъ: не осрамлю, дѣдушка! Сцена эта такъ врѣзалась въ мою память, что мнѣ кажется, какъ будто она происходила вчера.

На другой день началось систематическое ученіе мое. Занятія съ дѣдомъ продолжались часа 3, да часъ или 1½ назначалось на приготовленіе уроковъ. Ученіе давалось мнѣ необыкновенно легко. Память у меня была очень хорошая; въ дѣтствѣ же и въ молодыхъ годахъ она была просто феноменальна. Мои товарищи по первымъ курсамъ университета поражались моимъ удачнымъ экзаменамъ. Когда товарищи изнывали надъ лекціями, я обрѣтался, ради снисканія куска хлѣба, гдѣ-либо вдали отъ Москвы и приѣзжалъ въ нее дней за 5 до начала экзаменовъ. Здѣсь я пристраивался къ какому-либо кружку студентовъ, слушалъ чтеніе ими лекцій и выдерживалъ не хуже ихъ экзамены, хотя въ теченіе учебнаго года и въ университетъ не заглядывалъ. Мудрено ли, что при такой памяти, дѣдъ былъ въ восторгѣ отъ моихъ успѣховъ. Онъ всѣ нужные для экзамена учебники разбилъ на отдѣльные уроки, которые съ первыхъ же дней нашихъ занятій показались мнѣ черезчуръ миниатюрными: скоро вмѣсто одного я сталъ готовить по 5—6 уроковъ каждодневно. Курсъ, рассчитанный почти на 2 года, пройденъ былъ безъ малаго въ 3 мѣсяца. Тутъ подоспѣли рождественскія каникулы; приѣхалъ и семинаристъ, сообщившій дѣду программу, или, вѣрнѣе, учебники, по которымъ я долженъ былъ готовиться во 2-й классъ,—и мнѣ устроили экзаменъ съ подобающею помпой. Поставили столъ, на которомъ разложены были всѣ учебники въ должной симметріи; на стѣнѣ повѣшена была какая-то допотопная карта,

изображающая земныя полушарія, вокругъ стола усѣлись всѣ мои родные; предсѣдательское мѣсто дѣдомъ скромно было предоставлено семинаристу, а предъ столомъ стоялъ я какъ будто подсудимый. Семинаристъ-богословъ, какъ изучившій разныя хріи, тропы и фигуры и познакомившійся слегка съ философіею по выпискамъ изъ Аристотеля, началъ самымъ высокопарнымъ слогомъ предлагать мнѣ вопросы, да еще отвлеченные, что меня сначала поставило втупикъ. Но дѣдъ попросилъ экзаминатора говорить не семинарскимъ, а обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ,—и дѣло пошло прекрасно. Пробовалъ было еще экзаминаторъ требовать отъ меня, чтобы я отвѣчалъ изъ слова въ слово не изъ одного катехизиса, а изъ всѣхъ учебниковъ, такъ какъ они де составлены людьми умными, но и тутъ встрѣтилъ отпоръ. Послѣ этихъ замѣчаній, которыя, вѣроятно и сдѣланы-то были, чтобы выставить напоказъ свою ученость и чтобы показать, что данные ему 2 пятиалтынныхъ, помнится, взяты не даромъ, экзаменъ прошелъ блистательно. Дѣдъ и отецъ сіяли, мать и бабушка плакали отъ умиленія, маленькая сестренка заснула, а самъ предсѣдатель отъ восхищенія поминутно вскакивалъ со стула, такъ что дѣдъ спросилъ даже его, не попала ли какъ-нибудь въ шепотка перцу или табаку. Въ концѣ-концовъ экзаминаторъ сказалъ нѣчто въ родѣ похвального слова высокимъ, конечно, слогомъ всѣмъ присутствующимъ, даже и спавшей сестренкѣ, но особую честь воздалъ онъ дѣду и мнѣ. Тогда же и рѣшено было, что я съ своими познаніями, если еще позанимаюсь съ мѣсяцъ, могу быть принять не только во 2-й, но даже и въ 3-й классъ.

Ученье мое съ этого времени стало продолжаться опять, такъ сказать, играючи. Дѣда сопровождалъ я всюду, и онъ былъ большой мастеръ говорить и, что для меня было особенно важно, въ своихъ разсказахъ умѣлъ приравливать къ уровню развитія своихъ слушателей. Онъ любилъ природу и кое-что понималъ въ естественныхъ наукахъ; поэтому его разсказы во время нашихъ лѣтнихъ и осеннихъ экскурсій по полямъ и лѣсамъ были для меня очаровательны. Бѣгалъ я по полямъ и одинъ, и съ своими пріятелями, приглядывался къ крестьянскимъ работамъ, а посильныя и самъ, съ грѣхомъ пополамъ, исполнялъ. Каждую службу ходилъ я въ церковь, пѣлъ и читалъ по-дьячковски, что я началъ, впрочемъ, дѣлать еще шести лѣтъ. Съ этой-то поры я и нажилъ привычку вставать въ 4—5 часовъ, такъ какъ утренняя начиналась въ это время. Съ увлеченіемъ отдавался я борьбѣ и особенно играмъ на вольномъ воздухѣ; въ играхъ, впрочемъ, я не позволялъ себѣ озорства.

Что же представлялъ я собою передъ поступленіемъ въ бурсу, когда мнѣ было почти 9 лѣтъ? Физически я былъ замѣчательно крѣпокъ, ловокъ, мастеръ бороться. Духовными дарами природа надѣлила меня также не скупю; а рѣдкостное, хотя и своеобразное для того времени, воспитаніе значительно развило ихъ. Я былъ правдивъ, великодушенъ, проникнуть насквозь любовью къ людямъ, жалостливъ, остороженъ въ своихъ поступкахъ и умственно развитъ не по лѣтамъ. Съ такимъ-то багажемъ 1 сентября 1850 года я поступилъ въ бурсу. Но еще наканунѣ, да и утромъ этого дня я, послѣ блестяще сданнаго экзамена, ходилъ съ отцомъ къ смотрителю и одному учителю, а зачѣмъ—не знаю. Помню только, что тому и другому отецъ далъ по кредиткѣ и просилъ ихъ обратить на меня вниманіе. Кажется неизмѣримо лучше бы было для меня, если бъ дорогой отецъ предоставилъ меня на произволъ судьбы. Въ сумерки 1-го сентября отецъ и мать привезли меня въ бурсу вмѣстѣ съ кое-какимъ скарбомъ: войлокомъ, подушкою, одѣяломъ, двумя халатами и прочимъ незатѣйливымъ туалетомъ, такъ какъ я былъ сынъ священника и долженъ былъ постель, одежду и книги имѣть свои. Кромѣ того за содержаніе и ученіе отецъ внесъ еще 27 рублей въ годъ (кстати упомяну, что дьяконъ вносилъ за сына только 18 рублей, а дьячокъ всего 9 рублей въ годъ). Послѣ обильныхъ слезъ, поцѣлуевъ и объятій я распростился и какъ-то сразу почувствовалъ, пока еще инстинктивно, что все хорошее, свѣтлое, доброе осталось тамъ—на Великой-рѣкѣ, а меня ждетъ одно горе.

Предчувствіе мое сбылось въ тотъ же вечеръ. Не прошло и часу со времени разставанья моего съ родителями, какъ я, въ качествѣ новичка, по требованіямъ бурсацкаго кодекса, долженъ былъ испытать такъ называемую вселенскую смазь. Нѣсколько великовозрастныхъ бурсаковъ накинули на меня какую-то грязную хламиду и пошла работа и ладонями, и кулаками. Не подготовившись къ нападенію и не имѣя понятія о грубыхъ бурсацкихъ порядкахъ, я былъ пойманъ врасплохъ и порядочно поколоченъ уже, пока, наконецъ, и самъ пустилъ въ ходъ свою ловкость и силу. И какъ только я одного верзилу-парня лѣтъ 16—17 удачно сбилъ съ ногъ, смазь прекратилась, и я сразу же завоевалъ уваженіе товарищей. Оказалось, что полетѣвшій отъ моего кулака великовозрастный парнюга считался въ классѣ первымъ силачомъ. Въ тотъ же еще вечеръ онъ предложилъ мнѣ дружить съ нимъ, но, по обычной своей нерѣшительности, предложенія я не принялъ, хотя и не отказалъ ему совсѣмъ.—Однако описывать всѣ детали бурсацкой моей жизни я не буду и, конечно, все перезабылъ. Прочтите *«Очерки бурсы» Помяловскаго*

еще разъ, скажете мнѣ: «спасибо»; книга сама по себѣ крайне поучительна. Только во время чтенія не забывайте, что Помяловскій описываетъ петербургскую бурсу, я же жилъ въ бурсѣ вятской, отъ которой до Бога высоко, а до царя далеко. Начальники и учителя питерской бursы имѣли основаніе побаиваться нечаяннаго приѣзда какой-либо высокопоставленной особы и потому немного хотя сдерживались, да и учителя тамъ несомнѣнно были подѣльныѣ. У насъ же они совсѣмъ, во всю русскую ширь, разнуздали свои звѣрскіе инстинкты и свирѣпствовали, сколько ихъ душенька хотѣла. Значить, если пожелаете составить понятіе, какія мытарства я вынесъ, то безобразія, изображенныя Помяловскимъ, возвысьте въ квадратъ,—и картина выйдетъ вѣрная. Въ качественномъ же отношеніи бursы разныхъ губерній мало отличались другъ отъ друга. Здѣсь я скажу лишь о тѣхъ сторонахъ нашей жизни, которыя не затронуты Помяловскимъ.

Семинарія и духовное училище составляли два особые учебныя заведенія, имѣли особые управленія и особый учительскій персоналъ. Въ семинаріи преподаватели были изъ академиковъ, а въ училищѣ изъ кончившихъ семинарію; поэтому, вѣроятно, въ первой обращеніе съ учениками было далеко мягче. Да и самые порядки въ этихъ заведеніяхъ были неодинаковы. Въ училищѣ утренній классъ продолжался съ 8 ч. до 12, а послѣобѣденный съ часу до 3—4. Утромъ безъ перерыва 4 часа сидѣлъ одинъ учитель; онъ иногда дремалъ въ классѣ, особенно послѣ обѣда. Зимой ученіе начиналось и кончалось впотьмахъ. Въ семинаріи же классъ не продолжался болѣе 2 ч., да и учителя мѣнялись чрезъ 1—2 часа. Продолжительность всего учебнаго курса равнялась 12 годамъ (6 въ училищѣ и столько же въ семинаріи). Въ каждомъ классѣ нужно было сидѣть 2 года. Первый классъ называли инфима; 2-й—грамматика; 3-й—синтаксисъ; въ семинаріи же 1-й классъ назывался реторикою; 2-й философіею и 3-й, послѣдній,—богословіемъ. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перехожу къ разсказу о своей училищной жизни, или, точнѣе, тѣхъ ея моментовъ, которые оставили въ моей душѣ глубокіе слѣды, отчасти заглушивъ, отчасти же вырвавъ съ корнемъ тѣ добрые ростки, которые были выхолены домашнимъ воспитаніемъ.

На другой день по поступленіи въ училище явился учительскій персоналъ и на скорую руку произвелъ опять нѣчто въ родѣ экзамена для того, вѣроятно, чтобы опредѣлить, какое мѣсто мы, новички (насъ поступившихъ прямо во 2-й классъ было только двое) должны занимать въ классѣ. Мѣста у насъ занимали по успѣхамъ, а эти послѣдніе опредѣлялись чортъ знаетъ какъ. Я получилъ второе мѣсто, первое же не могъ занять ни подъ какимъ

видомъ, ибо оно съ перваго еще класса отдано было сыну смотрителя. По уходѣ ареопага учитель назначилъ меня аудиторомъ. Обязанность этого чина состояла въ томъ, чтобъ онъ каждое утро прослушивалъ уроки пяти своихъ товарищей и выставялъ имъ отмѣтки въ нотатѣ, которою называлась тетрадь, заготовленная на цѣлый мѣсяцъ, испещренная клѣтками для отмѣтокъ и вмѣщающая въ себѣ списокъ всѣхъ учениковъ. Отмѣтки были таковы: sc—т.-е. sciens; er—errans; nt—non totum и ns—nesciens. Нотата хранилась у перваго ученика, называвшагося цензоромъ, въ нее до 8 ч. обязательно всѣ аудиторы должны были внести отмѣтки. Въ 8 ч. являлся учитель; ему цензоръ подавалъ нотату, и всѣ, получившіе nt и ns, отправлялись къ порогу, гдѣ ихъ съ особымъ удовольствіемъ ожидали палачи—тоже товарищи, но только сидѣвшіе въ Камчаткѣ и рѣшившіе не заглядывать ни въ какой учебникъ. Были, впрочемъ, любители посѣчь товарищей и изъ хорошихъ учениковъ. Такіе ужъ жестокіе тогда были нравы.

Розги или лозы заготовлялись патентованными палачами въ училищномъ саду изъ березовыхъ прутьевъ и кромѣ того еще каждую осень, въ виду большого на нихъ расхода, покупалось ихъ нѣсколько возовъ. Лозы представляли изъ себя пучки связанныхъ прутьевъ, пальца въ 2—3 толщины и 4—5 четв. длины. Ихъ палачи-артисты передъ классовъ смачивали водою и распаривали въ печахъ, чтобы сѣченіе было чувствительнѣе. Опытные палачи, если особенно приводилось имъ сѣчь враговъ, или просто нелюбимыхъ товарищей, съ 1—2-хъ ударовъ доставали кровь. Сѣченіе производилось или однимъ или двумя палачами; въ самомъ процессѣ еще участвовали такъ называемые держатели рукъ, ногъ, головы. Когда, по соображеніямъ начальства, нужно было сѣчь до полусмерти, тогда призывались 2 служителя—мужики съ тяжелыми, обыкновенно, руками; но это было уже не сѣченіе, а истязаніе въ высшей степени. И вотъ на 3-й день моей бурсацкой жизни мнѣ пришлось видѣть съ ужасомъ и какимъ-то оцѣпенѣніемъ, какъ по приказу учителя чловѣкъ 15—20 были высѣчены большею частію до крови, иные изъ нихъ получили не менѣе 40 лозъ. Въ классѣ стоялъ какой-то адскій гомонъ: одинъ стонетъ, другой всхлипываетъ, третій кричитъ благимъ матомъ; четвертый пронзительно визжитъ; къ этимъ тяжелымъ звукамъ присоединяется еще свистъ лозъ. И вся эта вакханалія продолжается 1½—2 часа. Но на этомъ для меня пытка не кончилась. Объясненія уроковъ нашими учителями не практиковались. 4 часа, назначенные для класса, распредѣлялись такъ: 1—2 часа удѣлялись на порку, согласно отмѣткамъ нотаты; вторая половина посвящалась спраши-

ванію тѣхъ, у кого стояли: sc и eg. и только минутъ за 5 до 12 час. учитель въ учебникѣ ногтемъ проводилъ двѣ черты, приговаривая: «отъ сихъ и до сихъ». Когда кончилась порка, учитель вызвалъ на средину класса меня и спросилъ урокъ, который я отвѣтилъ безошибочно,—изъ слова въ слово, какъ у насъ выражались. Я получилъ похвалу и началъ понемногу приходить въ нормальное состояніе послѣ того потрясенія, которое произвела на меня порка товарищей. Но на бѣду мою вскорѣ былъ вызванъ одинъ изъ моихъ подъавдиторныхъ, которому я поставилъ въ нотатѣ sc; Правда онъ ошибался въ урокѣ, но ужъ чуть не со слезами упрасивалъ меня поставить ему sc, общая подзубрить его. Я умило-сердился и повѣрилъ общанію. Вызванный ученикъ началъ путаться, а когда учитель закричалъ на него и сталъ изливать цѣлый потокъ бранныхъ словъ, онъ и совсѣмъ опѣшилъ.

Сдѣлаю здѣсь маленькое отступленіе. 99% учили уроки, не понимая ихъ смысла. Возьму для примѣра фразу: единъ Богъ во Святой Троицѣ. Зубреніе происходитъ такъ: заткнувъ пальцами уши, ученикъ начинаетъ вслухъ бормотать: единъ, единъ, единъ, Богъ, Богъ, Богъ, Богъ, единъ Богъ, единъ Богъ и такъ далѣе до нѣсколькихъ десятковъ разъ. Зубреніе это главнымъ образомъ происходило во время мѣсть. Такъ называлось время отъ 5 до 8 ч. вечера, назначенное для приготовленія уроковъ къ слѣдующему дню. Малоспособные вставали еще нарочно рано утромъ и продолжали бессмысленное зубреніе до самаго отчета въ урокѣ аудитору. При такой системѣ сплошь и рядомъ случалось, что ученикъ отвѣтитъ аудитору прекрасно, а предъ учителемъ, если послѣдній особенно грозно посмотреть или крикнетъ на него, стоитъ столбъ столбомъ. Причину этого учитель не будетъ, конечно, искать въ своей безтолковости и вообще въ отсутствіи даже и слѣдовъ разумности въ системѣ преподаванія; онъ накидывается съ кулаками на аудитора,—и благо еще послѣднему, если дѣло для него кончится 2—3-мя затрещинами. Несравненно чаще аудитору приводится расплачиваться подороже. Такъ на этотъ разъ было и со мною.

Учитель съ пѣною у рта накинулся на меня, осыпалъ бранью и, схвативъ за волосы, потащилъ къ порогу, гдѣ производилась экзекуція (кстати скажу: къ этому учителю отецъ не водилъ меня и, значить, кредитки ему не всучилъ). «Ну-тека, поучите, вы, держатели, новичка, какъ надо раздѣваться». Быстро стащили съ меня брюки, положили ихъ подъ головы и крѣпко притиснули меня къ полу. Должность палача возложена была на этотъ разъ на ученика, изъ-за котораго я долженъ былъ страдать. Онъ былъ не новичокъ и, вѣроятно, практиковался уже

въ поркѣ товарищей. По крайней мѣрѣ, первый ударъ розгою вызвалъ такую (вѣроятно, съ непривычки) жестокую боль, что я вскочилъ на ноги, какъ ужаленный. Число держателей увеличили и началась средней силы порка (дали мнѣ не болѣе 30 розогъ). По окончаніи порки я получаю приказъ разрисовать мареутку у моего палача. Этотъ безподобный въ своемъ родѣ обычай взаимной порки едва ли существовалъ гдѣ-либо кромѣ вятской бурсы. У насъ были два учителя, которые во время этого взаимнаго обученія требовали еще, чтобъ палачъ преподавалъ наказуемому правила педагогической морали. Такъ палачъ-авдиторъ при каждомъ ударѣ долженъ былъ говорить: учись хорошенько и меня подъ розги не подводи; когда же роли мѣнялись и на полу лежалъ авдиторъ, то его палачъ покрикивалъ: не фальши! Не правда ли, разумная педагогика! Роль истязуемаго, благодаря грубому насилію, я поневолѣ выполнилъ, но когда выпала на мою долю почетная профессія палача, я не выдержалъ, со мною случился обморокъ. Товарищи говорили послѣ, что передъ паденіемъ на полъ я какимъ-то ужасно-дикимъ голосомъ прохрипѣлъ: убить меня вы можете, но я бить никого не буду. Должно быть этотъ казусъ на этого учителя, а черезъ него и на другихъ нашихъ педагоговъ произвелъ впечатлѣніе: меня мои подъавдиторные много разъ драли, но я никогда не получалъ приказанія быть заплочныхъ дѣлъ мастеромъ. Итакъ, 3-го сентября 1850 г. совершилось кровавое бурсацкое крещеніе! Памятно же это число было для меня! Кажется на другой же день, или черезъ день, я получилъ порку отъ другого учителя и опять по такому же поводу. Только эта порка была потяжелѣе, такъ какъ мой подъавдиторный палачъ былъ изъ великовозрастныхъ верзилъ, да и учитель, который ее назначилъ, желалъ, вѣроятно, поскорѣе и порадикальнѣе расплатиться съ отцомъ за полученную кредитку.

Затѣмъ порки стали повторяться чуть не ежедневно. Не легки были физическія страданія, но они были для меня просто пустяками, сравнительно съ моими нравственными страданіями. Иногда я цѣлыя ночи проводилъ въ слезахъ. Учителей, самое училище, да и большинство товарищей я возненавидѣлъ отъ всей души. Учителя это, вѣроятно, замѣтили и стали драть меня напропалую, такъ что струпья на ягодицахъ составляли обыденное явленіе. Болѣе всего меня возмущало то, что я никакъ своимъ дѣтскимъ умишкомъ не могъ постичь, за что меня безжалостно бранятъ, бьютъ и сѣкутъ. Учиться я продолжалъ пока еще хорошо; въ шалостяхъ, по крайней мѣрѣ крупныхъ, участія не принималъ. Повидимому, вся вина моя заключалась въ томъ, что я дома былъ хорошо подготовленъ и, отвѣчая урокъ, вставлялъ въ него кос-

что слышанное отъ дѣда и чего въ учебникѣ не было и потомъ еще я отвѣчалъ не изъ слова въ слово. Обыкновенно тотчасъ послѣ отвѣта учитель зарычитъ: а, ты опять умничать, дасть затрещину и пошлетъ къ порогу. Много томился и страдалъ я еще отъ бездѣлья.

Кромѣ учебниковъ, которые въ духовныхъ заведеніяхъ были изъ рукъ вонъ плохи, никакихъ книгъ для чтенія не полагалось. Какъ я сказалъ 3 часа вечеромъ назначались на приготовленіе уроковъ, которые я, при счастливой памяти и при нажитомъ дома умѣни готовить ихъ безъ зубрежки, а съ толкомъ, прекрасно выучивалъ въ $\frac{1}{2}$ часа. Что же было дѣлать остальные $2\frac{1}{2}$ часа? И я давалъ волю своему воображенію, которое, не сдерживаясь разсудкомъ, витало во всевозможныхъ сферахъ. Работалъ кое-какъ и мой маленькій умишко, который все чаще и чаще сталъ останавливаться на мысли, что учиться по крайней мѣрѣ въ бурсѣ не стоитъ, что будь хотя семи пядей во лбу, а учитель все-таки высѣчетъ, если только захочетъ.—Къ моему великому горю никто изъ моихъ товарищей не возбуждалъ моей симпатіи. Всѣ они, за исключеніемъ лишь одного вмѣстѣ со мною поступившаго прямо во 2-й классъ мальчика, тупого и вялаго, прсбыли въ бурсѣ уже два года и успѣли вдоволь проникнуться всѣми ея мерзопакостями. Болѣе же всего отталкивалъ меня отъ нихъ безобразнѣйшій цинизмъ: я не могъ безъ отвращенія слышать постоянную, служившую какъ бы украшеніемъ ихъ рѣчи, матерщину; чуть не ежедневно слыхалъ, какъ одинъ мальчикъ угваривалъ другого смазливенькаго за кусокъ булки удовлетворить противоестественную его похоть мужеложства; нерѣдко этотъ ужасающій порокъ видалъ я и на дѣлѣ, во время часто проводимыхъ мною въ мечтаніяхъ безсонныхъ ночей. Едва не половина учениковъ занималась педерастіей даже во время классовъ. Мало этого. Рассказывали, и, кажется не безъ основанія, что въ мое время были два учителя, которые красивыхъ учениковъ приглашали къ себѣ для мужеложства. Мое цѣломудренное чувство отказывалось вѣрить этому невѣроятному слуху. Но были факты, которые и невѣроятное дѣлали почти вѣрнымъ. Напр., одинъ учитель, когда нужно бывало посѣчь его любимца, самъ бралъ изъ рукъ палача лозу и ею только слегка поглаживалъ его мареутку, плотоядно взглядывалъ на нее, и приговаривалъ: для нѣжнаго мальчика и этого довольно. Вотъ для окаяннаго, т.-е. меня, и двухъ лозъ мало. Кстати скажу здѣсь о прозвищахъ, которыя были даны мнѣ. Товарищи называли меня *башкой* за блестящіе отвѣты на повѣрочномъ пріемномъ экзаменѣ.

Какъ я въ началѣ своей бурсацкой жизни не долюбивалъ

товарищей и сторонился отъ нихъ, такъ и они платили мнѣ тою же монетою, хотя наружно и относились ко мнѣ, какъ къ недурно развитому физически и нравственно, съ нѣкоторымъ уваженіемъ. А одинъ случай заставилъ ихъ и полюбить меня искренно по крайней мѣрѣ большинство ихъ. Прошло, сколько помню, уже около двухъ мѣсяцевъ моей бурсацкой каторги. Несмотря на антипатію къ ученью, учителямъ и разнымъ нелѣпымъ порядкамъ, несмотря на зародившуюся мысль, что учиться не стоитъ, я все-таки еще оставался нравственнымъ мальчикомъ и хорошимъ ученикомъ. Къ этому болѣе всего обязывало меня письмо дѣда, въ которомъ онъ просилъ меня не переставать доставлять ему удовольствіе тѣмъ болѣе, что смерть его близка, что у него началась водянка. Я не могъ не исполнить желанія дѣда. Разъ учитель-попъ, по случаю обѣдни, запоздалъ въ классъ часа на два. Отъ бездѣлья у насъ началось чистое столпотвореніе вавилонское: едва не каждый дурилъ, сообразно своимъ наклонностямъ и умѣнью. Невообразимый шумъ нашего класса заставилъ одновременно прекратить на время уроки одного учителя и инспектора, жестокаго человѣка, которые оба и явились въ нашъ классъ съ пѣною у рта и крикнули: розогъ! Взбѣсилъ ихъ не столько шумъ, сколько крупная брань по адресу инспектора, которую онъ, вѣроятно, слышалъ. Перваго ученика не было въ классѣ, и цензорскія обязанности лежали на мнѣ. Поэтому на меня, главнымъ образомъ, и обрушился гнѣвъ начальства. На обыкновенный въ такихъ случаяхъ вопросъ: кто шумѣлъ и кричалъ,—я далъ обычный отвѣтъ: всѣ. Вслѣдъ за симъ благословляющая именемъ Бога мира и любви рука о. инспектора вцѣпилась въ мое ухо и безжалостно потащила на бурсацкое лобное мѣсто. Дали мнѣ розогъ 15—20, и я вынесъ ихъ, не издавъ ни единого звука и гордо сознавая, что я страдаю за «всѣхъ». Но оказалось, что это были еще только листочки, ягодки же предстояли впереди. Едва я добрался до своего цензорскаго мѣста, какъ разсвирѣпѣвшій инспекторъ предлагаетъ новый вопросъ: а кто передъ самымъ моимъ приходомъ ругался по-матерно. Сказать: всѣ, или не знаю—я не могъ, потому что любовь къ правдѣ не успѣли еще выбить изъ меня. Я и отвѣтилъ: мои тятенька и дѣдушка говорили, что быть фискаломъ и доносчикомъ на товарищей нехорошо и гнусно; я не скажу, кто ругался.—«Такъ ты не скажешь», прорычалъ озвѣрѣвшій батя.—«Не скажу».—«Посмотримъ! Двухъ служителей!» прошипѣлъ онъ, и его рука начала снова разгуливать по моей головѣ и спинѣ до той поры, пока я не дошелъ до мѣста порки. Явились служители, и началось настоящее истязаніе. Озвѣрѣлъ должно быть и я, такъ какъ, несмотря на жестокую боль, я выдержалъ

пытку молча, хотя подъ конецъ ея и находился въ полусознательномъ состояніи. Послѣ порки я уже не въ состояніи былъ сдѣлать своего туалета, который тогда былъ очень незамысловатъ. Я забылъ сказать, что когда меня стали часто очень сѣчь, я подобно большинству бурсаковъ сталъ ходить въ классы въ синемъ пестрядинномъ халатѣ, сюртукъ же надѣвалъ только по праздникамъ. Туалетъ мой состоялъ, значить лишь въ томъ, чтобы развязать или завязать гасникъ у портковъ, а остальное было дѣломъ держателей: одни поднимали халатъ на голову, другіе тащили портки внизъ. Ну, конечно, увели меня въ больницу, въ которой я очнулся уже въ сумерки, окруженный толпою товарищей. Начальство не запрещало имъ навѣщать меня въ теченіе всего вечера, вѣроятно, вспомнивъ, какъ послѣ такой же жестокой порки лѣтъ 10 назадъ одинъ ученикъ повѣсился въ больничномъ нужникѣ. И какъ пріятно провелъ я въ больницѣ этотъ вѣчно памятный вечеръ! Сколько искренняго участія, сколько сердечной доброты проявили ко мнѣ заскорузлые, повидимому, очерствѣлые циники-бурсаки. Добрая ихъ половина приходила ко мнѣ въ больницу съ словами ободренія и утѣшенія, а иные и съ кусочкомъ булки. Было у меня тогда даже нѣсколько учениковъ старшихъ классовъ. Я сталъ героемъ дня, выросъ въ глазахъ товарищей и сталъ авторитетнымъ лицомъ. Дня черезъ 4—5 фельдшеръ выписалъ меня изъ больницы, хотя струпья долго еще не заживали. Въ классѣ, по распоряженію инспектора и учителя, я занялъ послѣднее мѣсто и такимъ образомъ былъ причисленъ къ гражданамъ камчатки. За что же такая вопіющая несправедливость? Вѣроятно, начальство нашло, что поведеніе мое очень дурно, хотя ничего дурного я не сдѣлалъ.

Какъ-то вскорѣ послѣ этого бывший сосѣдъ мой, первый ученикъ и сынъ смотрителя, ласково заводитъ со мною рѣчь о томъ, чтобъ я попросилъ прощенія у инспектора и выдалъ бы товарищей, ругавшихъ его. Сообщилъ онъ также, что его папенька (онъ какъ горожанинъ не называлъ уже отца тятенькой) скоро пріѣдетъ въ нашъ классъ и накажетъ меня легохонько. Парламентера этого я уже чисто по-бурсацки послалъ ко всѣмъ чертямъ, да еще не одного, а вмѣстѣ съ отцомъ. Коля—такъ звали смотрительскаго сына, просто опѣшилъ отъ подобнаго пріема и только спросилъ: да что съ тобой сдѣлалось?—Уйди, Коля, сказалъ я, я золъ на весь міръ; я теперь уже не тотъ, какимъ былъ прежде.— Не обошелся бы я съ нимъ такъ грубо, еслибъ онъ не былъ сынъ начальства, тѣмъ болѣе, что онъ любилъ меня и напрашивался на мою дружбу. Впрочемъ, скоро недоразумѣнія между нами исчезли. И, дѣйствительно, слова, сказанныя Колѣ, не были пустой

фразой,—со мною произошелъ рѣзкій, крутой переломъ: товарищи стали для меня въ тысячу разъ дороже, зато къ начальству я сталъ относиться не только съ ненавистью, но и съ какой-то гадливостію. Сдѣлать ему какую-либо пакость было для меня величайшимъ наслажденіемъ, и я не скупился на изобрѣтеніе этихъ пакостей, которыя къ тому же приводилось большею частію устраивать такъ ловко, что выходилъ сухимъ изъ воды.

Приблизительно дней черезъ 10—12 явился и смотритель съ инспекторомъ и учителями. Начались опять допросы: кто ругалъ о. инспектора? Допросы, сопровождаемые то обѣщаніемъ полного прощенія, то угрозами жестокой порки и исключенія изъ училища. Я храбро выдержалъ свой характеръ, не выдавъ никого изъ товарищей, молча выдержалъ порку, остался въ камчаткѣ и всѣми силами своего сердца возненавидѣлъ начальство, насколько, конечно, позволяли это мой ребячій возрастъ и моя мягкая, добрая натура. Тяжко же, вѣроятно, мнѣ было, если моя злоба противъ начальства, поддерживаемая, впрочемъ, его жестокостями и несправедливостями, за все время моей училищной жизни кипѣла, такъ сказать, ключомъ. Хотя и стыдно, но надо признаться, что я цѣлые дни иногда занимался придумываніемъ какой-либо пакости тому или другому изъ нашихъ начальниковъ-тирановъ. И пакости выходили нерѣдко грандіозныя и замѣчательныя еще въ томъ отношеніи, что я большею частію выходилъ сухимъ изъ воды. Поищутъ бывало виновника пакости, да и отступятся. Я находилъ почти постоянно въ сильномъ подозрѣніи, но бурса, а болѣе всего вопіющія несправедливости начальства такъ вышколили меня, что я на допросахъ былъ всегда невиннымъ агнцемъ. А допросы бывали и съ пристрастіемъ, но чаще они характеризовались іезуитскими приѣмами. Нѣкоторыя пакости, впрочемъ, случайно и открывались, но объ этомъ послѣ поговорю. Чтобъ не забыть, теперь же добавлю, что по переходѣ въ семинарію все зло, причиненное мнѣ училищнымъ начальствомъ, я искренно простилъ послѣ того, какъ узналъ отъ отца, что во время его ученія жилось еще гораздо хуже, начальство было тогда еще свирѣпѣе. Умишко мой, привыкшій къ усиленной работѣ, несмотря на мои 12—13 лѣтъ, скоро сообразилъ, что начальники портили насъ такъ же, какъ въ свое время и ихъ портили, и что они, извращая нашу природу, не вѣдали, что творили.

Сколько помнится, вскорѣ послѣ описанной порки меня увезли домой; объ отпускѣ мой незабвенный дѣдъ просилъ самого архіерея, съ которымъ жилъ тогда въ ладахъ. А просьбу свою онъ мотивировалъ приближеніемъ скорой смерти. Пріѣхалъ я домой дня за четыре до смерти дѣда, который безконечно обрадовался

мнѣ и несмотря на свои ужасныя страданія, при мнѣ постоянно бодрился и былъ даже веселъ. Незадолго же до наступленія агоніи незабвенный мой дѣдъ, сильно задыхаясь, долго наставлялъ меня на путь истинный, кротко выслушалъ мои жалобы на бурсацкіе порядки и безтолковое ученье, утѣшалъ меня необходимостью запастись долготерпѣніемъ, и наконецъ, уже угасавшимъ голосомъ сказалъ: бери съ меня примѣръ); я 40 лѣтъ былъ попомъ и не заклеилъ свою грудь никакою наградой начальства, потому что не гнулъ передъ нимъ шеи; не будь же гибокъ и ты. Ручаюсь, что вѣрно я передалъ суть послѣдняго наставленія дѣда; хотя, быть можетъ, и не въ тѣхъ точно выраженіяхъ. Смерть дѣда была для меня страшнымъ ударомъ; на меня нашелъ какой-то столбнякъ. Съ момента смерти дѣда и до опусканія его въ могилу, т.-е. въ теченіе трехъ сутокъ, я какъ-будто не жилъ, или, точнѣе говоря, былъ какимъ-то автоматомъ. Я, кажется, не сознавалъ, что дѣлалось въ этотъ періодъ времени; память мою отшибло до такой степени, что ничего не помнилъ изъ того, что происходило въ эти три дня.

Послѣ похоронъ дѣда я нѣсколько недѣль болѣлъ, но чѣмъ,—не знаю. Вѣроятно было какое-либо нервное страданіе, такъ какъ мою болѣзнь окрестили лунатизмомъ. Когда я ужъ сталъ поправляться, мать рассказывала, что послѣ смерти дѣда я пересталъ ѣсть и спать, ничего не говорилъ, да врядъ ли и понималъ что-либо. Нѣсколько, разъ по ночамъ я соскакивалъ съ постели и выбѣгалъ изъ дому, а разъ или дав—не помню уже—меня нашли около могилы дѣда. До самой же могилы я добраться не могъ, ибо она находилась подъ церковью. Какъ только я не замерзъ,—одинъ Аллахъ вѣдаетъ: вѣдъ дѣло было въ мартѣ. Какой-то инстинктъ побуждалъ меня предъ отправкою въ ночныя походы одѣваться, а не бѣгать въ одномъ ночномъ бѣльѣ. Впрочемъ, и одѣяніе-то мое было очень неважное: халатъ, валенки, да отцовская шапка, такъ какъ моя шапочка, а равно и шубенка были спрятаны. Былъ устроенъ даже и караулъ, но, надо полагать, неособенно бдительный, такъ какъ и при немъ я иногда побѣгивалъ. Но онъ полезенъ для меня былъ въ томъ отношеніи, что кто-либо изъ караульщиковъ, очнувшись, тотчасъ же ловилъ меня или на дорогѣ къ кладбищу ($\frac{1}{2}$ версты отъ дома), или еще на дворѣ. По поводу моей необычной болѣзни былъ созванъ даже какой-то совѣтъ, на которомъ одинъ родственникъ-іерей, не стыдясь, обвинялъ меня въ притворствѣ, основываясь на томъ, что я бѣгалъ не въ одной рубашкѣ, а одѣвался, и, какъ радикальное средство, предложилъ спустить съ меня три шкуры. Но мои родители такое свирѣпое лѣченіе признали слишкомъ ужъ радикаль-

нымъ и при моей слабости и сильной худобѣ даже опаснымъ. Кто-то изъ членовъ совѣта предложилъ каждодневно парить, а потомъ голову обкладывать льдомъ, руководясь, вѣроятно, обычаемъ семинаристовъ послѣ паренья вѣникомъ кататься на снѣгу. Отецъ мой отвергъ паренье, какъ испробованное уже безрезультатно средство, и согласился лишь вмѣсто обкладыванія льдомъ на холодныя примочки. Одна попадья привезла съ собою скуфейку съ мощей Митрофанія и совѣтовала надѣть ее мнѣ на голову. Мать моя ухватилась за это спасительное средство, какъ утопающій за соломенку. Но отецъ—всегда немного скептикъ—рѣшилъ употреблять попеременно скуфейку и холодныя примочки.

Черезъ нѣсколько дней началось мое выздоровленіе. Первымъ моимъ воспоминаніемъ, удержавшимся въ памяти, былъ споръ между родителями о моемъ кормленіи. Отецъ настаивалъ на молокѣ; мать же противилась этому какъ потому, что наступила Страстная недѣля, такъ еще болѣе потому, что я носилъ скуфейку. Мнѣніе отца, подкрѣпленное убѣдительными, хотя и очень либеральными для его сана доводами и потому оставившее прочный слѣдъ въ моей памяти, взяло наконецъ верхъ. Исцѣленіе мое было приписано, конечно, чудотворной скуфейкѣ, и объ немъ долго тараторила стоустая молва. Памятно мнѣ также, что если разскажъ о чудѣ происходилъ при отцѣ, то онъ всегда какъ-то особенно улыбался. Выздоровленіе мое пошло очень быстро, такъ что тотчасъ послѣ Пасхи рѣшено было меня отправить въ ненавистную бурсу. Ласковыя чисто дружескія увѣщанія родителей, ихъ даже слезы и просьбы, хотя въ память дѣда не огорчать ихъ моими яко бы дурнымъ поведеніемъ и плохимъ ученіемъ задѣли меня, какъ говорится, за живое. Я помирился съ необходимостью снова поступить въ бурсацкую кабалу и даже обѣщалъ, хотя и не категорически, приложить, на сколько силъ хватить, все свое старанье и умѣнье, чтобъ сдѣлаться прилежнымъ и благонравнымъ бурсакомъ. Безусловно обѣщать я не могъ, вѣроятно, потому, что любовь къ правдѣ не была еще изъ меня выбита, а не исполнить обѣщанія мой ребячій умишко уже тогда считалъ обманомъ. Понималъ, надо полагать, я и слабость своихъ силъ въ предстоящей борьбѣ съ искушеніями, а силъ дѣйствительно требовалось много, чтобъ стать благонравнымъ мальчикомъ въ глазахъ нашихъ педагоговъ тогдашняго времени. Отецъ—я помню это хорошо—удовлетворился моимъ условнымъ обѣщаніемъ и крѣпко расцѣловалъ меня. Но мать не удовольствовалась имъ: она не разъ требовала, чтобъ я предъ иконой поклялся исправиться безъ всякихъ «если», такъ что она даже вывела изъ тер-

пѣнія отца, который вынужденъ былъ на нее прикрикнуть. Всю дорогу, а она по случаю распутицы тянулась не менѣе двухъ дней,— я обдумывалъ предстоящую мнѣ жизнь, суть которой должна состоять въ исправленіи чего-то мало для меня понятнаго. Съ какими горячими слезами, съ какой дѣтской искренностію я молилъ Бога о помощи! Мой, непривыкшій еще къ анализу, маленький умишко работалъ изо всѣхъ силъ, а толку выходило мало. Я понималъ только, что для успокоенія дорогихъ моихъ родителей, ради священной для меня памяти дѣда, я долженъ исправиться. Я не очень довѣрялъ угрозамъ матери, что въ случаѣ исключенія меня изъ училища домъ родительскій будетъ для меня закрытъ, ибо былъ увѣренъ въ ея и отцовской любви ко мнѣ. Болѣе пугала меня нарисованная отцомъ картина. Въ случаѣ исключенія, говорилъ онъ, мнѣ предстоятъ двѣ перспективы крайне мрачныя: или быть звонаремъ и только при особомъ счастіи дьячкомъ, или угодить подъ красную шапку. Отъ этой послѣдней перспективы, при одномъ только представленіи о ней, морозъ подиралъ кожу. Еще въ раннемъ дѣтствѣ мнѣ пришлось наслушаться ужасающихъ разсказовъ о солдатской жизни для лицъ изъ духовнаго званія. Въ началѣ, кажется, сороковыхъ годовъ забирали въ солдаты всѣхъ исключенныхъ изъ училищъ и семинарій и достигшихъ извѣстнаго возраста: тогда-то стоялъ на Вятской землѣ и въ градахъ и въ весяхъ стонъ и вой. Архіерей пошады не давалъ даже женатымъ и семейнымъ, чтобъ обиліемъ рекрутъ угодить начальству. Все это вмѣстѣ взятое привело меня къ рѣшенію: во что бы то ни стало исправиться. Но какъ!? Вотъ вопросъ, который я не могъ тогда рѣшить, такъ какъ при рѣшеніи его въ моемъ слабомъ умѣ возникало много противорѣчій и неясностей. Педагоги того времени (да, пожалуй нѣкоторые изъ нынѣшнихъ) называли бы меня дуракомъ, не понимающимъ самыхъ простыхъ вещей; они сказали бы: учись прилежно, да веди себя благонравно—вотъ и все нужное для исправленія. Эхъ, господа педагоги! Я зналъ эту прописную мораль, да дѣло мнѣ представлялось тогда далеко не такимъ простымъ и легкимъ, какъ казалось педагогамъ. У меня съ ранняго дѣтства была сильная склонность къ ученью, благодаря толковымъ и приноровленнымъ къ дѣтскому пониманію разсказамъ и объясненіямъ дѣда и частію отца, а скоро появилась и любознательность. Должно полагать, что я порядочно надоѣдалъ вопросами, часто неумѣстными, своимъ дорогимъ воспитателямъ, которые терпѣливо и толково удовлетворяли мою любознательность. Дома и ученье мое, т.-е. приготовленіе уроковъ изъ разныхъ предметовъ, шло хорошо, ибо требовалась не зубристика безтолковая, а отчетли-

вое пониманіе и запоминаніе урока. Въ училищѣ же преподаваніе велось на особый ладъ, или, точнѣе говоря, у насъ не было никакого преподаванія. Намъ только задавали уроки: отъ сихъ и до сихъ и требовали, чтобъ при отвѣтѣ урока мы не дерзали не только одно слово замѣнить другимъ, хотя бы и болѣе удачнымъ, но даже переставить сосѣднія слова безъ всякаго искаженія смысла. За двѣ-три самыя невинныя ошибки назначалась болѣе или менѣе жестокая порка, или, если учитель не былъ еще раздраженъ, то мы отдѣлывались стояніемъ на колѣнахъ или земными поклонами. Объясненій задаваемыхъ уроковъ, конечно, не полагалось. Вся преподавательская дѣятельность всѣхъ безъ исключенія учителей нашихъ ограничивалась слушаніемъ уроковъ, при чемъ за буквальною правильностію ихъ они, т.-е. учителя, слѣдили по книгѣ. Затѣмъ разсматривалась пресловутая нотата и, наконецъ, слѣдовала болѣе или менѣе жестокая порка, которой каждодневно подвергалось не менѣе пяти, а иногда и болѣе 20 учениковъ въ одномъ только классѣ. Система эта, впрочемъ, разнообразилась, такъ какъ у насъ было нѣсколько учителей. Одинъ изъ нихъ строго держался описаннаго только что порядка, другой начиналъ классъ просматриваніемъ нотаты, за которымъ слѣдовали слушаніе уроковъ и, наконецъ, порка; былъ и такой педагогъ, который порку производилъ въ теченіе класса 2 и даже изрѣдка 3 раза. Просмотритъ онъ нотату и всѣхъ учениковъ, у которыхъ стоитъ въ ней ps и nt, перепоретъ. Затѣмъ начнетъ спрашивать урокъ у тѣхъ, противъ которыхъ въ нотатѣ поставлено eg или sc, и, если найдетъ, что отмѣтки эти выставлены, по его мнѣнію, болѣе снисходительно, чѣмъ слѣдуетъ, то назначается порка сціенсамъ и еррантамъ. Наконецъ снимають штанишки и тѣ авдиторы, которые по добротѣ или за взятку поставили въ нотатѣ высшіе, чѣмъ должно, баллы. Нужно добавить, что утренній классъ продолжался ровно четыре часа—съ 8 до 12; перемѣнъ никакихъ не полагалось. Уже по этому можно судить о премудрыхъ педагогическихъ порядкахъ сороковыхъ годовъ. Мнѣ часто приходило на мысль, что не для собственнаго ли развлеченія учителя такъ часто и такъ несправедливо драли насъ? Вѣдь не легко четыре часа просидѣть за скучнѣйшимъ дѣломъ. Я недоумѣвалъ, да и теперь остаюсь въ недоумѣніи, для чего отъ нашихъ учителей требовалось окончаніе курса въ семинаріи; ихъ легко и удобно могъ замѣнить каждый грамотный крестьянинъ. Мудрено ли, что при такихъ учителяхъ и такихъ порядкахъ училищная наука или, говоря точнѣе, безобразное преподаваніе ея постепенно становилось для меня отвратительнѣе и омерзительнѣе. Приняться за зубреніе урока было для меня самымъ

тяжелымъ подвигомъ; на учебники и смотрѣть было тошно, а между тѣмъ тѣ же книги дома доставляли мнѣ наслажденіе. Поэтому во время спрашиванія уроковъ и я, бывшій правдивый мальчикъ, подобно нѣкоторымъ товарищамъ, сталъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ и обманамъ, лишь бы только не зубрить уроковъ. Чѣмъ чаще удавались обманы, тѣмъ чаще я прибѣгалъ къ нимъ. Я даже изобрѣлъ нѣсколько новыхъ способовъ обманывать учителей. Мои домашніе взгляды на правдивость, на честность пошли прахомъ. Мало этого. Какой-либо хитроумный и одурачивающій начальство обманъ доставлялъ мнѣ высокое наслажденіе. Паденіе моихъ нравственныхъ началъ особенно шибко пошло со времени описанной выше порки. Возвращаясь въ училище и задумываясь надъ вопросомъ, какъ я долженъ исполнить обѣщаніе прилежно учиться и благонаравно вести себя, мнѣ—тогда десятилѣтнему ребенку—стало ясно, что благонаравіе на взглядъ начальства состоитъ въ злонравіи. Значить, чѣмъ больше я буду лгать, на всѣ лады выставлять себя на показъ и съ выгодной стороны начальству, низкопоклонничать при случаѣ, всегда лицемѣрить, тѣмъ я заслужу большее благоволеніе своего начальства. Конечно, не сознаніе, а только инстинктъ подсказывалъ, что все это гадко, пошло, но тѣмъ не менѣе необходимо. Итакъ для того, чтобы считаться въ глазахъ начальства хорошимъ ученикомъ, я долженъ былъ предать себя безсмысленной, оупляющей долбнѣ съ одной стороны, а съ другой—похерить всѣ хорошіе нравственные задатки, полученные мною дома. Теперь я—старикъ—съ ужасомъ вспоминаю это время моего нравственного и умственного паденія. Какіе боги помогли мнѣ хоть немного уцѣлѣть отъ этого подлаго, развращающаго, но считавшагося благонаравнымъ режима, я и теперь отчетливо не сознаю. Вѣдь легко только сказать, что я почти 7 лѣтъ былъ благонаравнымъ отрокомъ и юношей, что въ переводѣ благонаравія на простой человѣческій языкъ означаетъ, что я сдѣлался отчаяннымъ фарисеемъ и лицемѣромъ, потерявшимъ всякое понятіе о честномъ и святомъ для порядочнаго человѣка и напрягавшимъ всѣ силы своего умишка для того, чтобъ свое благонаравіе представить въ самомъ выгодномъ свѣтѣ начальству и чтобъ изъ-за угла пакостить ему, насколько силы позволяли. И я, дѣйствительно, пакостилъ ему въ грандіозныхъ размѣрахъ и только изрѣдка попадался впросакъ, а большею частію выходилъ сухимъ изъ воды.

Конечно, переломъ этотъ совершился не сразу, не во время только моего путешествія въ Вятку. Но я отлично помню, что въ эти два дня я рѣшилъ окончательно, что я долженъ быть прилежнымъ ученикомъ, т.-е. безсмысленнымъ зубрилою и благо-

нравнымъ, т.-е. злонравнымъ мальчикомъ. Перспектива красной шапки и звонарства, въ связи съ просьбами дорогихъ родныхъ, сдѣлали, значить, свое дѣло. Скоро товарищи по училищу за мое благонравіе наградили меня кличками: сатаны и ipse, что на училищномъ жаргонѣ значило еще нѣчто худшее, чѣмъ дьяволъ. И эти клички даны мнѣ товарищами, любя, и ими я даже гордился. Хорошъ же я, вѣроятно, былъ тогда, если заслужилъ подобные титулы! Была еще у меня и третья кличка: «о, окаянный», но она заслужена мною не по праву, а случайно. Произошло это такъ: въ послѣобѣденные классы мы занимались церковнымъ пѣніемъ. Какъ-то пѣли ирмосы, въ одномъ изъ которыхъ есть слова: «о, окаянный, вопіяше азъ», которые обыкновенно произносились громко—fortissime и на высокихъ нотахъ. Сидя въ камчаткѣ, т.-е. на задней партѣ и вдали отъ учителя, я часто въ классѣ пѣнія отдавалъ себя во власть Морфея. Но зная, что въ этотъ классъ надо гаркнуть во всю глотку,—а она у меня была всегда громогласная, хотя и несуразная,—я просилъ сосѣда разбудить меня, когда придетъ время гаркнуть. Но насмѣшникъ сосѣдъ разбудилъ меня раньше, чѣмъ слѣдовало,—и я съ просонья, не прислушавшись къ пѣнію, гаркнулъ во всю свою широкую глотку: «о, окаянный» и т. д. Эффектъ вышелъ необычайный; послѣдовалъ гомерическій хохотъ всего класса во главѣ даже съ учителемъ. Послѣдній съ веселымъ смѣхомъ выпалилъ остроту, пришедшуюся по вкусу всѣмъ товарищамъ: будь же ты отнынѣ окаянный. Послѣдовалъ новый взрывъ хохота, чѣмъ и кончилось все дѣло. Мнѣ сверхъ моего ожиданія не было даже порки. Учитель пѣнія о забавномъ инцидентѣ сообщилъ другимъ учителямъ, и я надолго потерялъ свою настоящую фамилію, которую наши милые педагоги замѣнили словомъ: «о, окаянный». Эти три клички я получилъ въ разное время моей училищной жизни, но когда и въ какомъ порядкѣ,—теперь не помню.

Однако я опять порвалъ нить разсказа и уклонился въ сторону.

Пока я болѣлъ да проводилъ пасхальныя каникулы въ родномъ гнѣздышкѣ, надо мной собиралась жестокая гроза. Не помню уже, одинъ ли инспекторъ, или вкупѣ съ учителями и смотрителемъ подготовили для меня ужасную пакость, которая лишь, благодаря счастливому случаю, миновала меня. Когда, по возвращеніи изъ дома, я явился къ инспектору, онъ съ ехидной улыбкой сказалъ мнѣ: завтра въ 8 ч. одѣнься получше, да приди ко мнѣ за пакетомъ. Съ тобой желаетъ познакомиться архіерей. Конечно не мало задумался я надъ этими словами, но не струсилъ, такъ какъ архіереемъ тогда былъ благодушный старецъ Неофитъ, у кото-

раго я сиживаль на колѣняхъ, когда, еще до отдачи меня въ бурсацкую каторгу, онъ бываль въ гостяхъ у дѣда. Отправляюсь я къ архіерею, отвѣшиваю ему, по обычаю, земной поклонъ, принимая благословеніе и передаю запечатанный пакетъ. Такъ это ты бунтовщикъ-то! Вотъ я тебя проучу, говоритъ архіерей, а самъ ласково улыбается. Вѣроятно, его поразили мой чрезвычайно тогда малый ростъ и добродушное совершенно ребячье лицо, которые давали поводъ многимъ считать меня 5—6 лѣтнимъ ребенкомъ. Затѣмъ онъ беретъ меня за руку и со словами: «ну-ка пойдѣмъ, бунтовщикъ» ведетъ въ кабинетъ. Послѣ долгаго упорства съ моей стороны онъ усаживаетъ меня и начинаетъ спрашивать о дѣлѣ моемъ, а потомъ о дѣдѣ и его смерти. Воспоминаніе о немъ и ласковое участіе архіерея довели меня до слезъ, да и у него самого глаза стали влажны. «Я любилъ крѣпко о. Савватія; очень ужъ онъ былъ уменъ, добръ и правдивъ, говорилъ мнѣ архіерей; языкъ только у него былъ острѣе бритвы, да не умѣлъ онъ молчать при нуждѣ. Будь же и ты въ дѣда, только не будь рѣзокъ на словахъ, пока учишься, да больше имѣй терпѣнія, помни, что корень ученія горекъ и что самъ премудрый Сирахъ при ученіи велитъ почаще прибѣгать къ жезлу. Охъ, уже эти учителя! Хотятъ ребенка выгнать изъ училища!»—какъ бы про себя проговорилъ добрякъ, поцѣловаль меня и на прощаньи цѣлыя пригоршни далъ разныхъ сластей. «Ну, прощай, да не бунтуй больше», улыбаясь, промолвилъ онъ. Можете себѣ представить, съ какою радостію и какими веселыми ногами я бѣжалъ въ училище. На вопросъ инспектора о предметѣ разговора съ владыкою я отдѣлался уклончивыми фразами, не задѣвая, впрочемъ, амбицію моего прямого начальства... Вышло какъ-то такъ, что и волки были сыты и овцы цѣлы. Даже инспекторъ самъ немного смягчился: онъ дралъ меня уже не такъ жестоко, а главное не придирался ко мнѣ зря. Послѣ я узналъ, какая горькая доля готовилась мнѣ. Начальство сдѣлало архіерею представленіе обо мнѣ, какъ объ опасномъ для спокойствія училища бунтовщикѣ и просило разрѣшенія у архіерея исключить меня, чтобъ оградить отъ моей, такъ сказать, заразы другихъ благонравныхъ учениковъ. Къ моему счастью, во-первыхъ, представленіе это поступило къ добрѣйшему архіерею, а во-вторыхъ, оно поступило вскорѣ послѣ полученія имъ извѣщенія о смерти моего дѣда. Случилось такъ, что кляуза училищнаго начальства попала въ руки архіерея въ присутствіи одного попа, жившаго недалеко отъ нашего села. Конечно, въ кляузѣ, быть можетъ, и неоднократно было упомянуто мое имя. Архіерей спрашиваетъ бывшаго тутъ священника: «ты говорилъ мнѣ, что былъ на похоронахъ у отца Савватія; нѣтъ ли у него

внука, соименнаго ему Савватія Сычугова?» Выслушавъ объясненіе моего родства съ дѣдомъ, архіерей сказалъ: «да, теперь припоминаю, что, бывши у покойнаго, я держалъ еще у себя на колѣнахъ маленькаго, бѣленькаго мальчика». А священникъ добавилъ, что этотъ мальчикъ навѣрно я, что дѣдъ во мнѣ души не чаялъ, что взялъ меня къ себѣ на житіе отъ родителей и самъ даже приготовилъ меня для поступленія въ училище. Этотъ-то случай, главнымъ образомъ, и спасъ меня отъ бѣды, а не одно только добродушіе архіерея, такъ какъ и при немъ исключалось не мало учениковъ за пустячныя проступки. Но я и теперь еще съ признательностію все-таки вспоминаю объ немъ. При другомъ архіереѣ никакой случай не выручилъ бы меня. И пришлось бы мнѣ тогда или тянуть солдатскую лямку, или доить колокола.

Въ с. Великорѣцкомъ, гдѣ дѣдъ и отецъ священствовали вмѣстѣ (другъ за другомъ) 70 лѣтъ и гдѣ я также свирѣпствовалъ въ качествѣ земскаго врача 10 л., бываетъ въ маѣ, по случаю принесенія иконы изъ Вятки, громадное стеченіе народа. Знатоки на глазомѣръ опредѣляли число его въ 80—100 тысячъ. На этотъ праздникъ въ старину ежегодно пріѣзжали не только архіерей, но даже губернаторъ и прочія высокія власти. Для архіерея выстроенъ даже особый каменный домъ, который и посейчасъ называется архіерейскимъ. Для всей этой знати дѣдъ давалъ шикарный обѣдъ, за который садилось 40—50 титулованныхъ лицъ. Передъ обѣдомъ гости выпивали, конечно, и закусывали. Въ числѣ ихъ былъ одинъ архимандритъ, который, наливъ себѣ рюмку, обхватилъ ее всей ладонью, вѣроятно, для того, чтобы другіе не видѣли, сколько въ нее налито вина. Но дѣдъ, увидѣвъ это, сказалъ громко: «ты что же это дѣлаешь, о. архимандритъ? Видно ты привыкъ—по-монашески ...?» Взрывъ хохота всѣхъ гостей былъ отвѣтомъ на эти слова. Не обидѣлся на нихъ и самъ архимандритъ. Только архіерей, когда уже умолкъ хохотъ, дружески замѣтилъ дѣду: «тебѣ бы, о. Савватій, надо быть митрополитомъ по твоимъ достоинствамъ, да языкъ у тебя только бѣдовый; никому ты не даешь спуска». И они разстались все-таки друзьями; архіерей попрежнему во время праздника навѣщалъ дѣда. Не забудьте, что все это было въ тѣ блаженныя времена, когда не только попы, но и протопопы падали ницъ предъ архіереемъ и раболѣпствовали на разные лады. Вліянію дѣда я обязанъ тѣмъ, что не только хладнокровно, но даже съ ироніей всегда относился къ разнымъ внѣшнимъ отличіямъ въ родѣ чиновъ, орденовъ, славы и пр. и во всю жизнь сохранилъ независимость своего характера. До какой степени вѣлось въ меня равнодушіе къ этой внѣшности, можно судить потому, что я тотъ-

часть по поступленіи въ земство отказался отъ чиновъ и пр., чѣмъ произвелъ на властей дурное впечатлѣніе. Если у меня и есть чиновная кличка, то я получилъ ее неожиданно за службу военную и посейчасъ рѣшительно не могу сказать, въ какомъ я рангѣ состою.

С. И. Сычуговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нѣчто вродѣ автобіографіи.

II. Въ дореформенной бурсѣ¹⁾.

Въ предыдущихъ своихъ воспоминаніяхъ, я упомянулъ о нотатѣ. Такого позорнаго, развращающаго нравственно дѣтей способа оцѣнки знаній въ гимназіяхъ, кажется, не существовало, и я хочу коротенько поговорить объ этомъ подломъ курьезѣ. Нотата—это тетрадь, разлинованная на квадратики, которыхъ противъ каждой фамиліи ученика въ горизонтальномъ направленіи полагалось столько, сколько было въ предстоящемъ мѣсяцѣ дней. Изъ учениковъ, считавшихся лучшими, назначались аудиторы, изъ которыхъ каждому подчинены были 5 товарищей, обязанныхъ отдать отчетъ въ знаніи урока корчащему изъ себя начальство аудитору. Такое слушаніе уроковъ производилось каждодневно до начала класса; для чего ученикамъ приходилось собираться часовъ въ 7 утра, такъ какъ классы начинались въ 8 час. Это было особенно тяжело ученикамъ, жившимъ не въ самой бурсѣ, а на квартирѣ; они—бѣдняги помимо того, что часто страдали отъ путешествія по ужаснымъ вятскимъ грязямъ или снѣжнымъ сугробамъ, помимо дождя, мятелей и тьмы кромѣшной испытывали нерѣдко остроту собачьихъ зубовъ. За одинъ годъ моей жизни на квартирѣ меня и мою жалкую одежду псы грызли не менѣе пяти разъ. Попечительному начальству и въ голову не приходила нелѣпость требованія являться въ классы особенно зимою задолго до свѣта. Къ счастью, во время моего ученія не было случаевъ укушенія бѣшеными собаками. Отмѣтки ставились въ нотатѣ въ квадратикахъ слѣдующія: sc.—sciens; nt.—nontotum, er.—errans и ns.—nesciens. Чтобъ получить которую-либо изъ этихъ отмѣтокъ, пятеро выслушиваемыхъ почтительно становятся полукругомъ предъ аудиторомъ, который сидитъ на скамейкѣ и съ важностію китайскаго мандарина корчитъ серьезную рожицу, а во время отвѣтовъ не спускаетъ съ книги глазъ, боясь, чтобъ ученикъ не замѣнилъ одно слово другимъ. Едва кончится слуша-

¹ См. «Гол. Мин.» № 1.

ніе уроковъ, какъ начинается вымогательство аудиторомъ отъ подчиненныхъ ему товарищей дани, которая нѣкоторыми и вручается ему совершенно открыто въ видѣ кусковъ чернаго, рѣдко бѣлаго хлѣба, иногда кусочка ржаного пирога и вообще чего-либо съѣдобнаго. Живущіе въ бурсѣ сами обыкновенно почти всегда бываютъ голодны, а потому данниками являются квартирные ученики. Бурсаки же платили взятки гусинымъ перомъ, клочкомъ бумаги; но были дани, о которыхъ безъ омерзенія и вспомнить не могу и о которыхъ, если не забуду, скажу въ другомъ мѣстѣ, когда дойдетъ рѣчь до ученическихъ пороковъ. Понятно, что дань вносилась не изъ любви къ аудитору, а за снисхожденіе въ нотатной отмѣткѣ, и чѣмъ больше была дань, тѣмъ выставлялась лучшая отмѣтка и тѣмъ большому риску подвергался и аудиторъ. Въ случаѣ обнаруженія неправильности учителемъ, обязательно слѣдовала взаимная порка—нѣчто въ родѣ примѣненія Ланкастерской системы взаимнаго обученія. Сначала снисходительнаго аудитора выпоротъ воспользовавшійся его снисхожденіемъ ученикъ и тотчасъ же, передавъ лозу аудитору, ложится самъ подъ нее. А учитель во время этого взаимнаго сѣченія изрыгаетъ какія-либо нравственныя сентенціи. Вотъ какъ съ ранняго дѣтства уродовали нашу нравственную природу во имя благонравія. Былъ и я тоже аудиторомъ, но только очень недолго; за аудиторство сѣкли и меня, но не за взятки. Я еще дома привыкъ ѣсть очень мало и плохимъ ѣдокомъ остался на всю жизнь; порцію бурсацкаго хлѣба я никогда не съѣдалъ, значить не было у меня причинъ брать взятки.

Природа надѣлила меня очень богатою, но своеобразною, пожалуй даже уродливою, памятью. Чтобы крѣпко запомнить мнѣ какой-нибудь хотя историческій рассказъ и передать его своими словами, мнѣ нужно было прочесть его внимательно 2—3 раза и болѣе, смотря по длинѣ его. Но самый бессмысленный наборъ словъ я могъ повторить безошибочно послѣ прочтенія его не болѣе 2-хъ разъ. Иногда цѣлую страницу глупыхъ словъ, я, на потѣху товарищей прочитаю одинъ разъ, повторялъ слово въ слово, но зато такое пріобрѣтеніе держалось въ моей несуразной памяти лишь нѣсколько часовъ. Поэтому изъ прекрасно, повидимому, выученнаго урока вечеромъ на другое утро не оставалось въ памяти ни шиша. Еще особенность моей памяти. Стоитъ меня во время моего вызубреннаго отвѣта остановить на минуту,—все тогда пропало; далѣе ужъ я не могу продолжать. Часто во время отвѣчанія урока находилъ на меня тупикъ вслѣдствіе какого-нибудь посторонняго обстоятельства, напр., неожиданнаго стука, шума и пр. Такъ было лѣтъ до 14—15; затѣмъ,

конечно, отъ упражненія память перваго рода, такъ сказать, сознательная,—память мыслей постепенно усилилась, а память словъ почти совсѣмъ улетучилась. Отсюда ясно, что моя память словъ была и хороша, и дурна. Хороша она была, если учитель спросить урокъ вскорѣ послѣ прочтенія его мною; дурна же она была, если отвѣчать приходилось въ концѣ класса, или если отвѣтъ мой прерывался чѣмъ-нибудь. И выходила неровность моихъ отвѣтовъ: въ одинъ день я прекрасно отвѣчаю,—а въ другой—стою и молчу, а это непостоянство страшно возмущало противъ меня учителей. Многіе уроки я про себя зналъ и могъ бы разсказать ихъ, хотя не очень складно своими словами, но горькимъ опытомъ я позналъ, что это опаснѣе, чѣмъ полное незнаніе. За послѣднее выпорять,—и только; за умалчиванье же, т.-е. за разсказъ своими словами, кромѣ порки приводилось выносить шелчки, зуботычины, оплеухи и—что для меня было невыносимо—выслушивать глупѣйшія сентенціи; «Ты, с....нъ сынъ, умничать вздумалъ, хочешь быть умнѣе книги» и т. д., вразумляетъ бывало учитель, а вразумляемый думаетъ, лучше бы ты дважды выпоролъ меня, чѣмъ пороть дичь и выматывать мою душу. На меня, да и на многихъ товарищей увѣщанія и проповѣди производили скверное вліяніе, особенно, если они были длинны или состояли изъ прописной морали.

Вооружившись возможною для тогдашняго моего возраста рѣшимостію зубрить во что бы то ни стало, я хорошо готовилъ уроки, въ нотатѣ безъ всякаго подкупа стояло у меня sc.; учителя почти каждый день спрашивали урокъ и были довольны моими отвѣтами; умничать передъ ними я также пересталъ. Отвращеніе къ зубристинѣ, кажется, усилилось, но я мужественно боролся съ нимъ и преодолевалъ пока его. Но недолго продолжалось мое ровное и хорошее ученіе. По возвращеніи изъ дома едва ли прошло болѣе 2-хъ недѣль, какъ у меня появились головныя боли, повидимому, перемежнаго характера. Онѣ мучили меня, сколько помнится, черезъ день и по утрамъ т.-е. тогда, когда я готовилъ уроки. Учителя почти каждый день спрашивали меня уроки и потому тотчасъ же обнаружили мое незнаніе, да при спросѣ я и самъ заявлялъ о немъ, ссылаясь на головную боль. Ссылка принята была за лѣнь и притворство,—и я еще съ продолжающею головною болью былъ высѣченъ. Учитель палачъ не сдержалъ себя еще отъ подленькой насмѣшки: лоза, сказалъ онъ съ улыбкой, отлично оттягиваетъ боль отъ головы къ Ученики загоготали, а я, съ болью и съ злобой, еле добрался до мѣста. На другое утро голова была свѣжа; я прекрасно приготовилъ и отвѣтилъ урокъ,—и все-таки былъ высѣченъ. За что же?

А за то, какъ вѣщалъ премудрый педагогъ, что одного, дескать, пріема лѣкарства мало, что моя болѣзнь можетъ повториться и что у меня хороши способности, да лѣни много. На слѣдующій день новый приступъ боли, опять незнаніе урока и порка,—и такія истязанія повторялись каждодневно; сколько времени они продолжались,—не помню, но не менѣе, кажется, 2-хъ недѣль. Я пересталъ почти ѣсть, исхудалъ, поблѣднѣлъ и ослабѣлъ до того, что уже самъ учитель послалъ меня въ больницу. Врачъ, обыкновенно рѣдко бывавшій въ ней, на мое счастье случился тутъ; посмотрѣлъ у меня языкъ, пульсъ, ткнулъ зачѣмъ-то пальцемъ въ брюхо, такъ что я вскрикнулъ отъ боли и сказалъ фельдшеру: «три кружки» вотъ и все. Это значило, что я долженъ выпить три большія кружки теплой воды, чтобъ очистить мой почти пустой желудокъ. Врачъ этотъ едва ли не всѣ болѣзни лѣчилъ рвотнымъ, что нравилось, конечно, начальству, клавшему деньги на лѣкарства себѣ въ карманъ. Меня отхлестало до обморока, порядочно напугавшаго врача. Но, когда я очнулся, то онъ не оставилъ меня въ больницѣ, а послалъ, въ сопровожденіи фельдшера впрочемъ, все-таки въ училище. Хорошъ, надо полагать, я имѣлъ тогда видъ, если самъ палачъ-учитель пожалѣлъ меня; онъ приказалъ раздвинуться ученикамъ, чтобъ я могъ до обѣда полежать на лавкѣ. И жалость его была своевременная, такъ какъ мнѣ сидѣть было не только вслѣдствіе слабости трудно, но и больно. Вся педагогическая часть тѣла была покрыта струпьями, а кальсоны отъ гноя и крови такъ заскорузли, что были точно кожанья. Болѣе всѣхъ за это время жалѣлъ меня нашъ служитель—простой крестьянинъ, даже не грамотный. Онъ первый еще вначалѣ болѣзни замѣтилъ, что мнѣ скучно и нездоровится, самъ напросился мыть хотя черезъ день мои заскорузлыя штанишки и даже на свой счетъ купилъ мнѣ булку, которою я и питался, должно быть съ недѣлю; до бурсацкой же пищи я почти не дотрогивался.

О чемъ только я не передумалъ во время этой болѣзни и каждодневныхъ порокъ? Не физическая боль и не болѣзнь такъ терзали и угнетали меня тогда, а что-то болѣе серьезное и, такъ сказать, духовное. Ужъ не начало ли просыпаться во мнѣ сознаніе, хотя пока болѣе похожее на инстинктъ, своего маленькаго человѣческаго достоинства, постоянно и несправедливо оскорбляемаго? Не знаю. Помню только, что духовно я страдалъ ужасно; помню также и помню отчетливо, что именно въ это время не однажды являлось у меня желаніе покончить съ собою—утопиться. Почему ужъ мнѣ хотѣлось умереть въ водѣ,—не помню. Быть можетъ, на выборъ этого рода самоубійства вліяло то, что училище наше стояло на самомъ берегу рѣки Вятки. Но мысль о смерти тотчасъ

же заставляла всплывать со дна души всѣ мои злые инстинкты. Мнѣ хотѣлось передъ смертью устроить начальству какую-нибудь грандіозную пакость. Не помню, что уже спасло меня отъ величайшей глупости: мое ли безсиліе на пакость, или трогательное участіе ко мнѣ добраго служителя. Товарищи участливо относились ко мнѣ, но они не понимали моихъ страданій такъ, какъ ихъ понималъ служитель, а я не умѣлъ выяснитъ имъ свое горе. Съ дѣтской наивностью они полагали, что каждодневныя порки составляютъ суть моихъ страданій, а потому и отъ сочувствія ихъ я не получалъ облегченія. Одинъ товарищъ, напр., говорилъ: есть о чемъ горевать; вѣдь на ж... не горохъ молотить; другой утѣшалъ поговоркой: до свадьбы далеко, ж... заживетъ и т. д. И никому изъ нихъ не приходило въ голову, что нравственные страданія бываютъ иногда мучительнѣе самой жестокой порки. Не виноваты, конечно, были товарищи, что не понимали моего отчаянія: навѣрно никто изъ нихъ не пользовался высоко-нравственными уроками такого гуманнаго и разумнаго педагога, какимъ былъ мой дѣдъ. Не будь его, тогда, вѣроятно, и я, подобно товарищамъ, страдалъ бы не отъ нравственныхъ, а отъ однихъ только физическихъ болей. Едва ли я въ это время вспоминалъ. по крайней мѣрѣ часто, о домашнемъ уютномъ гнѣздышкѣ. Вѣдь, такія воспоминанія должны были только усиливать мои страданія.

Въ теченіе моей богатой горемъ жизни случай много разъ выручалъ меня изъ неминуемой бѣды. Выручилъ онъ меня и тогда. Въ послѣобѣденный классъ мнѣ, какъ ослабѣвшему, позволено было остаться въ спальнѣ. Когда я, лежа на койкѣ, разговаривалъ о чемъ-то съ добрымъ служителемъ, неожиданно является въ спальню отецъ мой. Свиданіе наше и первые разговоры были такъ сердечны и трогательны, что не только у насъ, но у служителя брызнули изъ глазъ слезы. Свиданіе это такъ крѣпко запечатлѣлось въ моей памяти, что какъ будто оно только вчера происходило. По просьбѣ отца меня уволили на ночь къ нему на квартиру. По пути онъ завозилъ меня къ доктору, который только морщился, слушая мой рассказъ о лѣченіи въ больницѣ. Куплены были, конечно, и назначеныя имъ лѣкарства. Далеко за полночь затянулась наша бесѣда. И что особенно пріятно меня поразило, такъ это то, что отецъ разговаривалъ со мной, какъ съ равнымъ, чего прежде не бывало. Разговоръ нашъ часто прерывался то слезами, то поцѣлуями и другими ласками серьезнаго и даже часто суроваго на видъ отца. Результатомъ нашей бесѣды было еще большее укрѣпленіе во мнѣ рѣшимости, при всемъ моемъ отвращеніи къ бурсѣ съ ея учебниками и поряд-

ками, быть прилежнымъ и благонравнымъ мальчикомъ. Да другого выхода мы тогда и не видѣли: отцу не пришло на мысль перевести меня въ гимназію, что, вѣроятно, тогдашнее духовенство сочло бы за ересь, а я тогда о гимназіи и понятія не имѣлъ. Начинившись воловьею добродѣтелью—терпѣніемъ, я въ довольно уже бодромъ видѣ утромъ явился въ училище и успѣлъ еще до класса вызубрить урокъ. По обычаю я былъ спрошенъ и отвѣтилъ бойко; по обычаю я уже ожидалъ привычнаго возгласа: «къ лозѣ» и тошнотворнаго разглагольствованія учителя о моихъ способностяхъ и лѣни, но, къ удивленію, услышалъ ласковые слова: хорошо, садись на мѣсто. Едва ли отецъ, проводивши меня въ училище, не повидался съ учителемъ и не вручилъ ему нѣкую мзду. А быть можетъ, вчерашній изможденный мой видъ заставилъ заговорить въ немъ совѣсть?

Съ терпѣніемъ, достойнымъ лучшей участи, принялся я за отупляющую зубрежку, переставъ почти принимать участіе въ играхъ товарищей, сдѣлался кроткимъ и смиреннымъ,—словомъ благонравнымъ ученикомъ. Какъ теперь, такъ и въ слѣдующіе годы училищной и отчасти семинарской жизни, учился я, такъ сказать, оригинально-нелѣпо: по утрамъ пускалъ въ ходъ память словъ, значить безсмысленно зубрилъ уроки; по вечерамъ же съ нѣкоторымъ толкомъ усвоялъ кое-что изъ учебниковъ, которые еще не опротивѣли. Вызубренное чрезъ нѣсколько же часовъ забывалось безъ остатка, а отъ учебниковъ, изъ которыхъ я хотѣлъ дѣйствительно почерпнуть кое-какія знанія, пользы было мало: они тогда были очень плохи; многое въ нихъ я не могъ понять, а объясненій у насъ не полагалось. Я сдѣлался въ глазахъ, по крайней мѣрѣ, начальства прилежнымъ и благонравнымъ ученикомъ. До половины іюля, т. е. до лѣтнихъ каникулъ, меня ни разу не высѣкли. Экзаменъ я сдалъ такъ хорошо, что самъ жестокій инспекторъ похвалилъ меня и сказалъ, что за этотъ экзаменъ стоило бы перевести меня первымъ, если бъ въ первые двѣ трети я учился и велъ себя такъ же хорошо, какъ въ послѣднюю. Итакъ я перешелъ въ такъ называвшуюся тогда грамматику, или третій классъ, не только не въ числѣ первыхъ, но, кажется, не въ первомъ даже десяткѣ. Товарищи возмутились этой несправедливостью, ибо не видѣли въ моемъ поведеніи никакого позорнаго поступка, но я былъ совершенно равнодушенъ.

Кстати скажу, что у насъ годъ дѣлился не на полугодія, а на трети и въ концѣ каждой изъ нихъ, т. е. предъ Святками, Пасхой и лѣтними каникулами, происходили экзамены. И каникулы у насъ начинались только 15 іюля (а не іюня, какъ вездѣ) и оканчивались 1-го сентября.

Конечно съ радостію я ѣхалъ домой, но радость эта была уже далеко не такая сильная и живая, какъ при прежнихъ моихъ поѣздкахъ въ родное гнѣздышко. Отецъ и мать замѣтили во мнѣ перемѣну; отецъ зналъ ея причину, но молчалъ и вздыхалъ. Мать же, найдя меня очень блѣднымъ и похудѣвшимъ, объяснила перемѣну моего настроенія бывшею весною болѣзнію и съ перваго же дня стала откармливать, какъ на убой. Я, дѣйствительно, скоро зарумянился и потолстѣлъ, но душа моя продолжала болѣть. Боль ея была не жгучая, какъ бывало иногда въ училищѣ, а какая-то тупая: точно душа моя ныла. Развлеченій, свойственныхъ моему возрасту, не было почти никакихъ. Были, правда, въ селѣ 2—3 бурсака, но у меня не было къ нимъ симпатіи, да и въ бурсѣ ихъ не очень-то любили и товарищи. Крестьянскіе мальчишки, съ которыми прежде я дѣлилъ свои радости и вообще чувства, подросли настолько, что вмѣстѣ съ взрослыми работали въ поляхъ. Только по воскресеньямъ я могъ наслаждаться ихъ обществомъ. Читать было нечего. Книгъ хотя отъ дѣда и много осталось, не мало ихъ было и у отца, но такихъ книгъ, которыя были бы свойственны моему дѣтскому пониманію у насъ въ домѣ не было. Да и вообще тогда дѣтской литературы на русскомъ, по крайней мѣрѣ, языкѣ почти не существовало. Пробовалъ было я просить у отца книгъ изъ дѣдовской библіотеки, но услышалъ тоже, что слыхалъ прежде отъ дѣда: еще рано. Мама предлагала не разъ почитать житіе святыхъ вслухъ, но я исполнилъ ея волю 2—3 раза за все лѣто, а потомъ совсѣмъ уклонился отъ чтенія. Вѣроятно, материнское сердце подсказывало ей, что мнѣ не до житій святыхъ. Въ виду всего этого я вполне окупился въ созерцательную жизнь. Любимымъ моимъ препровожденіемъ времени было просиживать по нѣсколькимъ часамъ чуть не ежедневно на кладбищѣ вблизи могилы дѣда и въ окошечко поглядывать на нее (онъ погребенъ былъ подъ кладбищенскою церковью,—въ 1½ вер. отъ села). О чемъ я думалъ, да и думалъ ли о чемъ,—не помню. Помню только, что въ эти каникулы какая-то тоска давила меня, что ко всему окружающему я относился безучастно, апатично. Все, что прежде радовало, восхищало меня, теперь потеряло въ глазахъ моихъ всякую прелесть. Стыдно даже и теперь еще, а ради правды долженъ сказать, что еще задолго до конца каникулъ у меня явилось желаніе поскорѣ какъ-нибудь убраться изъ теплаго уютнаго родного гнѣздышка въ проклятую бурсу. Желаніе непонятное, противоестественное даже, какимъ я и по сейчасъ его считаю, сильно одолевало меня,—и я съ нетерпѣніемъ, которое, впрочемъ, умѣлъ скрыть отъ родныхъ, ждалъ окончанія каникулъ. Въ дорогѣ по пути въ Вятку я

ощущалъ только какую-то неловкость, недовольство собой и только, сожалѣній о разлукѣ, воспоминаній о любящей и любимой мною родной семьѣ, какъ это бывало прежде по выѣздѣ изъ дома, тогда не было и въ поминѣ. Къ счастью, такое подлое состояніе продолжалось недолго,—врядъ ли дольше 2-хъ мѣсяцевъ. Родители и сестры опять стали часто рисоваться въ моемъ воображеніи въ самомъ привлекательномъ видѣ; я опять сталъ ихъ любить попрежнему. Да, впрочемъ, едва ли я и переставалъ ихъ любить,—не было для охлажденія любви съ ихъ стороны ни малѣйшаго повода.

Въ грамматикѣ, т. е. въ 3-мъ классѣ, я учился и велъ себя безукоризненно; не мѣшала этому и ненависть моя къ ученію и порядкамъ бursы. Времени у меня съ излишкомъ хватало на ученіе. Съ особымъ рвеніемъ я отдался изученію древнихъ языковъ, и къ концу года сдѣлалъ порядочные успѣхи. Это было тѣмъ легче для меня, что еще дома дѣдъ своимъ разумнымъ обученіемъ и выясненіемъ благихъ результатовъ, сопряженныхъ съ хорошимъ знаніемъ древнихъ языковъ, поселилъ во мнѣ, если не любовь къ нимъ, то любопытство. За весь учебный годъ выпоролъ меня только однажды, но зато такъ жестоко, что порка и мотивъ къ ней и посейчасъ отчетливо помнятся. Какъ и въ другихъ заведеніяхъ, въ училищѣ было нѣсколько шпионовъ, частію добровольцевъ, частію по приказанію начальства. Давно нашъ классъ зналъ, что въ немъ есть шпионъ (на нашемъ жаргонѣ онъ назывался Іуда или наушникъ), но кто онъ,—мы узнать не могли до поры до времени. На мое горе, случай помогъ мнѣ открыть въ нашемъ нечистоплотномъ стадѣ паршивую овцу. Какъ то вечеромъ въ сумерки, отправляясь въ с....рѣ, я услышалъ какое-то шушуканье. Съ ловкостью кошки я осторожно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и занялъ очень удобный наблюдательный пунктъ, съ котораго отлично можно было разбирать шушуканье. Уже выслушалъ я нѣсколько докладовъ о товарищахъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ аттестаціи о своей особѣ, но кашель мой вседѣло испортилъ. Учитель (мой ярый недругъ), исправлявшій должность помощника инспектора, быстро шмыгнулъ по лѣстницѣ внизъ къ выходу; наушникъ же побѣжалъ по коридору, стараясь, очевидно, удрать отъ меня, чтобы не быть узнаннымъ. Но я успѣлъ ухватить его за шиворотъ и втащить въ классъ, гдѣ ученики зажгли уже сальныя свѣчки и усѣлись на мѣста. (Мѣстами называлось у насъ время съ 5 до 8 ч., въ теченіе котораго готовились уроки къ слѣдующему дню; за порядкомъ наблюдалъ цензоръ изъ одноклассниковъ). Здѣсь я громко крикнулъ «я нашелъ Іуду» и слегка толкнулъ впередъ упировавшагося наушника. Я драться и обижать

товарищей терпѣть не могъ, но, къ несчастію, мой легкій толчекъ свалилъ Іуду,—и онъ съ окровавленнымъ носомъ быстро соскочилъ и побѣжалъ съ жалобой къ инспектору. Товарищи окружили меня и утѣшали, по своему разумѣнію; каждый изъ нихъ, кажется, чувствовалъ, что мнѣ придется шибко пострадать за общее дѣло. Даже неособенно чувствительные товарищи—палачи, истые артисты своего дѣла, утѣшали меня обѣщаніемъ не пролить ни капли моей крови, хотя бы приказано было дать мнѣ 100 розогъ. И это было не хвастовство: они могли просѣчь кожу 2—3 ударами, но могли также сдѣлать порку едва чувствительною. Я нѣсколько поуспокоился, но иллюзіямъ предаваться не могъ, зная, что инспектора провести гораздо труднѣе, чѣмъ учителей, которымъ палачи ловко иногда вставляли очки. Затѣмъ началось совѣщаніе по поводу способа наказанія Іуды. Я, какъ не любитель кулака, предлагалъ то, что нынѣ въ палатахъ называется обструкціей, и что изрѣдка иногда примѣнялось и въ бурсѣ, но мой голосъ былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь. Почти всѣ высказались за основательную лупцовку, носившую названіе: кто есть ударей ты? «Іуда», чувствуя, вѣроятно, бѣду, не возвращался на мѣсто и только на другое утро передъ самымъ урокомъ появился въ классѣ. Едва ученики въ нѣсколько десятковъ глотокъ гаркнули: «Іуда», какъ явился инспекторъ. Свирѣпый видъ его и рычащій крикъ не предвѣщалъ ничего добраго. Когда же онъ прорычалъ: «пару служителей» и спросилъ артистовъ, сколько у нихъ лозъ, екнуло мое сердце, да и у товарищей лица вытянулись. Всѣ знали, что пощады мнѣ не будетъ. (Добрый служитель, о которомъ я говорилъ, еще при наймѣ выговорилъ себѣ право не быть никогда палачемъ). Приглашеніе двухъ служителей означало, что на моей марфуткѣ не останется ни одного живого не окровавленнаго мѣста. Явились, наконецъ, и служители и даже съ своими распаренными въ горячей водѣ лозами, что требовалось однажды навсегда начальствомъ. Злоба должно быть сжала глотку инспектора, и онъ молча, схвативъ меня за волосы, поднялъ и швырнулъ черезъ парту. Я съ трудомъ поднялся съ полу и, яко овча, ведомое на заколеніе, быстро, чтобы еще не получить тумака, направился на мѣсто расправы. Держатели, т. е. помощники палачей—учениковъ, мгновенно оголили мою марфутку, усѣлись на голову и ноги, и лозы засвистѣли. Съ мужествомъ, достойнымъ лучшей участи, я упорно молчалъ и только грызъ—и изгрызъ до крови свое предплечіе, что у насъ считалось отвлекающимъ и будто бы наркотизирующимъ средствомъ. Но, наконецъ, терпѣніе мое на 60 которомъ-то ударѣ, какъ говорили послѣ товарищи, лопнуло, и я заоралъ благимъ матомъ. Послѣ 100 съ чѣмъ-то уда-

ра кончилось, наконецъ, истязаніе,—и я, пошатываясь, добрался до своего мѣста, но сѣсть отъ боли не могъ. Пришлось еще выслушать отъ инспектора нотацію, смыслъ которой примѣрно былъ таковъ: нельзя надѣяться на твое исправленіе; я тебя исключу, но до этого времени за малѣйшую провинность буду спускать съ тебя по три шкуры. Подъ вечеръ этого же дня начались приготовленія для генеральной лупцовки Іуды; уже приготовлень былъ халатъ, которымъ обвязывалась голова истязуемаго, но произошло нѣчто, сильно тронувшее сердца бурсаковъ... и генеральная лупцовка не состоялась. Когда меня сѣкли, Іуда все время горько плакалъ, что нѣкоторыхъ учениковъ уже расположило въ его пользу, но когда хотѣли совсѣмъ набросить халатъ на голову Іуду, онъ точно преобразился. Любо было тогда глядѣть на его горящіе глаза и на какое-то вдохновенное выраженіе всего лица, но еще милѣе показались почти всѣмъ его сердечная слова. Бейте меня въ открытую, но не сильно; пожалѣйте мою мать, я у нея единственная надежда. Я стою битъ, но вмѣстѣ со мною надо побить и учителя NN, соблазнившаго меня (фамилію этого развратителя я забылъ). Потомъ рассказалъ онъ, какими подлыми пріемами пользовался NN, тотъ самый, который шушукался съ Іудой. Нѣсколько отчаянныхъ драчуновъ хотѣли уже пустить въ ходъ кулаки, но тотчасъ же были остановлены. Наконецъ, Іуда поклонился въ ноги мнѣ, а потомъ и всему классу и торжественно поклялся, что онъ никогда въ сдѣлки съ начальствомъ входить не будетъ. Мнѣ онъ очень полюбился, но сблизиться съ нимъ у меня не было времени. Онъ остался въ 3-мъ классѣ, а я вскорѣ перешелъ въ 4-й. Спустя лѣтъ 15—20 я слышалъ, что изъ Іуды вышелъ прекрасный семьянинъ и выдающійся пастырь

На меня порка произвела почти тоже вліяніе, какъ и прежде-описанная. Озлобленіе мое усилилось, но я ничѣмъ не выказывалъ его. Правда, лѣзла мнѣ въ голову мысль, конечно, глупая, что нужно бросить все и убѣжать, куда глаза глядятъ; о самоубійствѣ же я и не помышлялъ тогда. Но и мой маленькій умишко скоро увидѣлъ всю несостоятельность этой мысли. Съ одной стороны, красная шапка и звонарство въ перспективѣ, съ другой—желаніе сдѣлать удовольствіе роднымъ, заставили замолкнуть протестъ и помириться съ необходимостью подчиниться режиму бурсы. А тутъ еще пріѣзжавшій въ Вятку отецъ подзадорилъ меня. Ему одинъ изъ учителей, менѣе другихъ неблаговолившій ко мнѣ, хотя, при случаѣ, и надававшій мнѣ пощадъ, наговорилъ что-то ужъ очень хорошее о моихъ способностяхъ. Онъ же, кажется, сказалъ отцу, что если я буду ровно и хорошо учиться

и вести себя, то озлобленіе противъ меня пройдетъ, быть можетъ, и у остального начальства, и тогда я могу въ 3-мъ классѣ пробыть не 3, а только одинъ годъ и перейти въ синтаксисъ. У насъ въ 3-мъ классѣ черезъ каждый годъ повторялось непонятное и посейчасъ для меня явленіе: сиди въ классѣ или 1, или 3 года. Въ 4-мъ же классѣ нужно было пробыть 2 или 4 года. Нормальный срокъ ученія въ училищѣ полагался въ 6 лѣтъ (на 1-й и 2-й классы по 1 г., а на 3 и 4-й по 2 г.). Я, благодаря хорошей подготовкѣ, поступилъ прямо во 2-й классъ, да, вѣроятно не въ четный годъ. Вѣрна ли эта догадка,—не знаю, но я зналъ только, что прежде изъ пробывшихъ въ 3-мъ классѣ 1 годъ переходило въ 4-й не болѣе 2-хъ учениковъ. Шансовъ на переходъ для меня было немного, но я рѣшилъ поналечь на себя. Вѣроятно, заговорило и мое ребячье самолюбіе. Я принялся за ученіе крѣпко: уроки готовилъ прекрасно, велъ себя смирнехонько; словомъ сдѣлался пай-мальчикомъ. И учителя стали со мной поласковѣе; только инспекторъ относился сурово. Даже учитель, переговаривавшійся съ Іудой, не придирался ко мнѣ во время уроковъ, но ему вѣрить было опасно; недаромъ ему дана кличка: оборотень. Болѣе всего я ожидалъ помѣхи моему переводу отъ инспектора, а потому я на время забылъ правила дѣда объ отношеніи къ начальству и нравственно палъ и исподличался до такой степени, что унизился до низкопоклонства и заискиванія предъ человѣкомъ, котораго въ душѣ ненавидѣлъ. Мало этого. Я началъ сожалѣть даже о своемъ поступкѣ, которымъ сначала гордился и за который во мнѣнїи товарищей я сдѣлался маленькимъ героемъ. Я говорю о случайномъ открытіи шпиона. Надѣялся я, впрочемъ, исправить свою репутацію въ глазахъ злопамятнаго инспектора, такъ какъ времени до переводнаго экзамена оставалось еще довольно, но надежда, какъ показалъ этотъ самый экзамень, обманула меня.

Недѣли за 2—3 до экзамена по училищу пронеслась вѣсть, что прїѣдетъ ревизоръ. Какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, между учениками пошли разные толки, предположенія, ожиданія какихъ-то перемѣнъ. Я же все продолжалъ усиленнѣе и усиленнѣе готовиться къ экзамену, но болѣе налегалъ на сознательное усвоеніе, чѣмъ на зубрежку. Точно чуяло мое сердце, что только такое усвоеніе знаній можетъ меня выручить. При общемъ господствѣ зубристики, конечно, и я плылъ по теченію и, если не ограничивался одной зубрежкой, то поступалъ такъ скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно. Начальство боялось ревизора больше, чѣмъ ученики. Началась генеральная чистка: полы, немые, быть можетъ, нѣсколько лѣтъ, были не только вымыты,

но и выскоблены ножами; громадныя кружева изъ паутины куда-то вдругъ исчезли, даже потолоки и стѣны обметены отъ пыли и приняли вмѣсто обычнаго сѣро-грязнаго веселенькій бѣловатый цвѣтъ; въ с.....ы можно стало ходить, не запачкавшись въ экскрементахъ и проч. Но что особенно радовало бурсаковъ—это замѣна протухлыхъ и прогорклыхъ съѣстныхъ припасовъ хотя и не первосортными, но все таки свѣжими. Происходили тогда удивительныя метаморфозы: выходя, напр., утромъ изъ грязной до невозможности спальни, вечеромъ мы входили въ довольно уже чистую комнату, мало даже похожую на нашу спальню. Многое въ нашемъ быту было улучшено до неузнаваемости. Мы были, конечно, рады улучшенію нашихъ жизненныхъ условий, а все таки и насъ не миновалъ какой-то безотчетный страхъ. Одни только великовозрастные, приготовившіеся уже къ исключенію, граждане Камчатки вполне наслаждались въ ожиданіи ревизора и утѣшали насъ, говоря, что самый свирѣпый ревизоръ будетъ гораздо лучше нашего, считающагося сравнительно добрымъ, учителя. Говорить такъ камчатскіе граждане имѣли основаніе; нѣкоторые изъ нихъ пребывали въ училищѣ по 10—12 лѣтъ и за это время видѣли не одного ревизора. Я тоже не трусилъ; думалось мнѣ, что если и оставятъ меня еще на 2 года, то въ этомъ срама для меня не будетъ, ибо это почти общая участь всѣхъ пробывшихъ въ 3-мъ классѣ 1 годъ; исключенія же необязательны.

Наконецъ, явился въ нашъ классъ и ревизоръ въ образѣ молодого еще и благообразнаго монаха съ очень добрымъ лицомъ и ласковыми смѣющимися глазами. Наши ребячьи сердца почуяли, что отъ такого человѣка худого намъ ждать нечего; начальство же, видимо, чувствовало себя не совсѣмъ хорошо. Въ этотъ же вечеръ мы узнали отъ четверто-классниковъ, что ревизоръ, хотя и мягко, однако не очень одобрительно отозвался о преподаваніи. Экзаменъ у насъ въ 3-мъ классѣ начался съ двухгодовалыхъ и шелъ быстро и милостиво, такъ что у меня стала крѣпнуть надежда на переходъ. На другое утро отвѣты двухгодовалыхъ были ужъ совсѣмъ плохи, но забраковано было не болѣе 2—3 учениковъ. Камчатка, готовая къ исключенію, вовсе не экзаменовалась; она ждала только полученія своихъ бумагъ. Когда начальство представило къ экзамену изъ годовиковъ только 2-хъ, ревизоръ, замѣтивъ, что одинъ изъ кандидатовъ сынъ смотрителя, поморщился и сказалъ: что такъ мало? Тяжко стало мнѣ узнать, что я не представленъ къ экзамену; вѣдь сознаніе, хотя и смутное, подсказывало мнѣ, слушая отвѣты товарищей, что я знаю не меньше ихъ. Послѣ сдачи экзаменовъ 2-мя счастливчиками, ревизоръ спросилъ одноклассниковъ: не желаетъ ли кто изъ васъ

попытать счастья? Наступило молчаніе, но я скоро прервалъ его. Услышавъ о моемъ желаніи, онъ ласково сказалъ мнѣ: иди, иди, карапузикъ. (Я былъ тогда очень малъ и толстъ). Злоба въ инспекторѣ закипѣла, и онъ не постыдился сказать, что я худо веду себя. Въ этотъ моментъ у меня брызнули слезы, а изъ Камчатки раздался басистый голосъ: «не правда; ничего худого онъ не дѣлалъ, а инспектору не понравился Сычуговъ за то, что наушника накрылъ». Вообразите послѣдовавшую нѣмую сцену, которую ловко прервалъ ревизоръ шутливыми словами: ну, берегись, карапузикъ; я тебя проберу и началъ, дѣйствительно, экзаментовать строже, чѣмъ другихъ. Къ счастью, вопросы предлагались такіе, на которые я могъ отлично отвѣчать, и не было предложено ни одного, который бы поставилъ меня втупикъ, а такихъ вопросовъ было не мало, ибо въ учебникахъ я многое не понималъ. Словомъ, везло мнѣ. Ревизору особенно нравилось, что я отвѣчалъ, какъ умѣлъ, своими словами. Наконецъ, дошла очередь до латинскаго языка (учителемъ его и катехизиса былъ самъ инспекторъ). За годъ въ классѣ была переведена изъ Корнелія Непота только глава о Мильтіадѣ; все, на что указывалъ въ этой главѣ ревизоръ, я переводилъ безъ запинки. Онъ мѣстахъ въ 3—4 заставилъ меня переводить то, что проходятъ въ 4-мъ классѣ, и тутъ я, къ удивленію и учителей и учениковъ, не ударилъ лицомъ въ грязь, такъ что ревизоръ во всеуслышаніе промолвилъ: я едва ли при поступленіи въ академію зналъ лучше латинскій языкъ этого карапуза. Впрочемъ, въ семинаріяхъ съ 30-хъ годовъ древніе языки въ забросѣ. Затѣмъ онъ привсталъ и публично поблагодарилъ инспектора и грека за ихъ яко бы прекрасное преподаваніе, а меня погладилъ по головѣ и наговорилъ немало хорошихъ словъ. Тутъ, каюсь, едва не произошелъ взрывъ моей озлобленной натуры; я уже порывался сказать, что въ моемъ знаніи они не повинны, но во время удержался. И вышло, что и овцы цѣлы, и волки сыты. Далѣе ревизоръ любезно попросилъ начальство перейти во 2-й классъ, сказалъ намъ трогательную рѣчь, содержаніе которой я не помню, и, подойдя къ Камчаткѣ, спросилъ объ авторѣ возраженія въ мою пользу. Вышелъ рослый дѣтина, который снова подтвердилъ свой протестъ, съ чѣмъ согласились окружившіе уже ревизора ребята, выкрикивая: «такъ, такъ». Похваливъ дѣтину и благословивъ насъ, ревизоръ удалился, провожаемый добрыми пожеланіями расчувствовавшихся отъ доброты его ребятъ. Я хотѣлъ было поблагодарить заступившагося за меня дѣтину, но онъ сказалъ только: я за правду всегда стоять буду; мнѣ вѣдь начальства бояться нечего; я иду по доброй волѣ въ солдаты. На другой день инспекторъ

объявилъ списокъ переведенныхъ въ 4 классъ; въ этомъ списокѣ я былъ третьимъ, значить я обогналъ чуть не всѣхъ двухгодовиковъ. Самолюбіе мое было удовлетворено; въ самомъ счастливомъ настроеніи я поѣхалъ домой.

Пока доберусь до родного гнѣздышка, я сдѣлаю гигантскій прыжокъ впередъ изъ боязни забыть послѣ упомянуть объ интересномъ фактѣ. Въ 83-мъ году я былъ командированъ владимирскимъ земствомъ въ Одессу на съѣздъ естествоиспытателей и врачей. Меня выбрали председателемъ секціи земской медицины. Въ одесскихъ газетахъ каждодневно печатались рефераты нашихъ засѣданій, при чемъ каждый рефератъ начинался сообщеніемъ, что председательствовалъ такой-то. И вотъ въ одинъ изъ августовскихъ дней публика съ сердечнымъ умиленіемъ прочитала, что председательствовалъ С. И. Сычуговъ. На 2—3-й день послѣ этого мірового событія я послѣ засѣданія во время чаепитія слышу стукъ въ дверь и вопросъ: можно войти? Входитъ ко мнѣ въ номеръ въ полномъ парадѣ полковникъ, на груди котораго красовалось болѣе десяти орденовъ и медалей и, между прочимъ, Георгій; спрашиваетъ меня, не изъ Вятки ли я, и по полученіи утвердительнаго отвѣта называетъ фамилію свою (я забылъ ее) и сообщаетъ, что, узнавъ изъ газетъ обо мнѣ, рѣшилъ повидаться съ старымъ товарищемъ. Пошли спросы, вопросы, рассказы, затянувшіеся за полночь. Оказалось, что это тотъ самый дѣтина, который нѣкогда изъ камчатки гаркнулъ въ мою защиту: «неправда»...

И безъ словъ понятно, что встрѣченъ былъ я съ великою радостію своими родными, когда же они узнали, что я четвероклассникъ, или синтаксикъ, да еще третій ученикъ, то восторгамъ и сердечнымъ изліяніямъ не было, кажется, предѣловъ. Мать, какъ женщина, привыкшая даже въ мелочахъ житейскихъ видѣть вмѣшательство Провидѣнія, скорѣе другихъ очнулась отъ восторговъ и предложила тотчасъ же, пока готовится чай, идти въ церковь и отслужить молебенъ. Не только въ день пріѣзда, но и на другой день мнѣ приходилось рассказывать одно и тоже по нѣскольку разъ, особенно нравились мои повѣствованія о ловлѣ шпіона съ послѣдствіями и о благодушномъ ревизорѣ. Многіе и изъ селянъ приходили нарочно посмотреть синтаксика и послушать его несвязные рассказы. Оханьямъ и удивленіямъ, что Саватенька такой еще маленькій, а уже въ 4-мъ классѣ, и счету не было. Скоро, однако, все это мнѣ надоѣло, такъ какъ я никогда не любилъ выставлять себя напоказъ, а похвалы, искренность которыхъ была сомнительна, были просто противны мнѣ. Поэтому вскорѣ я сталъ просить у отца книгъ для чтенія и легко получилъ дозволеніе пользоваться дѣдовою библіотекою.

въ которой было, помнится, болѣе 100 книгъ, переплетенныхъ въ кожу. Разрѣшая чтеніе по моему выбору, отецъ поступилъ крайне не педагогично. О педагогикѣ онъ, вѣроятно, и понятія не имѣлъ, да у него и времени не было. Какъ на выдающагося изъ общаго уровня священника, на него навалили немало постороннихъ прямой его обязанности должностей. А я чѣмъ могъ руководиться при выборѣ книгъ? Приходилось поповолѣ брать наудачу. А книги большею частію были серьезныя, превышающія мое пониманіе! Дѣдъ любилъ чтеніе и покупалъ много книгъ особенно въ то время, когда былъ въ расцвѣтѣ силъ. Громадное большинство книгъ принадлежало къ изданіямъ первой четверти этого столѣтія, но были также книги и конца прошлаго вѣка. Изъ свѣтскихъ книгъ въ это лѣто мнѣ попались только: Недоросль и Бригадиръ, да томъ трагедій Сумарокова. Большею же частію, по крайней мѣрѣ, въ переднемъ ряду полки стояли книги мистическія: были тутъ творенія Штиллинга, Эккартсгаузена, всѣ многотомныя сочиненія г-жи Гюнъ и книгъ около двадцати «Сіонскаго Вѣстника». Сначала, какъ на зло, случай подсовывалъ мнѣ подъ руку нѣмецкихъ мистиковъ, которыхъ и вполне развитому человѣку одолѣть нелегко; уже самое содержаніе мистическихъ бредней превышало пониманіе 10-лѣтняго ребенка; да къ тому же и изложеніе было тяжело и туманно. Обыкновенно, взявъ книгу, я отправлялся на кладбище къ могилѣ дѣда и цѣлые часы мучился, чтобъ понять читаемое, но едва ли я $\frac{1}{10}$ долю могъ усвоить и переварить. Дѣло дошло чуть не до слезъ; какой-то внутренній голосъ нашептывалъ мнѣ, что я, значить, очень глупъ, если не могу понять книгъ, напечатанныхъ по-русски. А не было, къ моему горю, близкаго человѣка, который растолковалъ бы мнѣ, что каждому овощу свое время (отца надолго командировали на слѣдствіе въ другой уѣздъ). Читывалъ я въ Минеѣ, что нѣкоторые святыя молитвой выпрашивали себѣ разумъ, и я сталъ подражать имъ. Бывало, прочитаешь какое либо темное мѣсто нѣсколько разъ и все-таки ничего не поймешь; тогда и начнешь отвѣшивать тутъ же на кладбищѣ земные поклоны, но толку было мало. Проще всего и разумнѣе было бы бросить непонятную книгу, но этому мѣшало мое маленькое самолюбіе и большая настойчивость. Долго ли я мучился такъ,—не помню, но, кажется, не менѣе недѣль двухъ или трехъ. Случайно, уже въ концѣ каникулъ, попался подъ руку фонъ-Визинъ,—и я ожилъ и просто зачитывался имъ. Потомъ съ нѣкоторымъ, хотя и небольшимъ, удовольствіемъ я сталъ читать «Сіонскій Вѣстникъ»,—и это чтеніе продолжалось послѣ и въ зимніе каникулы. Нѣкоторыя въ немъ статьи я понималъ болѣе, чѣмъ на половину, а было немало и такихъ, которыя читалъ съ наслажденіемъ и даже съ полнымъ пониманіемъ.

Возвратившись съ каникулъ, я попрежнему принялся за учение: по утрамъ зубрилъ уроки для учителей, по вечерамъ старался усваивать учебники, по мѣрѣ моего пониманія. Объясненій и въ 4-мъ классѣ не существовало; требовались одна только отупляющая долбня и бойкіе, хотя и безсмысленные, отвѣты отъ учениковъ. Начальство сначала было благосклонно къ намъ, но это продолжалось недолго. До насъ стали доходить темные слухи, что добрый для учениковъ ревизоръ оказался недобрымъ, а вѣрнѣе сказать, только безпристрастнымъ для начальниковъ нашихъ. Онъ донесъ, куда слѣдуетъ, что они набиваютъ свои карманы насчетъ голодныхъ бурсаковъ, что послѣднихъ содержатъ хуже свиней. Вскорѣ послѣ начала нашего ученья, пріѣзжалъ будто бы изъ Питера какой-то чинъ для провѣрки донесенія. Разныхъ розказней и курьезовъ, которыхъ теперь не помню, рассказывали множество. Начальство пріуныло, озлобилось и свою безсильную злобу начало срывать на ни въ чемъ неповинныхъ ученикахъ. Одной изъ первыхъ жертвъ этой злобы пришлось быть мнѣ. Въ свои именины, 27 сентября, я былъ такъ высѣченъ, такъ безжалостно и грубо было тогда осмѣяно мое маленькое человѣческое достоинство, что эту именинную порку я помню посейчасъ со всѣми ея возмутительными подробностями, какъ будто она происходила только вчера. Дѣло было такъ: выше я, кажется, говорилъ, что учителя по книгамъ слѣдили за буквальною точностію нашихъ отвѣтовъ; въ этихъ же учебныхъ книгахъ, подаваемыхъ цензоромъ учителямъ, послѣдніе скобками обозначали тѣ мѣста, которые мы не должны зубрить. Эти выпущенныя мѣста сообщались всему классу цензоромъ. Былъ изъ географіи урокъ о вращеніи земли кругомъ солнца. Въ учебникѣ было напечатано: «По системѣ Коперника солнце стоитъ неподвижно», а далѣе излагались, правда очень плохо и кратко, доказательства движенія земли. Вотъ эти-то доказательства и были заскоблены. Быть можетъ, учитель не зналъ ихъ и не хотѣлъ, чтобъ ученики знали больше его. Предположеніе это, повидимому, невѣроятное, имѣло основаніе. Когда я уже готовился въ университетъ, то изъ разговоровъ съ товарищами могъ убѣдиться, что объ основныхъ положеніяхъ физической географіи они имѣли самыя смутныя понятія. А эти товарищи имѣли право черезъ $\frac{1}{2}$ —1 годъ быть попами или учителями. Впрочемъ, нашъ учитель, быть можетъ, даже не вѣрилъ вращенію земли. Отъ отца, почти современника этому педагогу, я слышалъ, что во время его ученья одинъ учитель систему Коперника называлъ ложью и даже преступною ересью, ибо дескать, если бы она была вѣрна, то Іисусъ Навинъ сказалъ бы: стой

земля, а не стой солнце! Я, проговоривши, что солнце стоит неподвижно, началъ, да еще своими словами, излагать доказательства, которыя зналъ отчетливо изъ бесѣдъ дѣда. Прозѣвалъ ли я скобки, или, подѣ влияніемъ имениннаго настроенія, желалъ блеснуть предѣ товарищами своими знаніями,—не помню. Но не успѣлъ я привести и половины доказательствъ, какъ услышалъ злобно-ядовитый крикъ: ты опять задумалъ умничать! Къ лозѣ! На что намъ знать, почему вертится земля, а мы лучше посмотримъ, какъ ты начнешь вертѣться подѣ лозой. Взрывъ хохота послѣдовалъ за этой пошлой остротой. Ошеломленный, униженный и, находясь къ тому же подѣ влияніемъ предчувствія болѣе, отъ которыхъ я немного уже поотвыкъ, я съ дуру сболтнулъ, что я сегодня именинникъ. Подлый педагогъ точно обрадовался этимъ словамъ и только усилилъ свои издѣвательства надѣ беззащитнымъ ребенкомъ. Ну, вотъ и отлично, продолжалъ онъ, мы и поздравимъ тебя съ ангеломъ; да по русскому обычаю и кашей угостимъ; только каша-то у насъ березовая; не взыщи—другой не приготовили. Новое гоготанье. На меня нашло какое-то оупѣніе. Уже по окончаніи класса я отъ товарищей узналъ, что во время порки я не издалъ ни звука, чѣмъ, конечно, увеличилъ число ударовъ; что послѣ порки я не пошелъ на свое мѣсто, а сѣлъ на ближайшую парту и тихо, но очень долго плакалъ, такъ, что на полу образовалась порядочная лужица изъ моихъ горячихъ слезъ. Вечеромъ по подштанникамъ я убѣдился, что моя марфутка пострадала здорово. Ей пришлось чуть не каждодневно страдать и въ слѣдующіе дни, ибо мнѣ было тогда не до зубрѣнья.

Во мнѣ со страшною, конечно, для моего возраста силою заговорили звѣрскіе инстинкты; я всѣ силы своей душонки употреблялъ лишь на изобрѣтеніе и ловкое приведеніе въ исполненіе мщенія оскорбителю. Даже по ночамъ я обдумывалъ планы мести и старался выбрать изъ нихъ тотъ, который казался мнѣ позабористѣе. Постыдно, что я, съ ранняго дѣтства получившій отвращеніе къ какой бы то ни было ручной расправѣ, на ней-то именно и остановился. Въ планъ свой я не посвятилъ никого, хотя желающихъ принять въ немъ участіе, вѣроятно, нашлось бы немало, изъ опасенія, чтобъ изъ-за меня не пострадали товарищи. О себѣ я мало заботился; меня обуяло какое-то равнодушіе къ своей особѣ. Планъ былъ обдуманъ и исполненъ чрезъ 5—6 дней послѣ порки, хотя и ловко, но варварски жестоко. Вѣдь могъ я убить человѣка, тогда какъ у меня было только желаніе причинить ему небольшую боль, поучить его такъ сказать. Не вдаваясь въ подробности, я коротко скажу.

что я съ лѣстницы 3-го этажа бросилъ почтенное полѣно въ учителя въ тотъ моментъ, когда онъ поднялся на площадку 2-го этажа. Темнота октябрьскаго утра (8 час.) и отсутствіе изъ спаленъ, помѣщавшихся въ 3-мъ этажѣ, учениковъ дали мнѣ возможность съ быстротою зайца пробѣжать по коридору 3-го этажа, спуститься по другой лѣстницѣ въ 1-й этажъ и очутиться предъ моимъ, наказаннымъ изъ-за угла, врагомъ. Вѣроятно, онъ, ошеломленный неожиданнымъ ударомъ, долго простоялъ на площадкѣ и далъ мнѣ возможность пробѣжать относительно громадное пространство и встрѣтиться съ нимъ на нижней лѣстницѣ. Онъ остановилъ меня и приказалъ сказать цензору, чтобъ онъ немедленно заявилъ инспектору, что учитель N (фамилію забылъ) внезапно заболѣлъ. Мое извѣщеніе было встрѣчено классомъ радостными кликами, но у меня ужъ кошки, какъ говорится, на сердцѣ заскребли. Началась борьба добрыхъ инстинктовъ съ злыми. Не разъ порывался я итти къ учителю и принести ему покаяніе, но частію самолюбіе, а частію невысокое мое мнѣніе объ обиженномъ мною учителѣ удержали меня сдѣлать, быть можетъ, пагубный для меня шагъ. Черезъ день учитель явился уже въ классъ; объ ударѣ не было ни слова, да, вѣроятно, онъ и не причинилъ учителю большого вреда. Но намъ онъ принесъ существенную пользу; порки хотя и не прекратились, но онѣ не были такъ жестоки, какъ прежде; бессмысленныя придирки и тошнотворныя назиданія и вообще издѣвательства надъ нами прекратились. Товарищи удивлялись переменѣ, пріисшедшей съ учителемъ; я же благоразумно помалкивалъ.

Поздравленіе со днемъ ангела произвело въ моей душѣ порядочную метаморфозу. Прежде всего оно поколебало мою рѣшимость продолжать съ прежнимъ упорствомъ ненавистную зубрежку. Боязнь красной шапки и звонарства также поослабѣла. Этому много содѣйствовало опредѣленіе на дьячковское мѣсто бывшего моего товарища великовозрастнаго гражданина камчатки, исключеннаго изъ 3-го класса. Если, думалось мнѣ тогда, такому субъекту дано мѣсто, да еще въ хорошемъ селѣ, то мнѣ, какъ четырехкласснику, еще легче будетъ стать дьячкомъ, когда я, конечно, подросту. Кстати скажу, что въ матеріальномъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи карьера дьячка могла показаться заманчивой. Во многихъ селахъ, напр., хоть въ Верховинѣ, дьячекъ получалъ 500—600 р., да еще при казенной квартирѣ—значить, вдвое почти больше, чѣмъ теперь получаю я. Но, кажется, не столько эти соображенія охладили мой пылъ къ зубренію, сколько нелѣпость преподаванія, да еще такихъ предметовъ, при зубреніи которыхъ требуется не острая, бы-

стро, хотя и не надолго, схватывающая память, а упорный, вполне бессмысленный трудъ. Въ 4-мъ классѣ преподавался пресловутый церковный уставъ. Какимъ-то чудомъ у меня въ памяти посейчасъ сохранился изъ него отрывокъ. Полюбуйтесь, какія прелести мы должны были буквально зазубривать. Учителю было, конечно, легко по учебнику слѣдить за урокомъ и за каждую почти перестановку словъ драть учениковъ, но навѣрное и самъ учитель не скоро бы осилилъ такой урокъ. *«Полунощница по вся дни. Воспрянувъ безъ лѣности и отрезвився, воставъ отъ сна, рцы сіе: во имя Отца... Посемъ постой мало молча, дондеже утишатся вся чувствія, и тогда сотвори 3 поклоны, глаголя: Господи Іисусе... Царю небесный, Св. Боже 3, Слава и нынѣ Пресв. Троице; Господи помилуй 3; Отче, Господи помилуй 12; Слава и нынѣ; Приидите... и псалмы 50 (и др.). На Господи воззвахъ, стихиры, гласъ 4-й на 6 по тріоди и по мѣсячной Миней на 4; Слава: дневному святому. И нынѣ: Богородиченъ. Аще же вторникъ: крестобогородиченъ. Подобенъ: Аки долбля; Сѣдаленъ: гласъ 6. Свѣтиленъ: Прехвальніи мученицы. Тропарь святому. Зри минею. Кондакъ общій. Аще же праздникъ—празднику. Зри цвѣтную тріодъ. Канонъ молебный Твореніе Іосифа, его же краестрочіе по алфавиту. Гласъ 8-й. Пѣснь и ірмосъ».* Полагаю, что легче принять сотню труднобольныхъ, чѣмъ выучить эту галиматью. А вѣдь отрывокъ, приведенный выше, составлялъ $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ всего урока. Сколько, значить, труда тратили мы на зубреніе массы нелѣпостей,—и тратили совершенно зря? А вѣдь многіе изъ насъ слыхали отъ отцовъ, что уставъ необходимъ и для попа и для дьячка. Умъ за разумъ заходилъ, когда мы видѣли, что, несмотря на отчаянную зубрежку, мы все-таки устава не знаемъ и самой простой церковной службы справить не умѣемъ. А вѣдь ларчикъ-то какъ просто могъ открыться! Стоило бы только изъ церкви принести требники, минеи, тріоди и другія богослужебныя книги, показать, какъ, по какимъ книгамъ и какую службу отправлять, указать на значеніе каждой книги, да еще объяснить непонятные термины, въ родѣ: кондакъ, сѣдаленъ, свѣтиленъ—и дѣло было бы въ шляпѣ. Я слыхалъ отъ поповъ, что по книгамъ изучить уставъ легко, а по учебникамъ (безъ книгъ) невозможно. А наше мудрое начальство до этого не додумалось и одновременно съ настойчивостію, достойною лучшей участи, воспитывало въ насъ ненависть къ себѣ, къ методу преподаванія, отвращеніе къ уставу, да кстати и къ другимъ учебникамъ. Послѣдніе за мое время щеголяли другъ передъ другомъ сухимъ изложеніемъ, ужасно тяжелымъ языкомъ, массою ненужныхъ мелочей, а нѣкоторые еще и схоластикой. Уже послѣ несправедливой порки

мое прилежаніе поослабѣло; безтолковые преподаватели и учебники, конечно, не остались безъ вліянія. Я сталъ учиться неровно: сегодня въ нотатѣ красуется sc., а завтра pt., или даже ps. Только по древнимъ языкамъ я постоянно получалъ хорошія отмѣтки. Такое ученіе бѣсило учителей. Началась со мною старая игра: въ недовернись—бьютъ и перевернись—бьютъ. Мой нравственный развратъ дошелъ до того, что на розги я сталъ смотрѣть, какъ на орудіе, производящее только физическую боль; болѣе же душевныхъ я, кажется, не ощущалъ тогда. Къ Рождеству съ 3-го мѣста я слетѣлъ во 2-й десятокъ; къ Пасхѣ опустился еще ниже, а къ лѣту чуть не попалъ въ камчатку. И драли же меня! За первый годъ моего пребыванія въ 4-мъ классѣ выпороли меня, навѣрное, болѣе 100 разъ. Пакости творилъ я ужасныя; но пакостилъ начальству такъ, что не попадался почти. Нѣкоторыя изъ нихъ удержались еще въ памяти.

1) Былъ у насъ одинъ нелюбимый учитель, который, не желая быть попомъ, кромѣ учительства служилъ чиной въ какой то палатѣ и, значить, получалъ два жалованья. Всегда являлся онъ надушеннымъ и прилизаннымъ франтомъ и даже въ цвѣтныхъ перчаткахъ, плотно обтягивавшихъ его руки. У этого франта была привычка при входѣ въ классъ во время чтенія молитвы снимать перчатки при помощи зубовъ. Меня какъ-то и осѣнила мысль воспользоваться его привычкой ради пакости. Прежде, чѣмъ осуществить свой планъ, я посвятилъ въ его тайны одного преданнаго мнѣ бурсачка, ни къ чему не брезгливаго. По плану мы предъ самымъ приходомъ франта должны выйти изъ класса, оставивъ дверь несовсѣмъ притворенною, чтобы можно было отворить ее, не хватаясь за скобку. (Дверь нелегко отворялась). Бурсачекъ остался у самой двери, я же былъ на караулѣ. Едва вступилъ франтъ въ коридоръ, изъ котораго насъ было невидно, такъ какъ передъ нашимъ классомъ было устроено нѣчто въ родѣ ниши,—какъ я далъ условный знакъ. Мгновенно мой коллега скобку смазалъ каломъ, хранившимся въ бумажкѣ. Быстро мы, не касаясь скобки, вошли въ классъ и, при помощи внутренней скобки плотно притворивъ дверь, усѣлись на мѣста. Входитъ франтъ и, по обыкновенію, начинаетъ зубами снимать перчатку, но тутъ моментально произошло нѣчто необычайное: онъ фыркаетъ, пачкаетъ свой носъ, морщится, что-то бормочетъ и, наконецъ, скорчившись точно отъ коликъ, приказываетъ цензору доложить инспектору о внезапной своей болѣзни. Еще не прошло изумленіе учениковъ, а франтъ уже улетучился. Ни въ этотъ, ни въ слѣдующіе дни ни жалобъ, ни розысковъ никакихъ не было. Мой расчетъ, что такой прилизанный франтикъ постарается

скрыть эту прискорбную для него исторію, оказался вполнѣ вѣрнымъ. Когда всякая опасность миновала, болтливый бурсачекъ разболталъ товарищамъ о моей выходкѣ,—и я въ глазахъ ихъ выросъ на цѣлую голову. И прежде они относились ко мнѣ съ уваженіемъ, а теперь оно перешло въ какое-то поклоненіе. Начальство о моей продѣлкѣ, пока, по крайней мѣрѣ, я былъ въ училищѣ, не знало; франтъ, конечно, молчалъ.

2) Этою же зимою я чуть было не разыгралъ роль Герострата, о которомъ тогда, конечно, и не слыхивалъ. Къ счастью, хорошіе инстинкты взяли тогда верхъ. Какъ-то въ половинѣ утренняго класса я поднялъ руку, т.-е. попросилъ позволенія выйти. Выйдя на крыльцо, я оглядѣлся, какъ воръ, кругомъ и тайной тропинкой пробѣжалъ за полѣницу дровъ на облюбованное ранѣе мѣсто, гдѣ уже лежала куча березовой коры. Только что запылала она, какъ я уже и образумился. Моментально меня озарило сложное чувство: страха, жалости и сознанія своей низости,—и я быстро, хотя и осторожно, пробрался въ классъ и почти крикнулъ: у насъ пожаръ. Всѣ ученики, во главѣ съ инспекторомъ, бросились на пожарище, гдѣ уже ярко пылали какихъ-нибудь 40—50 полѣньевъ, и не только быстро потушили пламя, но вслѣдствіе усердія ли, или шалости раскидали цѣлую полѣницу. Я получилъ спасибо отъ инспектора, что не помѣшало ему на другой же день выпоротъ меня за плохое знаніе урока. Моя уголовная продѣлка осталась тайною.

3) Съ давнихъ поръ существовалъ въ училищѣ обычай на время убѣгать изъ него на волю, когда училищный режимъ придется не въ моготу. Бѣглецовъ называли у насъ скитальцами. Какъ и жители остроговъ, ученики отправлялись скитаться раннею весною. Кромѣ обыкновенныхъ, для скитальцевъ существовали еще особыя, спеціальныя, крайне жестокія наказанія, напр., тюлька. Это толстый, круглый обрубокъ дерева, къ срединѣ котораго придѣлывалась цѣпь съ желѣзнымъ, обтянутымъ кускомъ грубаго сукна ошейникомъ. Послѣдній надѣвался на шею скитальца, запирался замкомъ и не снимался даже на ночь. Но и такія суровыя мѣры не прекращали скитаній, которыя шли точно полосой: то 2—3 года ихъ не было, а то въ одну весну объявлялось 3—5 скитальцевъ. Съ вѣяніемъ весны меня, какъ птицу на перелетъ, точно роковая сила потянула изъ бурсачьей духоты на волю, на просторъ. Съ полными сухарей карманами и нѣсколькими копѣйками я пустился въ путь безъ опредѣленнаго плана, на авось, съ однимъ, старшимъ меня года на 3 и уже опытнымъ въ скитаніяхъ, товарищемъ. Долго ли мы скитались,—хорошо не помню, но, вѣроятно, не менѣе недѣли, такъ какъ пой-

мали насъ уже верстахъ въ 50 отъ Вятки. Сначала мы обходили села, ночевали въ глухихъ деревняхъ, гдѣ иногда насъ крестьяне изъ жалости и кормили, но какъ скоро осторожность была забыта, въ первомъ же селѣ насъ поймали и подъ конвоемъ десятскаго представили въ бурсу. Дѣло было къ вечеру, а потому порка отложена до другого дня, но тотчасъ же отдано приказаніе комиссару приготовить къ утру тюльки. И на этотъ разъ случай выручилъ меня. Какъ послѣ оказалось, почти вслѣдъ за нашимъ уходомъ отъ инспектора, ему доставлена бумага, предписывающая немедленно сдать должность одному изъ учителей, до назначенія новаго инспектора. На утро все училище ликовало; узнали мы, что, благодаря ревизору, уволены: смотритель, инспекторъ и экономъ и сдѣланъ на нихъ еще начеть. Въ этомъ переполохѣ и розги и тюльки были забыты,—и наше скитанье, кромѣ удовольствія пожить на волѣ, ничего намъ не доставило. Точно геній добраго монаха издали покровительствовалъ мнѣ!

4) Въ одинъ изъ майскихъ дней часу въ 10-мъ я поднятемъ руки отпросился якобы въ с...ръ, но вышелъ на крыльцо. На дворѣ стояла первобытнаго устройства колокольня, т.-е. вертикальный врытый въ землю столбъ съ поперечными положенными накрестъ брусьями, къ которымъ были привязаны 5—6 колоколовъ. Въ одинъ изъ нихъ отбивались часы, означающіе начало и конецъ класса. По близости отъ колокольни свободно гуляла по лугу и беззаботно пощипывала травку телка. Подъ вліяніемъ этой обстановки быстро созрѣлъ мой нехитрый планъ. Какъ опытный воръ, зорко оглядываясь и прислушиваясь и не замѣтивъ никого ни у оконъ, ни на дворѣ, я подошелъ къ телкѣ, которую и прежде часто гладилъ, приласкалъ ее теперь, подвелъ къ колокольнѣ и накинулъ ей на шею петлю отъ часового колокола. Разсчитывая, что пока у колокольни есть трава, телка будетъ спокойно щипать ее, я скорыми шагами направился въ классъ. Но едва я усѣлся на мѣсто, какъ зазвучалъ часовой колоколъ, звукъ котораго приводилъ насъ въ какой-то экстазъ: начинались шарканье, стуканье, шумъ; урокъ обрывался почти на полусловѣ и даже преждевременно прекращалась порка; всѣ спѣшили изъ ненавистнаго класса. Въ коридорѣ сталкивались ученики всѣхъ классовъ, шедшіе по пятамъ учителей. Кажется, ни у кого изъ нихъ не было часовъ, и они выражали свое удивленіе скорому окончанію классовъ на разные лады: одинъ говорилъ, что не успѣлъ высѣчь и половины ребятъ; другому еще вынуть не пришло время и т. д. Пока мы шли по училищу, изъ-за топота ногъ звонъ не былъ слышенъ, но едва спустились на дворъ намъ представилась поразительная картина: телка прыгала, какъ

бѣшенная, колоколь звенѣлъ, какъ на пожаръ; начальство, его чады и домочадцы высыпали на дворъ, а равно и служители. Но никому сначала и въ голову не приходило, что пора освободить бѣснующуюся телку; всѣ только ахали, да охали.

На другой день я съ совершенно покойнымъ духомъ вполнѣ увѣренный, что о моей продѣлкѣ, кромѣ меня, никто не знаетъ, пребывалъ въ классѣ, какъ вдругъ является инспекторъ въ сопровожденіи 2-хъ никому неизвѣстныхъ мужиковъ. Оказалось, что эти мужики пилили дрова и издали видѣли меня, когда я возвращался въ классъ. И посейчасъ не понимаю, какъ мой зоркій глазъ проглядѣлъ ихъ. Войдя въ классъ, инспекторъ сказалъ: ну маленькіе, толстенькіе, бѣленькіе выходите на средину. Екнуло тогда мое сердце; я не успѣлъ еще дойти до середины, какъ пыльщики, точно обрадовавшись чему-то, въ одинъ голосъ сказали, указывая на меня: вотъ онъ самый и есть. Запираться было стыдно и даже нахально; я покорно повинился и пока оставленъ былъ въ покоѣ. Въ тотъ же день вмѣсто послѣбѣденнаго урока, при небывало торжественной обстановкѣ, произведена надо мною экзекуція новымъ инспекторомъ, да такая жестокая, что едва ли не превосходила своею свирѣпостію прежнія генеральныя порки. Сѣкли меня не въ классѣ, а на лугу около колокольни въ присутствіи всего училища. Это обстоятельство считалось особенно позорнымъ, но во мнѣ стыда тогда, кажется, не было; я страдалъ только отъ физической боли. Товарищи же стали еще внимательнѣе ко мнѣ.

Хотя я учился въ 4-мъ классѣ плоховато, а главное—неровно, однако экзаменъ выдержалъ очень недурно. Все-таки я поплатился тѣмъ, что очутился около камчатки.

Лѣто я почти исключительно занимался чтеніемъ на любезномъ кладбищѣ. Въ выборѣ книгъ моя рука была владыка. Къ сожалѣнію, отецъ, человекъ, вообще, замѣчательно начитанный и умный для своего времени и своей среды, о педагогикѣ, по крайней мѣрѣ разумной, не имѣлъ, кажется, ни малѣйшаго понятія. Изъ такъ называемыхъ свѣтскихъ книгъ на заднихъ полкахъ я обрѣлъ два или три разрозненные тома исторіи Карамзина, да нѣсколько книжекъ трагедій Сумарокова и Озерова, да, кажется, и только. Свѣтскія книги не только увлекали, но просто очаровывали меня, но я болѣе все-таки налегалъ на книги мистическія, хотя онѣ и не нравились мнѣ и были къ тому же мало понятны. Да и то, что казалось мнѣ понятнымъ, вѣроятно, понято мною было вкривь и вкось. Мой ребячій умъ почему-то представлялъ себѣ книги, трактующія о сверхчувственныхъ, а тѣмъ болѣе о божественныхъ предметахъ, да еще неудобопонятно, воплощенною мудростію. Вмѣсто того, чтобъ вслѣдствіе малопонятности бросить ихъ

или хотъ отложить на время чтеніе, я напрягалъ до-нельзя свою голову, мучился безплодно. При отъѣздѣ въ училище я набралъ съ собою почтенную кипу книгъ, но только мистическихъ. Свѣтское чтеніе строго преслѣдовалось, и потому отецъ, хотя и не возражалъ противъ свѣтскихъ книгъ, но взять съ собою ихъ не позволилъ. Скоро оказалось, что начальство косо смотрѣло даже на чтеніе божественныхъ книгъ, считая его помѣхою для зубренія уроковъ и полагая, что въ учебникахъ достаточно для насъ премудрости. Поэтому привезенныя книги я читалъ урывками и тайно.

Я сталъ не только прилежнымъ, но образцовымъ ученикомъ и въ первую же треть занялъ случайно 3-е мѣсто даже до экзамена. Новое начальство ввело забытый на время порядокъ пересаживанія съ мѣста на мѣсто. Суть его слѣдующая: часто у насъ писались въ классѣ сочиненія латинскія и греческія,—такъ называемыя оккупации. Ученикъ, сидящій, положимъ, на 40-мъ мѣстѣ, можетъ сѣсть хотъ на первое, если въ концѣ оккупации напишетъ, что онъ желаетъ занять первое мѣсто. Если, дѣйствительно, онъ напишетъ лучше, то и мѣняется мѣстомъ съ первымъ ученикомъ; за неудачу же, за каждую ошибку получаетъ по нѣскольку розогъ и остается на старомъ мѣстѣ. Зналъ я древніе языки положительно лучше всѣхъ товарищей, но первые два ученика были мои пріятели; третьему же я почему-то не симпатизировалъ. Ему-то, бѣднягѣ, и пришлось помѣняться со мною мѣстомъ.

Годъ этотъ памятенъ мнѣ только тѣмъ, что къ массѣ пороковъ, толстымъ слоємъ придавившихъ на время мои добрые инстинкты, я присоединилъ самый отвратительный—воровство. Въ Вяткѣ жила дружная съ моими родителями добрѣйшая семья архитектора, въ которой разъ или два въ мѣсяцъ по воскресеньямъ пріятно проводилъ время. Мое вниманіе привлекъ небольшой финифтяной образокъ съ миниатюрой Христа. Онъ былъ такой чудной божественной красоты, что глазъ оторвать отъ него не хотѣлось. Я какъ-то улучилъ удобную минуту и спряталъ образокъ въ карманъ, разсчитывая, вѣроятно, что въ массѣ подобныхъ образковъ, занимавшихъ громадную кіотъ, пропажа можетъ быть не замѣчена. Но я разсчиталъ безъ хозяина, а хозяиномъ-то оказался я самъ. По возвращеніи въ училище, едва я надѣлъ на шею образокъ, какъ начались такія страшныя угрызенія совѣсти, какихъ я, кажется, не испытывалъ во всю жизнь. Да и немудрено. Ни до, ни послѣ я никогда и ничего не воровалъ, поэтому самая новостъ преступленія мучительно должна отозваться на мнѣ. Какъ видно изъ предыдущаго, много у меня было пороковъ, но они

были присущи почти всѣмъ товарищамъ; воровъ же мы всѣ презирали. Мученія совѣсти стали для меня просто невыносимы. На другой день, придумавъ какой-то предлогъ, я отпросился послѣ класса на три часа въ городъ и полетѣлъ къ архитектору. Всю эту семью я засталъ за обѣдомъ, вынулъ образокъ, сказалъ: возьмите, но простите и въ обморокъ грохнулся на полъ. Очнулся я на кровати, съ мокрою головою, въ кругу всей милѣйшей семьи, которая отнеслась ко мнѣ, какъ къ блудному, но раскаявшемуся сыну. Самъ старикъ утѣшалъ меня, говорилъ, что все останется втайнѣ и въ заключеніе, ласково поцѣловалъ меня, надѣлъ такъ полюбившійся мнѣ образокъ на шею. Мѣсяца черезъ два семья уѣхала куда-то на югъ, но до самаго отъѣзда ея, по просьбѣ архитектора, инспекторъ каждое воскресенье отпускалъ меня въ это уютное гнѣздышко. Страшно тяжело было провожать ее въ дальній путь; отъѣздъ этихъ добрыхъ людей оставилъ въ сердцѣ какую-то пустоту.

Годъ, за исключеніемъ рассказаннаго эпизода, прошелъ благополучно. Кажется, не болѣе 1—2 разъ меня выпороли и то за неважныя шалости. Какъ будто даже и самая ненависть къ бурсѣ поослабѣла; борьба внутреннихъ добрыхъ началъ, заложенныхъ дома, съ злыми бурсацкими также поутихла. Впрочемъ, это было неполное примиреніе со зломъ, и лишь временное равнодушіе къ нему. Экзамень сдалъ я хорошо и въ числѣ первыхъ учениковъ удостоенъ перевода въ семинарію. Пріѣхалъ я на каникулы съ гордымъ сознаніемъ, что я семинаристъ и человѣкъ уже большой, у котораго розги не будутъ болѣе разрисовывать узоры на марфуткѣ, хотя этому большому человѣку было только 12 лѣтъ. О радости родныхъ, ихъ ласкахъ говорить излишне. Отдохнувъ нѣсколько дней, я попрежнему принялся за книги, да и дѣлать больше было нечего; товарищей изъ духовенства не было; друзья же моего дѣтства съ утра до ночи работали въ полѣ. Въ нѣсколько дней я проглотилъ уже читанныя мною свѣтскія книги и поневолѣ опять принялся за мистику, благо ея было изобиліе. Кажется, она на этотъ разъ была для меня болѣе понятною; такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось. Многое, если я и понималъ, то понималъ превратно. Крѣпко помню, что въ это лѣто я сталъ предаваться размышленіямъ, которыя мало походили на прежнія дѣтскія мечтанія. Бывало сидишь около дѣдовой могилы въ тѣни кладбищенской церкви и цѣлые часы отдаешься размышленіямъ о предметахъ отвлеченныхъ и, главнымъ образомъ, религіозныхъ, вызываемыхъ все тѣми же мистическими книгами. Обрядово-церковное воспитаніе, своеобразная духовная атмосфера, въ которой я жилъ, мистическія бредни, которыми я насыщался и которыя

перемѣшивались съ здоровыми нѣкоторыми масонскими идеями и, наконецъ, значительная доза воспринятаго мною въ бурсѣ кощунства,—все это произвело въ моей головѣ невообразимый сумбуръ. Мои размышленія о предметахъ, превышавшихъ не только мое, но и вообще человѣческое пониманіе, только усилили царившій во мнѣ хаосъ. Религіознаго, здороваго чувства, которое помогло бы разобраться въ немъ, у меня не было; мѣсто его заступила набожность, близкая къ ханжеству. Смутно я понималъ, что прежде всего слѣдуетъ произвести основательную чистку души, загрязненной разными, навѣянными бурсою, пороками и по-возможности вернуть прежнюю домашнюю чистоту. Но мистика же и помѣшала моему возрожденію; подъ ея вліяніемъ я пришелъ къ выводу, что для чистки души достаточно молитвъ, воздыханій, да нѣкотораго умерщвленія плоти. Въ концѣ лѣта я остановился на мысли вмѣсто семинаріи поступить въ монахи, т.-е. принять ангельскій чинъ, и сообщилъ объ этомъ отцу. Его неумолимая логика безпощадно разбила всѣ мои мечты и вполне отрезвила меня. Смѣхотворность и нелѣпость моего намѣренія была выставлена отцомъ, какъ на ладони. Мнѣ стало ясно, что въ моемъ возрастѣ жить отшельникомъ въ пустынѣ немыслимо, а въ монастырѣ до 25 лѣтъ я могу имѣть не ангельскій, а только лакейскій чинъ. Самому мнѣ стало и стыдно и смѣшно.

Для фактическаго поступленія въ семинарію нужно было выдержать еще пріемный экзаменъ, который для учениковъ Вятскаго училища на этотъ разъ не былъ страшенъ, ибо на переходномъ экзаменѣ былъ отъ семинаріи депутатъ-профессоръ и въ ней насъ экзаменовали для формы. Но онъ былъ страшенъ для учениковъ 5 училищъ, которыхъ возвращали цѣлыми десятками вспять. Помимо потери двухъ лѣтъ, недешево стоили ихъ отцамъ проѣздъ и житіе въ Вяткѣ. Сарапульскимъ, напр., ученикамъ нужно было проѣхать 560 в., а ѣхали иногда возвращенные ученики въ сопровожденіи нѣсколькихъ членовъ своей семьи. Можно представить поэтому, сколько плача и рыданій, и причинъ раздавалось на семинарскомъ дворѣ тогда!

С. Н. Сычуговъ,

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нѣчто вродѣ автобіографіи¹⁾.

III. Въ дореформенной бурсѣ.

Читатель, быть можетъ, съ бурсою знакомъ по очеркамъ Помяловскаго, по запискамъ Ростиславова (бывшаго профессора Петерб. академіи) и по воспоминаніямъ Потапенко. Но Потапенко описываетъ бурсу пореформенную; Ростиславовъ—касиовскую 20-хъ годовъ, которая только немного похожа на нашу; Помяловскій же живописуетъ петербургскую бурсу за 40-е годы, т.-е. почти за то же время, въ которое я учился. Во всей Россіи жестокіе тогда были нравы, но все-таки въ Питерѣ очень-то безобразничать и побаивались.

1. *Наши педагоги.* За исключеніемъ смотрителя (академика), котораго мы видали въ годъ 1—2 раза и который неизвѣстно зачѣмъ существовалъ, всѣ остальные учителя были студенты семинаріи, т.-е. кончившіе ее по первому разряду. Это, впрочемъ, нисколько не рекомендуетъ ихъ, какъ лучшихъ, даровитыхъ семинаристовъ. Въ заведеніяхъ, гдѣ искусство зубрить ставится выше настоящаго знанія, а добрая нравственность приравнивается къ лицемѣрію и низкопоклонству, студенческій дипломъ имѣетъ мало значенія для правильной оцѣнки людей. Нерѣдко второразрядники были и теперь бываютъ далеко, по умственному и нравственному развитію, выше студентовъ. Последние если и выдаются изъ общаго уровня семинаристовъ, то своею спѣсью и непомятымъ высокомеріемъ. При назначеніи ихъ въ учителя никому и въ голову изъ высшаго начальства не приходило удостовѣриться, способны ли его кандидаты къ учительству, имѣютъ ли къ нему призваніе и знаютъ ли предметы, которые они должны преподавать. Оттого-то и выходило нѣчто невѣроятное: ученики 4-го класса, конечно, не всѣ, знали училищные предметы, за исключеніемъ катехизиса и св. исторіи, не хуже, если только не лучше, своихъ учителей. Этотъ, повидимому, абсурдъ объясняется очень просто. Училищные предметы почти не проходятся въ семинаріи, гдѣ главное вниманіе обращается на

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 1, 2,

богословскія науки. Слава семинаристовъ, какъ знатоковъ древнихъ, а особенно латинскаго, языковъ померкла съ конца 30-хъ годовъ. Въ 40-е же годы на нихъ удѣлялось не болѣе часа въ недѣлю; а въ мое время даже преподаваніе ихъ считалось почти не-обязательнымъ. Мудрено ли, что студенты семинаріи за 6 лѣтъ успѣвали забыть то, чему ихъ учили въ училищѣ. Неудивительно поэтому, что наши учителя во время слушанія уроковъ не отрывали своихъ глазъ отъ учебниковъ и никогда почти не рисковали дѣлать какія-либо объясненія ихъ. Даже при преподаваніи ариометики учитель не выпускалъ изъ рукъ состоящаго изъ вопросовъ и отвѣтовъ какого-то, не помню, нелѣпаго учебника. Учитель по книгѣ, напр., спрашиваетъ: что есть сложеніе; зубрило-ученикъ отвѣчаетъ: «сложеніе есть ариометическое дѣйствіе, по которому два числа, называемыя слагаемыми, пишутся одно подъ другое, складываются между собою, отчего получается сумма». Напр., далѣе указанныя въ учебникѣ цифры пишутся на доскѣ и т. д. Боже сохрани ученика, если онъ слово или цифру поставитъ не на мѣстѣ или замѣнитъ другими, хотя бы сложеніе произведено было и правильно. Если не порка, то другое наказаніе постигало вольнодумца, рѣшившагося на перестановку слова или цифры. Готовясь уже въ университетъ, я не разъ убѣждался, что будущіе (черезъ годъ) учителя и попы знали 4 дѣйствія едва-ли лучше, чѣмъ знаютъ теперь ученики народныхъ школъ 3-го отдѣленія. Правъ я былъ, когда говорилъ, что любой хорошо грамотный крестьянинъ могъ въ наше, по крайней мѣрѣ, время безъ ущерба для преподаванія замѣнить учителей-студентовъ семинаріи, кромѣ только учителей древнихъ языковъ и катехизиса. Вѣдь отъ учителя требовалось только умѣнье слѣдить по книжкѣ, правильно ли отвѣчаетъ ученикъ, а потомъ сосчитать, по пальцамъ хотя, число ошибокъ и наказать его. И для казны было бы выгодно! Впрочемъ, и учителя-студенты получали тогда нищенское содержаніе: 8—9 руб. въ мѣсяцъ, хорошо не помню. Нечего удивляться, если при повальномъ взяточничествѣ и наши учителя не брезговали разными приношеніями нашихъ отцовъ. При нищенскомъ жалованьѣ было бы смѣшно требовать отъ учителей, чтобъ они покупали книги, касающіяся ихъ предметовъ, готовились къ урокамъ и, вообще, заботились о пополненіи пріобрѣтенныхъ ими 6 лѣтъ назадъ въ училищѣ знаній. Въ училищной библіотекѣ, кромѣ высланныхъ Синодомъ учебниковъ, книгъ для самообразованія не полагалось. Впрочемъ, не только тогда, да и теперь даже стремленіе къ самообразованію наблюдается лишь въ отдѣльныхъ рѣдкихъ личностяхъ (я могу судить объ этомъ по абонентамъ бывшей моей библіотеки) изъ духовенства,

которое семинарскій курсъ считаетъ высшею мудростію. Да и заниматься съ учениками добросовѣстно у учителей не было побужденій; на учительство они смотрѣли, какъ на средство получить богатое поповское мѣсто. И мѣнялись они чрезвычайно часто; только двое учительствовали долго, такъ какъ они въ Вяткѣ же занимали поповскія мѣста. Замѣчательно, что за 4 года изъ массы учителей оказался только одинъ, который заботился о нашемъ развитіи, за что мы чуть не обожали его, но онъ, къ нашему общему горю, не пробылъ у насъ и 2-хъ мѣсяцевъ.

2. Ученики состояли главнымъ образомъ изъ дѣтей духовенства, т.-е. поповъ, дьяконовъ и дьячковъ. Ни въ какомъ всеобщемъ заведеніи не придется найти такого различія между воспитанниками, какое существовало въ нашемъ однословномъ училищѣ. Поповскія дѣти имѣли нѣкоторыя черты, замѣтно выдѣлявшія ихъ изъ общей массы: они были поприличію, въ нихъ было меньше грубости, неряшества, нечистоплотности и разныхъ сальностей, чѣмъ въ дьячковскихъ дѣтяхъ, у которыхъ еще рѣзко бросалась въ глаза страстишка насолить поповичамъ, а если сила была, то и побить ихъ. Конечно, это различіе съ годами сглаживалось, но, къ сожалѣнію, не въ пользу поповичей. Кромѣ дѣтей изъ духовенства были еще у насъ товарищи изъ инородцевъ. Въ цѣляхъ церковной пропаганды, по представленію святѣйшаго Синода, было приказано ловить, хватать и насильно водворять въ бурсу инородцевъ, изъ которыхъ послѣ выучки предполагалось создать поповъ и дьяконовъ для иновѣрческихъ приходовъ. Слышно было, что для поимки кандидатовъ на поповство устраивались настоящія облавы. Мѣстное начальство доносило Синоду, что инородцы не поддаются культурѣ, что съ ними трудно справиться, чѣмъ съ дикими звѣрями, но получился неожиданный результатъ. Наперекоръ тогдашнимъ жестокимъ нравамъ Синодъ предписалъ, чтобы съ инородцами начальство обращалось мягко и гуманно и чтобы не смѣло исключать ихъ безъ синодскаго разрѣшенія. Инородцы, конечно, возрадовались и на гуманность отвѣтили полнымъ пренебреженіемъ къ ученію и бурсацкому режиму. Въ наше училище почему-то попадали исключительно черемисы. Это племя вообще отличается безталантностью и даже малопонятливостью. Передаютъ, какъ было, что рекруты изъ черемисъ не умѣли отличить правой ноги отъ лѣвой, а потому военные экзерцисмейстеры привязывали къ ногамъ ихъ клочки сѣна и соломы и командовали уже: не «правой,—лѣвой», а «сѣно,—солома». Изъ этого-то обиженнаго природой племени сельскія власти нахватывали еще самыхъ безталантныхъ, на которыхъ смотрѣть было нельзя безъ жалости. Впрочемъ,

какъ рѣдкія исключенія, попадались и неглупые ребята. Одинъ черемисинъ, погрузившійся по уши въ зубрежку и отличавшійся тихимъ нравомъ, даже кончилъ одновременно со мною семинарію и поступилъ въ попы. Но были экземпляры и другого рода, наводившіе страхъ даже на начальство. Вообще, инородцы скоро поняли свое привилегированное положеніе и засиживались въ классахъ многіе годы. Изъ ихъ среды выходило немало великовозрастныхъ, дюжихъ молодцовъ—гражданъ камчатки. Скоро, кажется, дано было начальству разрѣшеніе и безъ Синода выгонять не желавшихъ совсѣмъ учиться черемисъ. Они больше дружили съ дьячковскими дѣтьми и вмѣстѣ съ ними нещадно били и всячески издѣвались надъ поповичами, которыхъ несправедливо называли нѣженками. Лично я не терпѣлъ обидъ отъ товарищей. Ихъ расположили въ мою пользу—мои выходки противъ начальства, открытіе шпіона, а главное мое относительное умственное развитіе, за которое часто называли меня башкой. Вообще, аристократія ума была у насъ въ большомъ почетѣ. Средніе по способностямъ и почему-либо, а большею частію ни съ того ни съ сего, непонравившіеся драчунамъ и коштанамъ поповичи выносили почти ежедневно настоящія пытки. Били ихъ бѣднягъ чуть не на каждомъ шагѣ озвѣрѣлые драчуны. Какъ завзятый врагъ кулака, я часто отстаивалъ товарищей, страдавшихъ невинно отъ грубаго и дикаго произвола буяновъ, но и мой авторитетъ рѣдко ихъ сдерживалъ. Иногда дѣло доходило до того, что отцы переводили своихъ дѣтей, страдавшихъ отъ товарищеской тираніи, въ другія училища. Вообще, товарищеская среда шибко деморализовала насъ.

3. Какъ было уже сказано, учащіе, строго говоря, не заботились, да врядъ ли и могли заботиться о нашемъ умственномъ развитіи. Безсмысленное зубреніе уроковъ «отъ сихъ и до сихъ» скорѣе отупляло, чѣмъ развивало наши маленькіе умы. О саморазвитіи врядъ ли стоить говорить: не было для него благопріятныхъ условій. Нѣчто похожее на мою домашнюю обстановку наблюдалось врядъ ли и у 2-хъ товарищей, но ни у одного изъ нихъ, навѣрняка, не было такого разумнаго педагога, какимъ былъ мой дѣдъ. И все-таки любознательность и стремленіе къ развитію замѣчались чуть не въ доброй половинѣ учениковъ. Я упоминалъ уже, что кое-какія книги для чтенія я привозилъ съ собою въ бурсу. И нужно было видѣть радость бурсаковъ, когда они получали отъ меня книги! Какъ они лебезили передо мной въ ожиданіи, что я разъясню все непонятое ими и какъ горько было ихъ разочарованіе, когда я откровенно признавался, что и я многого не понималъ. Если бы начальство хотя на половину удовле-

творяло нашей любознательности или своими объясненіями, или подборомъ подходящихъ книгъ для чтенія, то народъ имѣлъ бы теперь сотни настоящихъ пастырей, а не презираемыхъ почти имъ поповъ, которые на разные лады заботятся о выколачиваніи изъ дыряваго мужицкаго кармана послѣднихъ грошей. Но начальству не было, кажется, ни малѣйшаго дѣла до нашего развитія. Объясненія даже уроковъ оно считало излишней роскошью; а выписку книгъ для ребятъ—чуть ли не ересью. Да, впрочемъ, и книгъ-то дѣтскихъ тогда было немного. Заботы начальства о нашемъ нравственномъ воспитаніи я, кажется, подробно изобразилъ въ картинѣ моего нравственнаго растлѣнія. Оно даже тогда не додумалось еще до простой истины, что нельзя же массу ребятъ, скученную по 70—100 душъ въ одной комнатѣ, оставлять на все внѣклассное время безъ всякаго надзора. Нельзя же серьезно назвать надзоромъ обходъ по вечерамъ комнатъ, гдѣ готовились уроки, инспекторомъ однажды въ 1½—2 мѣсяца. Былъ правда у него помощникъ (не штатный, а изъ любителей), но этотъ педагогъ занимался и то крайне рѣдко подслушиваніемъ у дверей, да выслушиваніемъ отчета шпионовъ. И то и другое для него было не безопасно, а намъ кромѣ худа ничего не приносило. Въ pendant пресловутымъ аудиторамъ на внѣклассное время въ каждую комнату назначался изъ нашихъ же товарищей старшій, а для чего—не вѣдаю. Не для руководства же нашимъ нравственнымъ воспитаніемъ? Помнится, что почти всѣ наши старшіе были испорченіе своихъ товарищей. Высокомѣріе, тщеславіе своимъ положеніемъ, которое въ сущности не давало никакихъ правъ, взятки съ новичковъ и трусишекъ и низкопоклонство предъ инспекторомъ, неразрывно связанное съ лицемеріемъ,—вотъ качества, особенно присущія старшимъ. Очень интересно наблюдать замѣчательно стойкій консерватизмъ нашего духовнаго вѣдомства. Полустолѣтній опытъ долженъ бы былъ, кажется, наглядно доказать ему полную нецѣльность системы нравственнаго воспитанія дѣтей, поручасмаго дѣтямъ же, чуть неодногодкамъ съ своими воспитанниками. Правда въ духовныхъ училищахъ эта система отмѣнена: старшіе изъ учениковъ замѣнены надзирателями изъ студентовъ семинаріи. Но когда духовенству предоставлена была монополія открывать школы грамоты въ селахъ и деревняхъ, отжившая свой вѣкъ и оказавшаяся негодною для дѣтей духовенства старая система примѣняется теперь имъ для дѣтей крестьянскихъ. И въ большинствѣ школъ грамоты, о назначеніи которыхъ—распространять грамотность и воспитывать въ религіозно-нравственномъ духѣ подрастающее поколѣніе—такъ велегласно заявляютъ синодскіе краснобаи,

насадителями нравственныхъ началъ являются мальчуганы 12—15 лѣтъ. Да и учебное дѣло ведется очень плохо, хотя духовенство и старается всячески скрыть это, но правда все-таки обнаруживается. Обыкновенно окончившихъ школу грамоты, или, какъ зоветъ ихъ народъ, грамотниковъ принимаютъ во 2 и 3 отдѣленія церковныхъ школъ, но скоро по необходимости сами же церковные учителя возвращаютъ ихъ вспять, т.-е. въ младшее отдѣленіе. Я не говорю, впрочемъ, о всѣхъ. И выходитъ, что время, проведенное въ школѣ грамоты, пропадаетъ для многихъ зря. А какъ рѣзко отличаются грамотники отъ другихъ учениковъ; какіе изъ нихъ выходятъ сорванцы! Остановился я на системѣ воспитанія дѣтей дѣтьми же, чтобъ показать, что до нашего нравственнаго воспитанія никому дѣла не было. Начальство назначило старшихъ, поручило имъ надзоръ за нами, а тамъ хоть трава не расти. Сколько бурсаковъ погибло, сколько изъ нихъ вышло крайне несимпатичныхъ поповъ!? Я не хуже другихъ знаю, что настоящихъ пастырей было мало, да и теперь ихъ надо считать единицами, но знаю также и причины, создающія гораздо больше поповъ, чѣмъ пастырей. Общество же наше на это не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія; оно съ какой-то безгливостью, если не съ презрѣніемъ, относится ко всему духовному сословію. Костюмъ духовенства служитъ символомъ жадности, невѣжества, фарисейства и множества другихъ пороковъ. Оно не хочетъ, кажется, даже допустить предположенія, что въ рясы облакаются иногда люди высокаго благородства и великаго ума. Не всѣ же вѣдь бурсаки нравственно гибнутъ окончательно: попадаютъ же между ними изрѣдка и такіе, къ которымъ бурсацкая грязь слабо прилипаетъ и потомъ легко смывается, а равно и такіе, которые совсѣмъ перерождаются. Безгливость общества и особенно дворянства простирается и на оставившихъ даже духовное званіе; клички: кутейникъ, поповичъ нерѣдко произносятся съ цѣлію показать, что отъ такихъ людей добраго нечего ждать.

4. *Развлеченіе бурсаковъ.* При грубости нашихъ нравовъ и развлеченія наши носили грубый характеръ. Впрочемъ, они не во всѣ сезоны были одинаковы. Весною и лѣтомъ, а равно и въ сентябрѣ, когда внѣклассное время мы проводили на вольномъ воздухѣ, наши игры и развлеченія были облагороженнѣе и, вѣроятно, немногимъ отличались отъ развлеченій гимназистовъ. Наибольшею распространенностью между бурсаками и любовью ихъ пользовались игры: свайка, бабки, лапта, мячъ и городки. Послѣднимъ двумъ я отдавался со страстностію. Да и вообще почти всѣ игры на открытомъ воздухѣ прекрасно вліяли на насъ не только въ физическомъ, но и въ духовномъ отношеніи. Совсѣмъ

другой прямо противоположный характеръ имѣли игры комнатныя зимой и осенью. Здѣсь проявлялись безъ всякихъ прикрасъ самыя низменные инстинкты, частію врожденные, а главнымъ образомъ привитые воспитаніемъ, какъ домашнимъ, такъ и бурсацкимъ. Они съ особенной силой и въ болѣе грубой формѣ сказывались у инородцевъ и дьячковскихъ дѣтей, хотя и поповичи далеко не были отъ нихъ свободны. Конечно, были исключенія на той и другой сторонѣ, но не о нихъ рѣчь. Общая суть зимнихъ игръ выражалась въ нанесеніи обидъ съ одной стороны и въ отпорѣ, или терпѣливомъ перенесеніи ихъ съ другой. Лѣтнія игры развивали ловкость, находчивость и т. п. хорошія качества, въ зимнихъ же главную роль играли грубая физическая сила и нахальство, доходящее часто до цинизма; были у насъ кулачные бойцы, у которыхъ синяки врядъ ли сходили съ тѣла и которые о томъ только и заботились, чтобъ причинить противнику побольше боли. Была игра, называемая: «стѣна на стѣну», состоящая въ томъ, что двѣ партіи, каждая человекъ въ 25—30, становились другъ противъ друга и по командѣ, какъ разъяренные звѣри, бросались на противниковъ. Синяки, а изрѣдка и болѣе серьезныя поврежденія, требовавшія вмѣшательства медицины, были слѣдствіями этой свалки. Тяга черезъ палку—это своего рода единоборство, кончавшееся иногда надрывомъ поясничныхъ мышцъ и громадными кровоподтеками на затылкѣ, если осилившій на тягѣ моментально выпускаетъ изъ рукъ палку, чтобъ противникъ его, значительно приподнятый, со всего размаху грохнулся затылкомъ на полъ. Такой дикій пріемъ запрещался условіями игры, такъ какъ бывали случаи сотрясеній мозга, но побѣдителей не судятъ. Невиннѣ другихъ забавъ была борьба, которая требовала не столько силы, сколько ловкости и смѣлки. Я почти не участвовалъ въ зимнихъ играхъ, но изрѣдка не прочь былъ побороться. Несмотря на свой пигмейскій ростъ, я обладалъ недюжинною силою, знаніемъ разныхъ сноровокъ и умѣньемъ пользоваться моментомъ. Все это подстрекало меня вступать въ борьбу съ верзилами и нерѣдко удавалось побѣждать ихъ. Эта борьба пигмея съ исполиномъ, въ случаѣ удачи, производила фуроръ и поднимала мой авторитетъ, что, конечно, тѣшило мое маленькое самолюбіе. Кромѣ игръ, требующихъ силы и ловкости, существовала масса забавъ, въ основѣ которыхъ лежали хитрость ихъ изобрѣтателей и желаніе сдѣлать большую или меньшую пакость товарищамъ. Я, по крайней мѣрѣ, не помню ни одной забавы безъ этой подкладки. Страдающими лицами здѣсь болѣею частію, если не исключительно, являлись или новички, или хотя изъ старыхъ, но настолько глупые и недалководные ре-

бятки, что они невольно дѣлались предметомъ общаго, хотя и глупаго смѣха. Напр., съ полнымъ на видъ сочувствіемъ подходить къ новичку старый бурсакъ и предлагаетъ чрезъ перышко гусиное дунуть въ ящичекъ, чтобъ увидѣть неизвѣданныя блаженства. (Ящичекъ въ одной изъ стѣнокъ имѣетъ кромѣ общаго большого отверстія съ перомъ на той же стѣнкѣ 20—30 едва замѣтныхъ отверстій и наполняется сажей, табакомъ, известью и пр.). Дунувшій въ ящикъ новичекъ или становится похожимъ на трубочиста или цѣлые часы чихаетъ и пр., а бурсаки гогочутъ. И все это творилось благодаря ужаснѣйшей скукѣ, одолѣвавшей бурсаковъ во внѣклассное время, и полному отсутствію мало-мальски разумныхъ развлеченій. Возмущающіеся выходками своихъ же товарищей бурсаки составляли ничтожный процентъ. Большинство же гоготало и поощряло буяновъ. Всѣ ихъ разнообразныя выходки въ итогѣ сводились къ нанесенію слабымъ товарищамъ физической боли, вообще: шипки, щелчки и особенно кулаки играли главную роль. И всѣ эти гадости практиковались надъ совершенно невинными товарищами, такъ сказать, вслѣдствіе мертвящей скуки. Словесная защита слабыхъ обыкновенно была бесполезна, если даже предпринималась авторитетными товарищами. Тутъ требовался здоровый кулакъ, а не убѣжденное слово. Ученики, неодобрявшіе кулакъ, тѣмъ только и могли облегчать горе обижаемыхъ товарищей, что оказывали имъ свое вниманіе и сочувствіе, но и это уже не нравилось буянамъ. Если же какой-либо мальчуганъ не выдержитъ ежедневныхъ почти и безпричинныхъ пытокъ и въ пылу раздраженія пожалуется на обидчиковъ инспектору, тогда жизнь его становилась положительно невыносимою; приходилось поневолѣ оставлять училище. И замѣчательно, что въ числѣ буяновъ было немало добрыхъ ребятъ, но зато были и настоящія, отвратительныя злючки.

Чтобы покончить съ развлеченіями, мнѣ остается сказать еще о бояхъ, практиковавшихся только зимою по субботамъ послѣ всенощной. Бои эти похожи были на настоящія сраженія съ главнокомандующимъ, командирами отрядовъ, застрѣльщиками, прикрытіями, резервами и пр. Сражающимися сторонами съ одной стороны были мѣщане и гимназисты младшихъ классовъ (старшіе въ союзѣ тоже съ мѣщанами сражались на другомъ концѣ города съ семинаристами), а съ другой—бурса, за исключеніемъ, быть можетъ, 30—40 чел., не любящихъ драки и слабенькихъ. Обѣ стороны вмѣстѣ выставляли въ бой болѣе 500 чел. Я хотя и не принималъ участія, но не разъ бывалъ свидѣтелемъ побоищъ и потому могу судить, до какого звѣрскаго остервенѣнія доходили сражающіеся. Послѣ каждого сраженія оказывались раненые,

а изрѣдка и требовавшіе больничнаго леченія, но убитыхъ въ мое время, кажется, не бывало. Преданіе гласило, что въ прежніе годы бывали и убитые, но дѣла о нихъ были шиты и крыты. Бои оффиціально не разрѣшались, но допускались. Губернское начальство не могло не знать о нихъ, но тѣмъ не менѣе не посылало даже будочника для порядка. Наше же начальство, конечно, втихомолку само любовалось на сраженіе. Мнѣ съ нѣкоторыми товарищами, неучаствовавшими въ бояхъ, приводилось видать, какъ инспекторъ во главѣ своей семьи съ верхняго крыльца посматривалъ на побоище. Поэтому на раненыхъ не обращалось никакого вниманія, тогда какъ небольшой синякъ, полученный внѣ боя, вызывалъ сыскъ, а иногда и порку. Часто изъ любви къ искусству сторону бурсы принимали два дьячка, а изрѣдка становился въ ряды ея изъ ближняго села страшный дьяконъ, одинъ видъ котораго вселялъ противникамъ паническій страхъ и обращалъ ихъ въ бѣгство. Дѣйствительно онъ, какъ ураганъ, валилъ враговъ цѣлыми десятками. Зналъ ли объ участіи въ бою духовныхъ лицъ архіерей, не могу сказать. Но Ростиславовъ, описывая рязанскіе бои бурсы съ горожанами, говоритъ объ участіи въ нихъ самого протодьякона (съ негласнаго разрѣшенія) и о томъ, что самъ св. владыка изъ укромнаго мѣстечка слѣдилъ за сраженіемъ.

Для характеристики нравовъ вятскаго общества я скажу кое-что о свистопляскѣ, праздновавшейся ежегодно въ одно изъ воскресеній послѣ Пасхи. Праздникъ этотъ напоминаетъ семикъ и, по преданію, установленъ въ память избіенія вятичами своихъ союзниковъ, пришедшихъ къ нимъ на помощь. Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о свистопляскѣ и попалъ, по неопытности, на нее, вслѣдствіе уговора одного стараго, опытнаго бурсака. Мѣсто для праздника находилось въ концѣ города и представляло глубокой оврагъ съ высокими берегами, на которыхъ размѣщаются десятки торговцевъ съ булками, лакомствами и спеціально для этого дня приготовляемыми свистульками (въ родѣ маленькихъ кларнетовъ) и глиняными шарами, окрашенными въ черный цвѣтъ съ разноцвѣтными крапинками. Шары большіе (съ апельсинъ) были внутри пустые; мелкіе же величиною въ грецкій орѣхъ дѣлались сплошными. На праздникъ являлась масса дѣтвора, но много приходило и расфранченныхъ барынь и мужчинъ, чиновниковъ и купцовъ. Дѣти всѣ снабжались свистульками и въ воздухѣ раздавалась ужасная какофонія; взрослые же нагружались шарами, которые покупались цѣлыми сотнями. На берегу была, значитъ, праздничная и праздная публика; въ оврагѣ же помѣщались мѣщанскіе ребята и бурсаки, къ которымъ чуть не

насилъно потащилъ меня товарищъ. Да и самому мнѣ неловко было толкаться среди франтоватой публики въ халатѣ. Праздникъ начался киданіемъ шаровъ сверху и подбираниемъ ихъ ребятами въ оврагѣ. Я уже нахваталъ шаровъ цѣлую пазуху, какъ одинъ изъ нихъ, попавшій въ голову свалилъ меня съ ногъ, и тогда началась настоящая бомбардировка. Я взмолился, просилъ пощады, но шары все чаще и чаще сыпались на меня. Встать и бѣжать я не могъ и только руками инстинктивно защищалъ голову. Къ счастью на выручку мнѣ явился мой соблазнитель и вытащилъ меня въ относительно безопасное мѣсто. Я скоро отдышался и сталъ наблюдать за нарядной публикой. Представьте себѣ, что не только мужчины, но расфранченныя въ пухъ и прахъ барыни и даже дѣти съ удовольствіемъ, повидимому, цѣлились въ головы овражныхъ ребятъ; каждый мѣткій ударъ встрѣчался поощрительнымъ хохотомъ и восклицаніями. Меня такъ отхлопали, что картузь нельзя было надѣть, такъ сильно распухла голова. Когда мы вышли изъ оврага, мой товарищъ опорожнилъ мою пазуху, продалъ шары и купилъ мнѣ большую свистульку и булку. Съ этими трофеями я вернулся въ бурсу; къ нимъ на другой день инспекторъ присоединилъ штукъ 50 горячихъ розогъ. Да, жестокіе были нравы!

5. *Религія и умственныя запросы бурсы.* Въ обоихъ отдѣленіяхъ 4-го класса насъ было болѣе 100, но врядъ ли изъ этой массы 4—5 чел. обладали настоящимъ религіознымъ чувствомъ. Остальная бурса вполнѣ равнодушно относилась къ религіи; она, кажется, безсознательно, по привычкѣ исполняла только церковныя обряды, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Утреннія и вечернія молитвы, напимѣръ, читались аккуратно, но читались такъ, что лучше бы ихъ не было. То во время ихъ ходитъ по рядамъ бурсакъ и чѣмъ-нибудь побрякиваетъ, пародируя сборъ денегъ въ церквахъ; то другой бурсакъ изображаетъ трудника, т.-е. челоуѣка, сопутствующаго въ походахъ иконамъ, и выкрикиваетъ: порадыйте православныя Николѣ Чудотворцу на провожанье и пр. При этомъ изрыгаются нерѣдко и непечатныя слова. А какъ держать себя ученики въ церкви, такъ и смотрѣть тошно! Только присутствіе начальства поддерживаетъ нѣкоторый порядокъ, да и то въ рядахъ, стоящихъ на виду у него. За спиной же начальства продѣлываются иногда возмутительныя вещи. Полный индифферентизмъ въ связи съ самымъ грязнымъ кошунствомъ особенно бросается въ глаза во время вечернихъ скучныхъ вечеровъ, когда одинъ другаго хотятъ перещеголять сальными насмѣшками надъ религіозными святынями. Дѣло начинается съ циничныхъ разсказовъ о попахъ и попадьяхъ, откуда легко переходятъ на темы

о святыхъ, таинствахъ и обрядахъ. Кошунство самое омерзительное тогда льется широкимъ потокомъ; пикантности пересыпаются матерщиной. Одного только Христа щадили бурсаки. Кажется, я упоминалъ, что подъ вліяніемъ мистическихъ книгъ во мнѣ загорѣлось горячее религіозное чувство, извращенное, впрочемъ, частію мистикой, частію же собственнымъ моимъ непониманіемъ и неправильнымъ ея толкованіемъ. Какъ бы то ни было, а кошунство бурсаковъ меня очень возмущало; я пробовалъ опровергать ихъ сказки и вымыслы, стыдилъ ихъ, какъ будущихъ поповъ, но толку было мало; и мой сильный иногда авторитетъ оказывался безсильнымъ. Оставалось только мнѣ въ компаніи съ 2—3 вѣрующими удаляться отъ нечестивыхъ бесѣдъ. Въ послѣдній годъ случайно я натолкнулся на возможность отвлекать вниманіе товарищей отъ кошунства. Во время каникулъ я нѣсколько разъ перечиталъ бывшія у дѣда свѣтскія книги (ихъ и было-то съ десятокъ) и хорошо запомнилъ ихъ содержаніе. Какъ-то въ кружкѣ товарищей я сталъ пересказывать «Недоросля» и былъ пораженъ тѣмъ вниманіемъ, какое они проявили. Частенько я рассказывалъ кое-что изъ Карамзина, но багажъ мой былъ скуденъ и скоро истощился. Несмотря на свои умственные недочеты и плохую наблюдательность, я ясно видѣлъ, что запросы бурсаковъ на образованіе и любознательность громадны, да удовлетворенія-то ихъ вовсе не было.

6. *Порочность бурсаковъ.* Великовозрастные, а глядя на нихъ и малыши, при случаѣ напивались до скотства. Настоящаго регулярнаго пьянства если не было, то лишь по безденежью. Зато пили рѣдко да мѣтко. Особенно безобразно напивались у ставленниковъ-родственниковъ при посвященіи ихъ въ попы или дьяконы. Тутъ ужъ даже и совсѣмъ непьюшіе, за рѣдкими исключеніями, нализывались, какъ свиньи. Но такъ какъ случаи для выпивки были рѣдки, то и число пьяныхъ было ничтожно и потому не характерно для бурсы. Будь у бурсаковъ побольше случаевъ, да побольше денегъ, и пьянство приняло бы широкіе размѣры. Болѣе распространено у насъ было воровство. Были артисты, которые изрѣдка обкрадывали даже товарищей, хотя воровство строго каралось товарищескимъ судомъ и считалось крайне позорнымъ дѣломъ. Совсѣмъ иначе относилась бурса къ кражамъ на сторонѣ. Ими даже хвалились, какъ своего рода молодецтвомъ. Воровали въ огородахъ овощи, на дворахъ куръ, въ вершахъ рыбу, съ лотковъ калачи, а изъ лавокъ, что попадется подъ руку. Бывало бурсакъ, не имѣвшій за душой и 3-хъ коп., становился обладателемъ дюжины перочинныхъ ножей. Какъ производилось воровство,—я обстоятельно рассказать не могу, ибо, за

исключеніемъ единственнаго описаннаго выше случая, кражами не занимался, но помню изъ разсказовъ, что для успѣшности ихъ составлялись шайки, въ которыхъ каждому члену назначалась особая роль и въ которыхъ были свои главари. Не всегда кражи бывали успѣшны: иногда воришки жестоко платились и являлись въ бурсу съ пустыми руками. Торговцы ограничивались лишь самосудомъ, но никогда не жаловались начальству; они вѣдь знали, что бурсаки постоянно голодны, какъ волки, и что воруютъ они съ голоду. Совмѣстное жительство, грубость нравовъ и зависѣвшее отъ нее безстыдство сильно вліяли на распространеніе въ бурсѣ разврата. Въ младшихъ классахъ процвѣтало рукоблудіе. Я выразился неточно: не въ однихъ младшихъ классахъ, а и въ семинаріи и даже въ Богословіи.... Еще омерзительнѣе былъ другой, тоже довольно распространенный порокъ—мужеловство. Здѣсь подбирались пары такимъ образомъ, что одну половину составлялъ ученикъ 3 или 4 кл., а другую мальчуганъ лѣтъ 8—9 изъ новичковъ. Активнымъ дѣятелемъ большею частію бывалъ безобразно-грубый и циничный буянь; пассивная же роль выпадала на долю совершенно неопытныхъ, не понимавшихъ, что съ ними творять мерзавцы, юнцовъ съ женоподобнымъ смазливymъ личикомъ. И какая ложь, какое извращеніе понятій царили въ бурсѣ! Активные дѣятели чуть не открыто хвалились своимъ развратомъ, выставляя его на видъ, какъ будто какую-либо доблесть. Наглость ихъ простиралась до того, что они испешряли стѣны уборной и умывальной полными именами жертвъ своей животной чувственности. Этотъ противоестественный грѣхъ, пожалуй, не въ меньшей мѣрѣ процвѣталъ и въ семинаріи.

7. *Внѣшняя обстановка бursы* вполне безотраднa.

И теперь еще красуется громадное, каменное трехэтажное зданіе, въ которомъ помѣщалась наша бурса съ классами, спальнями, столовыми, пекарнями и пр. Верхній этажъ былъ занятъ церковью и спальнями; средній—классами, а нижній—хозяйственными помѣщеніями. Зданіе устроено по центрально-коридорной системѣ. На дворѣ, кромѣ разныхъ погребовъ, стояли два флигеля: одинъ для начальства, другой для больницы. Сада не было, но зато былъ громаднѣйшій, въ нѣсколько десятинъ, дворъ. Однимъ фасадомъ училище выходило на огромную площадь съ прекраснымъ соборомъ, построеннымъ по проекту знаменитаго Витберга, а другимъ—подходило къ высокому берегу, подъ которымъ извивалась рѣка Вятка. Видъ съ этой стороны былъ очаровательный. Но зато внутри зданія на смѣну очарованія являлось омерзеніе. И классы, и спальни всегда имѣли мрачный, унылый видъ: кружева изъ паутины, толстые слои пыли и еще болѣе толстые слои

грязи покрывали не только стѣны и полы, но отчасти и потолки. Когда бурсаки оправляли свои незатѣйливыя постели, въ спальняхъ стояла какая-то мгла, сквозь которую на разстояніи аршина трудно было разглядѣть лицо товарища. Самыя же постели представляли нѣчто ужасное. У своекоштныхъ были хоть подушки изъ пера, одѣяла немудрыя и войлоки, которые дома все-таки очищались отъ пыли и грязи; до постелей же несчастныхъ казенно-коштныхъ учениковъ, вѣроятно, цѣлые годы не дотрагивалась ни одна заботливая рука: пожалѣть ихъ было некому. Матрацы, похожіе больше на масляные блины, а жесткостію напоминающіе дерево, набивались обыкновенно гнилой, уже почернѣвшей соломой (это я видалъ не разъ самъ) и пропитанные грязью и испареніями издавали отвратительный смрадъ. Пожалуй, покажется невѣроятнымъ, что въ спальняхъ даже солнечный свѣтъ былъ какой-то сѣро-тусклый, а это положительно вѣрно; лучи, преломляясь въ массѣ пыли, теряли свою яркость. Этому немало способствовали еще оконныя стекла, на которыхъ толстымъ слоемъ покоилась пыль и грязь; да и сами-то по себѣ стекла отъ старости потеряли свою прозрачность. Форточекъ не полагалось вовсе; печи отопливались изъ коридора; уборныя примитивнаго устройства сами по себѣ были негодны и ужасно воняли, благодаря же нечистоплотности бурсаковъ, онѣ превращались въ сплошную клоаку. Вонь изъ нихъ свободно распространялась по всему корпусу и особенно застаивалась въ спальняхъ. Объ испорченности нашего воздуха можно судить уже потому, что, входя въ бурсу, наши отцы и матери, довольно нечистоплотные и неряшливые въ своихъ домахъ, частенько зажимали свои носы или закрывали ихъ платкомъ, пока не попрыгаютъ къ нашей вонь. О насѣкомыхъ, пожиравшихъ наши грѣшныя тѣлеса, и теперь еще жутко вспомнить. Мириады ихъ свили свои гнѣзда въ бурсѣ; была и кавалерія, были и пѣхотинцы, прозванные въ бурсѣ блондинками, а наши деревянныя кровати давали удобный пріютъ артиллеріи. Спасибо мы еще говорили начальству за еженедѣльные бани; оно не жалѣло на нихъ дровъ, которыя, впрочемъ, и стоили-то тогда баснословно дешево—не дороже, кажется, 30 коп. за сажень. Самое мытье въ банѣ носило особый присущій бурсѣ колоритъ. Если не всѣ, то добрая половина бурсаковъ послѣ мытья въ жаркой банѣ, несмотря ни на какой морозъ, выбѣгали нагишомъ на улицу и, повалѣвшись въ снѣгу, опростѣю возвращались въ парильню и съ особымъ гоготаньемъ жарили себя вѣниками. Продѣлывались эти штуки, конечно, ради удалства, но онѣ все-таки закаляли наши тѣлеса. Истребить насѣкомыхъ не могла никакая баня, поэтому

бурсаки частенько на нихъ, а особенно на пѣхоту охотились. Въ ясное утро нерѣдко можно было наблюдать такую картину: всѣ окна спальни заняты нагими бурсаками, которые съ ожесточеніемъ ловили и казнили своихъ враговъ. Въ спальнѣ стоялъ трескъ: точно кто-нибудь горстями бросалъ на каленые угли соль. За 4 года, и то благодаря слуху о пріѣздѣ ревизора однажды бурса была приведена въ сносный видъ.

При одномъ воспоминаніи о томъ, чѣмъ и какъ насъ кормили, становится какъ будто тошно. Чтобы дать хотя слабое понятіе о нашемъ пищевомъ режимѣ, я ограничусь только сравненіями. Какъ бывшій военный врачъ, я хорошо знаю солдатскій столъ и честно могу сказать, что солдатъ кормили въ 60-хъ годахъ несравненно лучше, чѣмъ насъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Вѣроятно, мы безъ всякаго сожалѣнія отказались бы и отъ щей и каши, еслибъ вмѣсто нихъ намъ предложили бы прекрасный солдатскій хлѣбъ и очень недурный квасъ. Около полугода былъ я врачомъ въ арестантскихъ ротахъ въ Херсонѣ и часто пробовалъ арестантскую пищу. Не разъ во время этихъ пробъ я сравнивалъ ее съ пищею бурсацкой и сравненіе было далеко не въ пользу послѣдней. Хлѣбъ и квасъ у арестантовъ были положительно хороши, хотя и не пользовались такой славою, какъ у солдатъ. Жиру во щахъ было очень мало, такъ какъ и мясо-то отпускалось меньше, чѣмъ въ войскахъ, но щи все-таки были довольно вкусны и не смахивали на вонючія помои, которыми кормили насъ. Разные экономы и комисары, конечно, не прочь были урвать кое-что отъ кормленія солдатъ и арестантовъ, но нахально обкрадывать ихъ они все-таки побаивались, ибо былъ не фиктивный, а дѣйствительный контроль. У насъ же не было никакого буквально контроля. Ревизоры показывались очень рѣдко, да, по слухамъ, нѣкоторые будто бы съ начальства получали мзду. Чтобы содержать насъ хорошо, начальство должно быть идеально честно, что въ тѣ времена было величайшею рѣдкостію. Очень ужъ мало платилось за наше содержаніе: за казеннаго бурсака Синодь высылалъ, кажется, только 45 рублей въ годъ. Мы же своекоштные за помещеніе и пищу платили неодинаково: поповичъ платилъ 9 р. въ треть, а дьячковъ сынъ только 6 руб. Правда и дешевизна тогда была баснословная, а все-таки на показанныя суммы много не разгуляешься. Ихъ вполне достаточно было тогда даже для прекраснаго содержанія насъ, но при условіи—не грабить. А такъ какъ грабежъ считали тогда чуть ли не обязательнымъ, то и содержаніе наше должно быть изъ рукъ вонъ плохимъ. Все затхлое, прогорклое, прокислое и вообще подлежащее изгнанію изъ лавокъ отправлялось въ бурсу: бурсаки, дескать, народъ непривередли-

вый, всякую дохлятину сожрутъ. И наши луженые желудки переваривали всякую дрянь, отъ которой, пожалуй, другая свинья отворотила бы свое рыло. Но иногда и насъ мутило. Помню хорошо, что въ печеномъ хлѣбѣ была найдена цѣлая мышь; пошумѣли бурсаки, устроили даже промежу между себя, какъ говорилъ Салтыковъ, революцію, но дальше не пошли, ибо понимали, что жалоба начальству на начальство же къ добру не приведетъ. Собственными глазами я видѣлъ, какъ сынишка хлѣбопека, просѣвая муку для хлѣба, въ эту же муку и мочился. Скатерти, а также ножи и вилки у насъ употреблялись только при ревизорѣ; ложки деревянные мы носили за голенищами; обѣденные столы иногда служили кроватями для гостей повара, которые ложились спать въ обуви, на которой было довольно всевозможной грязи. Да, закаляли таки насъ здорово!

8. *Наказанія.* Да будутъ они въ моемъ обширномъ меню десертомъ, а то, пожалуй, и горчицей послѣ обѣда. Пальма первенства принадлежала, конечно, розгѣ. Драли насъ чрезъ одного палача съ двумя обязательными держателями, драли въ двѣ лозы, драли слабо и жестоко, драли сухими, драли и распаренными розгами, драли, наконецъ, съ прибаутками и шутками, со злостію и издѣвательствомъ. Каждый изъ этихъ видовъ порки имѣлъ свои особенности, но детальное описаніе ихъ завело бы меня далеко, поэтому я лучше поговорю о другихъ наказаніяхъ. Самое частое изъ нихъ это ставленіе на колѣни, то на срединѣ класса, то у порога, что считалось самымъ легкимъ наказаніемъ. Но одинъ видъ ставленія на колѣни былъ, пожалуй, помучительнѣе и горячѣе даже порки. Къ верхнему краю наклонной доски парты у насъ придѣлывалась узкая для чернильницъ доска во всю длину парты и окаймлялась двумя карнизами. Вотъ на эти-то карнизы иногда и ставили насъ на колѣни. Самый терпѣливый бурсакъ не выдерживалъ и 10 минутной пытки. Нѣкоторые благочестивые учителя по постамъ часто назначали земные поклоны цѣлыми сотнями. Если такихъ поклонниковъ набиралось больше десятка, то для правильного счета около нихъ садился за парту цензоръ съ толстою книгою и каждый поклонъ обозначалъ переворачиваніемъ листа. Иногда поклонниковъ ради, вѣроятно, умерщвленія ихъ буйной плоти одѣвали въ шубы, подпоясывали и въ такомъ видѣ заставляли усердно молиться Господу Богу. Послѣ 30—40 поклоновъ молящіеся обливались уже потомъ, а вѣдь иногда назначалось 200—300 поклоновъ. Въ большомъ ходу у насъ было одно наказаніе,—это стояніе съ однимъ или двумя лексиконами Кронеберга. Употреблявшійся у насъ лексиконъ былъ очень увѣсистый—фунт. 5—6. Вотъ такой-то грузъ,

а иногда и два, провинившійся держитъ въ приподнятыхъ выше головы и вытянутыхъ рукахъ, пока онѣ выдерживаютъ тяжесть. При этомъ онѣ иногда стоитъ на ногахъ, а чаще на колѣнахъ. О щипкахъ, щелчкахъ, драньѣ за уши и за волосы, о разнообразныхъ колотушкахъ я не буду говорить. Все это практиковалось въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ ежедневно и у насъ не считалось даже за наказаніе. Въ заключеніе упомяну о наказаніи, къ которому въ значительной дозѣ примѣшивался комическій элементъ. Былъ у насъ учитель, на котораго видъ крови производилъ тяжелое впечатлѣніе. Онѣ сѣкъ не жестоко и самъ никогда не наблюдалъ за поркою. Зато сей хитроумный педагогъ изобрѣлъ новое для насъ наказаніе. Намѣтивъ свои жертвы, онѣ доставалъ изъ кармана ножницы, требовалъ бумаги, иглу, нитокъ и приступалъ къ портновскому дѣлу: приготовлялъ разныхъ фасоновъ дурацкіе колпаки на головы и вывѣски на грудь. На вывѣскахъ онѣ крупнѣйшими буквами дѣлалъ надписи въ родѣ: я лѣнтяй, я болванъ, я драчунъ, я дуракъ и т. д. Къ концу класса на виновныхъ надѣвались колпаки и вывѣски и они въ такомъ шутовскомъ нарядѣ подъ предводительствомъ самого изобрѣтателя-педагога отправлялись въ столовую, заходя иногда попутно и въ другіе классы. Въ столовой шуты размѣщались въ разнообразныхъ позахъ подъ вліяніемъ игривой фантазіи учителя. Натѣшившись вдоволь своею выдумкою, онѣ ставилъ виновныхъ тутъ же въ столовой на колѣни и каждому изъ нихъ въ ротъ клалъ по коркѣ хлѣба, строго внушая не жевать его до окончанія обѣда. Издѣвательства его, впрочемъ, варіировались нерѣдко. А вотъ и еще одно наказаніе. Былъ у насъ учитель, который особенно ретиво придирался къ красивымъ, женоподобнымъ ученикамъ. Разными придирадками онѣ спутаетъ даже хорошо знающаго ученика и за ошибку посылаетъ къ лозѣ. Едва только бѣдняга уляжется и оголитъ марфутку, какъ учитель вырываетъ у палача розгу и начинаетъ ею щекотать обнаженные ягодицы и съ особымъ плотояднымъ, полнымъ животной чувственности смакомъ приговаривать: ишь шельма—бѣляночка замигала и т. д. До сѣченія дѣло не доходило, а было лишь одно любованье. Стали распространяться и внѣ училища скандальные слухи о любителѣ марфутокъ, и его послѣ 2—3 мѣсячной практики убрали куда-то въ село. Мѣра, видъ и степень наказаній не были регламентированы, все зависѣло отъ настроенія и каприза учителей; царилъ полнѣйшій ничѣмъ несдерживаемый произволъ.

9. *Итоги.* Что же вынесъ я изъ бursы? До 8 лѣтъ я былъ очень недурнымъ мальчикомъ: до бursы я былъ правдивъ, доврчивъ, добръ, ласковъ, былъ готовъ оказывать всевозможныя

въ моемъ положеніи услуги другимъ, свѣтло и радостно смотрѣлъ я на міръ Божій. И какую страшную метаморфозу произвела во мнѣ бурса! Въ ней я сталъ скрытнымъ, хитрымъ, мальчишкомъ себѣ на умѣ, лживымъ, лицемернымъ, низкопоклоннымъ, съ камнемъ за пазухой, злымъ, мстительнымъ и т. д. Еслибъ только въ послѣдствіи не совершились со мною почти полное перерожденіе, или возрожденіе, то въ пору возмужалости изъ меня могъ выйти человѣкъ, отрицающій все святое и возвышенное въ человѣчествѣ, эгоистъ самаго низкаго разбора, словомъ артистъ, для котораго и каторги мало. И такъ несомнѣнно, что въ нравственномъ отношеніи бурса искалѣчила меня. Въ умственномъ отношеніи она дала мнѣ очень немного, почти что ничего. Если я и развился нѣсколько за четыре года пребыванія въ бурсѣ, то развитіемъ этимъ я обязанъ не ей, а себѣ; я развивался скорѣе ей наперекоръ. Защитники зубристики, которые не перевелись еще и теперь, говорятъ, что она развиваетъ память. Быть можетъ, это и справедливо отчасти; но, во 1-хъ, у меня память была безъ того хороша, а, во 2-хъ, зубристика, какъ она практиковалась у насъ, положительно отупляла и угнетала другія способности духа. Я прекрасно помню, что во время подготовки моей къ университету, предметы, преподававшіеся въ училищѣ, а потомъ нѣкоторые и въ семинаріи, оказались для меня совершенно новыми, какъ будто никогда неизучавшимися, несслыханными мною. Только древніе языки я изучилъ настолько хорошо, что при переходѣ въ семинарію зналъ ихъ не хуже учителей. Изученіе ихъ было хорошей гимнастикой для моего ума. Дѣло въ томъ, что учебники этихъ языковъ были безобразны; учителя никакихъ объясненій не дѣлали, и потому мнѣ волей-неволей пришлось при переводахъ строить разныя комбинаціи и даже придумывать правила, а такая работа, обязывающая доходить до всего своимъ умомъ, развивала мой мозгъ. И здѣсь опять-таки бурса неповинна въ моемъ развитіи; если она и вліяла на него, то только отрицательно.

Ужели ничего ужъ я не вынесъ изъ бурсы? Отвѣчаю: кое-что и вынесъ. Я, вѣроятно, проклиналъ бы бурсу со всѣми ея педагогами и порядками, если бы чрезъ нѣсколько лѣтъ не послѣдовало мое возрожденіе. Оно дало мнѣ возможность трезвѣе, объективнѣе, а потому и безпристрастнѣе отнестись къ бурсѣ. Да, и въ нашемъ темномъ царствѣ было хоть немного свѣтлыхъ лучей, нѣсколько скрашивавшихъ мрачную картину. Какъ на особенно интенсивные лучи я укажу: на развитіе въ бурсакахъ воловьего терпѣнія, настойчивости въ трудѣ и желѣзной энергіи въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Далеко не у всѣхъ вырабатывались

и не всѣ перечисленныя качества; но терпѣніе встрѣчалось у большинства. Немало способныхъ бурсаковъ измелъчало, опошлилось и даже погибло нравственно прежде, чѣмъ они успѣли пріобрѣсти настойчивость и энергію характера, но тѣ, которымъ удалось это, найдутъ и свѣтлый лучъ въ нашемъ бурсацкомъ царствѣ. Я далекъ отъ идеализаціи бурсы, но во всю свою жизнь я говорилъ ей спасибо за то, что въ ней именно я выработалъ указанныя свойства моего характера. Сознательно или безсознательно было это вліяніе бурсы,—это другой вопросъ, котораго я не касаюсь теперь. Оставляя пока въ сторонѣ участіе этихъ свойствъ въ моемъ возрожденіи, я скажу только, что они въ значительной мѣрѣ помогли мнѣ поступить въ университетъ. Я рѣшилъ поступить въ него, уже пробывъ годъ въ богословіи, значить мнѣ предстояло въ одинъ только годъ пройти весь гимназическій курсъ, не упуская притомъ изъ виду и семинарскіе предметы, изученіе которыхъ также немало поглощало времени. А вѣдь мнѣ пришлось проходить буквально всѣ гимназическіе предметы. Стыдно сознаться, а правда обязываетъ сказать, что я за годъ до поступленія въ университетъ плохо зналъ четыре первыя арифметическія дѣйствія. Все, чему учили въ бурсѣ, да частію и въ семинаріи, благодаря безтолковому преподаванію и одуряющей зубристикѣ, было въ конецъ забыто. Однако, настойчивость и энергія преодолѣли всѣ встрѣтившіяся препятствія. Въ общей сложности я работалъ 15—17 час. въ сутки, считая тутъ и время, тратившееся на изученіе разныхъ богословій, и черезъ годъ сдалъ очень недурно въ университетѣ экзаменъ. А экзаменъ былъ тогда чрезвычайъ строгій; по каждому предмету подъ предсѣдательствомъ профессора экзаменовали два учителя гимназіи и пробирали насъ нещадно, что видно изъ того, что изъ 185 абитуриентовъ было принято только 37. У меня, получившаго лучшіе баллы безъ всякихъ переекзаменовокъ, вышла, впрочемъ, небольшая заминка, которую помогла распутать та же бурса. Новымъ языкамъ я обучался самоучкой и зналъ ихъ недурно, но произношеніе мое сильно хромало. Изъ диктанта добряка Фелькеля, я понималъ только *und* и *gut*. Фелькель замѣтилъ, что я не пишу диктанта и, по окончаніи его, тотчасъ спросилъ меня, почему я не писалъ. Я объяснилъ, что нѣмецкій языкъ я хорошо знаю, но только, не слыхавши никогда нѣмецкой рѣчи, не понимаю произношенія. Фелькель предложилъ мнѣ изъ своей хрестоматіи перевести нѣсколько мѣстъ, что я и исполнилъ настолько хорошо, что получилъ высшій баллъ и даже похвалу. У горячаго лектора француза вышло не такъ. Я изъ диктанта не разобралъ буквально ни одного слова и, несмотря на мои логичныя объясненія, полу-

чилъ дубину. Крѣпко призадумался я и почти опрометью выбѣжалъ изъ аудиторіи. Должно быть горе ясно было написано на моемъ лицѣ, ибо встрѣтившій меня субинспекторъ съ участіемъ спросилъ: что съ вами? Выслушавъ мое объясненіе и узнавъ изъ него, что я изъ семинаріи, онъ сообщилъ, что, по правиламъ, я могу экзаменоваться вмѣсто французскаго изъ греческаго языка у проф. Меньщикова, который-де никогда не ставитъ худаго балла, и даже проводилъ меня въ малую словесную аудиторію. Тутъ я нашелъ 5—6 абитуриентовъ, окружавшихъ столъ Меньщикова, и немедленно подошелъ къ нему. Оказалось, что я одинъ только владѣлъ кое-какими знаніями; остальные же явились въ расчетѣ на доброту. Мои знанія оказались настолько солидными, что Меньщиковъ уговорилъ меня поступить вмѣсто медицинскаго на словесный факультетъ. Около мѣсяца былъ филологомъ, а потомъ перешелъ опять на медицинскій факультетъ.

Итакъ я семинаристъ. Помимо всего прочаго я радуюсь этому, потому что розга больше не будетъ гулять по моему тѣлу. Въ случаѣ неудачнаго ученія я, какъ риторъ, могу рассчитывать уже не на дьячковское, а даже на дьяконовское мѣсто. Это новая причина моей радости. Вообще, явившись въ семинарію, я, несмотря на свои 12 лѣтъ, почувствовалъ, что я уже не мальчишка, которому чуть не всякій взрослый, причастный къ бурсѣ, могъ задать порку, а что тоже взрослый, хотя и не совсѣмъ.

С. И. Сычуговъ.

Нѣчто вродѣ автобіографіи.

IV. Въ семинаріи ¹⁾.

Приступая къ описанію семинарской жизни, я спросилъ свою память, но отвѣтъ получилъ очень неудовлетворительный. Память моя, и безъ того сильно ослабѣвшая за послѣдніе годы, очень мало сохранила въ себѣ картинъ, рисующихъ шестилѣтнее мое пребываніе въ семинаріи. Да и сохранившіяся картины представляются въ воспоминаніи въ какомъ-то мутномъ, тускломъ свѣтѣ. Онѣ менѣе ярки и отчетливы, чѣмъ картины изъ моей училищной жизни, хотя и имѣютъ меньшую давность, чѣмъ послѣднія. Поэтому описанія семинарской жизни будутъ имѣть характеръ легкихъ очерковъ или набросковъ безъ всякаго хронологическаго порядка. Въ нихъ еще чаще будутъ встрѣчаться слова: кажется, насколько помню, и под.

1) *Семинарскія науки*. Вотъ перечень нашихъ наукъ, да и то, вѣроятно, не полный. Всеобщая исторія, русская исторія (изучавшаяся нами еще въ бурсѣ по нелѣпѣйшему учебнику всего страницъ въ 40), алгебра, геометрія (тригонометрія не полагалась), основанія землемѣрія, конечно, безъ практики, а по книгѣ, славянскій языкъ, риторика, піитика, основы стихосложенія, основы краснорѣчія, что-то похожее на исторію русской литературы (иностранная не полагалась), пространнѣйшій катехизисъ Петра Могилы, психологія, логика, метафизика, физика, ботаника, зоологія, библейская исторія ветхаго завѣта, библейская же исторія новаго завѣта, исторія вселенской церкви, исторія русской церкви, патристика, гомилетика, герменевтика, апологетики, сельское хозяйство, медицина, литургика, церковная археологія, Богословіе общее, Свящ. писаніе, Богословіе догматическое, Богословіе пастырское, Богословіе нравственное, Богословіе обличительное, ученіе о расколѣ и миссіонерство, языки: латинскій, греческій, еврейскій, французскій, нѣмецкій, татарскій и

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 1—3.

черемисскій. Итого 46 наукъ на 6 лѣтъ. Чуть не забылъ сказать еще о сочиненіяхъ на заданныя наставниками темы. Сочиненія задавались намъ мѣсячныя и недѣльныя. Назывались они то проповѣдями, то разсужденіями, то хріями простыми, или превращенными, то періодами и т. д. Нерѣдко намъ приходилось писать экспромпты. Учитель прображничаетъ ночь, или страдаетъ съ похмѣлья, тогда онъ даетъ намъ тему для экспромпта, а самъ, облокотившись на руки, сладко дремлетъ. Едва пребыетъ звонокъ, какъ мы уже должны подать свои экспромпты, и на этомъ классъ кончается. Учителя уносили наши сочиненія домой, но врядъ ли читали, ибо рѣдко возвращали ихъ. За полноту и абсолютную точность перечня семинарскихъ наукъ не ручаюсь, вполне возможно, что я нѣкоторыя и пропустилъ, но возможно также, что я изъ одной науки сдѣлалъ двѣ. Но, во всякомъ случаѣ, ихъ было болѣе 40, а если исключить языки, какъ предметы необязательные, то наберется все-таки не менѣе 40 наукъ, а съ училищными—и цѣлая полсотня. Науки эти чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ забывались; оставались только у кой-кого изъ семинаристовъ жалкіе обрывки ихъ, ибо преподаваніе ихъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ предметовъ, было изъ рукъ вонъ плохо; свирѣпствовала та же зубрежка, что и въ училищѣ.

2. *Учащіе* были всѣ академики. Кончившіе академію со степенью магистра назывались профессорами, кандидаты же—просто учителями. Нѣкоторые изъ нихъ были даже дѣйствительно учеными людьми, только ученость ихъ была безжизненна, суха и схоластична. Настоящихъ же хорошихъ преподавателей, которые могли бы увлекать насъ и возбуждать нашу любознательность, въ первые четыре года моей семинарской жизни, не было совсѣмъ. Только въ эпоху пробужденія Россіи отъ долгой спячки, когда съ воцареніемъ Александра II почувались новыя вѣянія, и въ наше темное царство пробились свѣтлые лучи въ видѣ нѣсколькихъ (2) юныхъ профессоровъ. Но вѣдь одна ласточка еще не дѣлаетъ весны, такъ и эти единичныя свѣтлыя личности не могли пробить рутину, пропитавшую насквозь весь семинарскій строй жизни и стушевывались въ общей массѣ профессоровъ. Масса же эта учила насъ такъ, какъ и ее учили. Объясненій уроковъ, по крайней мѣрѣ объясненій толковыхъ, не полагалось. Суть преподаванія состояла въ спрашиваніи заданныхъ уроковъ, въ постановкѣ въ учебникахъ скобокъ и, наконецъ, произнесеніи знаменательныхъ словъ: отъ сихъ и до сихъ. Большинство профессоровъ, видимо, тяготилось своей профессіей и исполняло свои обязанности безъ увлеченія, безъ любви къ дѣлу, часто по-казенному, да къ тому же еще и порядочно лѣнилось.

Уроки у насъ были часовые, но наши преподаватели ухитрились сократить ихъ если не на $\frac{1}{2}$, то на $\frac{1}{3}$ назначеннаго времени, чему мы были рады, конечно. Надо прибавить еще, что многіе предметы изъ категоріи такъ называемыхъ свѣтскихъ не имѣли большого значенія въ глазахъ профессоровъ, которые относились къ нимъ спустя рукава. Да, по правдѣ сказать, и знакомство-то профессоръ съ свѣтскими науками было болѣе, чѣмъ поверхностное. Нисколько не будетъ преувеличенія въ моихъ словахъ, если я скажу, что средній ученикъ гимназіи 7-го класса зналъ хоть, напр., математику основательнѣе, чѣмъ семинарскій профессоръ математики. Какъ ни абсурдно это положеніе, но оно вѣрно и легко объяснимо. Въ академіяхъ, назначеніе которыхъ главнымъ образомъ состоитъ въ приготовленіи профессоровъ для семинарій нѣтъ, какъ въ университетахъ, дѣленія на факультеты. Однако, студенты академій почти съ первыхъ же курсовъ облюбовываютъ тотъ или другой отдѣлъ преподаваемыхъ наукъ и имъ по преимуществу и занимаются; изъ этого же отдѣла, посоветовавшись предварительно съ профессоромъ, они выбираютъ и темы для кандидатскихъ и магистерскихъ сочиненій. Остальными науками, не входящими въ облюбованный отдѣлъ, студенты занимаются настолько, чтобъ не провалиться на экзаменахъ. Что же касается до наукъ свѣтскихъ, то онѣ въ духовныхъ академіяхъ никогда не обрѣтались, да и теперь не обрѣтаются въ фаворѣ. Хотя нынѣшніе монахи, составляющіе, такъ сказать, ядро академій и дающіе имъ тонъ, не говорятъ публично, что геометрія есть богомерзкое и еретическое ученіе, но все-таки они не далеко ушли отъ архіерея, такъ откровенно осудившаго неповинную геометрію. И теперь еще заправилы академій мудрость видятъ только въ православныхъ богословіяхъ; свѣтскія же науки терпятъ, какъ необходимое зло. По стопамъ начальства идутъ и студенты. Я отъ нѣсколькихъ профессоровъ, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ слыхалъ, что свѣтскія науки преподаются и прежде преподавались только, такъ сказать, ради декорации. «Не думайте, дескать, объ насъ, что мы совсѣмъ игнорируемъ общее образованіе и кромѣ богословія ничего и знать не хотимъ». При назначеніи учителей въ гимназіи, какъ бы ни самодурствовало начальство, однако оно никогда не позволить себѣ совершенно игнорировать подготовку кандидатовъ, оно не назначить филолога преподавать физику или математика не сдѣлаетъ моментально, по щучьему, такъ сказать, велѣнью, историкомъ. Но невозможное для гимназій считается вполне возможнымъ въ духовныхъ заведеніяхъ. Студентъ академіи во все время пребыванія въ ней, занимавшійся преимущественно отдѣломъ церковно-историче-

скимъ, получаетъ мѣсто профессора философіи потому только, что такое мѣсто было въ той или другой семинаріи вакантно; спеціалистъ-богословъ, по мановенію синода, становится смѣхотворнымъ математикомъ и т. д. Но бывають курьезы и почище: профессора, уроженца чисто русской губерніи, не издавашаго и не слыхавшаго рѣчи вятскихъ инородцевъ, назначаютъ профессоромъ черемисскаго или татарскаго языка и дѣлають его такимъ образомъ посмѣшищемъ для учениковъ, понимающихъ хоть нѣсколько обыденныхъ фразъ изъ этихъ языковъ. Не подумайте, что я ради краснаго словца сгущаю краски. Вотъ на выдержку изъ многихъ немногіе факты. Былъ у насъ профессоръ математики Поповъ. Онъ былъ прекраснымъ человѣкомъ и законоучителемъ гимназій; его руководства по св. исторіи были общеприняты и вышли въ десяткахъ изданій; умеръ онъ въ должности ректора семинаріи и пользовался общею и заслуженною любовью. А вотъ каковъ онъ былъ, какъ профессоръ математики. Былъ у насъ товарищъ среднихъ способностей, но съ математической жилкой; въ умственномъ счисленіи онъ былъ маленькимъ, конечно, Діаманди, которымъ восхищается теперь ученая Москва. Учебники у насъ были почти по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ богословскихъ, самые жалкіе, да еще съ массою опечатокъ. Былъ урокъ изъ алгебры; профессоръ, постоянно заглядывая въ учебникъ, начертилъ на доскѣ формулу, задалъ урокъ и собрался утекать домой. Но тутъ случилось нѣчто, ошеломившее насъ: подошелъ къ доскѣ самородокъ-математикъ и убѣдительно доказалъ, что выведенная формула нелѣпа, что она доказываетъ совсѣмъ другое и что нелѣпость произошла отъ опечатки и т. д. Добрый профессоръ хотѣлъ было выпутаться, но только очевиднѣе для всего класса выказалъ свое полное невѣдѣніе, ибо оппонентъ нещадно припиралъ его къ стѣнѣ. Дѣло кончилось скандально; выбитый изъ всѣхъ позицій профессоръ вздумалъ подавить оппонента авторитетомъ учебника и своего профессорства, но этимъ только уронилъ себя въ глазахъ класса, у котораго долгонько долженъ былъ заискивать расположеніе. А вотъ и другой фактъ. По программѣ для поступленія въ московскій университетъ въ числѣ руководствъ по ариѳметикѣ былъ указанъ учебникъ Буссе. Досталъ я его, сталъ штудировать, но на первыхъ же страницахъ встрѣтилъ затрудненіе для меня непреодолимое. Буссе говоритъ о первыхъ и непервыхъ числахъ, и не объясняетъ ихъ. Порядочно и безрезультатно поломавши голову, я рѣшилъ идти за разъясненіями къ бывшему моему профессору, который все еще продолжалъ риторамъ преподавать математику (онъ былъ лѣтъ 6 математикомъ, пока не перешелъ въ

гимназію). Узнаетъ онъ о цѣли моего прихода, удивляется, что я—богословъ задумалъ повторять ариѣметику и, наконецъ, ничтоже сумняся, изрекаетъ: первыми числами называются числа отъ 1 до 10; а всѣ остальные будутъ непервыя. Чуть не въ припрыжку бѣгу я въ городъ (я ради удобства подготовки изъ бурсы переѣхалъ на вольную квартиру), начинаю согласно новому объясненію рѣшать задачи, но толку не выходитъ никакого. Занялся я чѣмъ-то другимъ, а задачи отложилъ до утра, разсчитывая, что на свѣжую голову преодолѣю какъ-нибудь затрудненіе. Ранехонько съ Буссе и аспидной доской отправляюсь я въ садикъ, находившійся при квартирѣ, и изъ-за первыхъ чиселъ забываю весь міръ. Вдругъ слышу ласковый привѣтъ отъ молодого незнакомца. Изъ разговоровъ выяснилось, что онъ учитель математики въ гимназіи, живетъ во второмъ этажѣ того же дома, въ нижнемъ этажѣ котораго и я снималъ комнату. Его симпатичная, открытая натура покорила меня. Когда разсказалъ я о своемъ горѣ съ первыми числами, онъ такъ хохоталъ, что вмѣстѣ съ кашлемъ у него показалась даже кровь. На послѣдокъ онъ зазвалъ меня къ себѣ и въ полчаса сообщилъ мнѣ столько, сколько въ семинаріи я не узналъ бы и въ полгода у своего математика—Попова. Этою свѣтлою, прекрасною личностію былъ Шимановскій, другъ и товарищъ Добролюбова по Педагогическому Институту. Онъ предложилъ заниматься со мною ежедневно по часу, но я за все время отнял у него на математику не болѣе 3—4 часовъ. Да болѣе и не требовалось, ибо онъ такъ выпукло ставилъ основныя положенія, что, руководясь ими, я быстро прошелъ и съ удовольствіемъ всю математику и въ университетѣ получилъ изъ нея высшіе баллы. Но для хорошихъ разговоровъ мы видѣлись почти каждый день. Достаточно сказать, что мы разговаривали въ концѣ 50-хъ годовъ, чтобъ понять великое значеніе разговоровъ для меня. Да, Шимановскій безконечно много повліялъ на мое умственное возрожденіе; нравственное же мое возрожденіе совершилось нѣсколько раньше и почти безъ его участія. Я, какъ святыню, берегъ два его письма ко мнѣ въ Москву и только въ прошломъ году въ припадкѣ бѣшенства сжегъ ихъ вмѣстѣ съ своимъ дневникомъ. За два года до смерти Добролюбова упокоился мой незабвенный другъ Юлій отъ чахотки.

Однако, пора вернуться въ семинарію. Было въ ней немалое число дѣльныхъ профессоровъ, которые не принесли намъ и сотой доли той пользы, которую могли бы оказать, еслибъ назначеніе ихъ соотвѣтствовало бы хотя сколько-нибудь ихъ специальности, призванію и наклонностямъ и если бъ при назначеніи ихъ на мѣста игралъ роль не одинъ случай. Случайно подобранные

профессора опускались, смотрѣли на преподаваемые ими предметы, какъ на скучную обузу. Нѣкоторые изъ нихъ спивались (самые притомъ талантливые), другіе лѣнились, какъ школьники, а всѣхъ ихъ, вообще, скоро засасывала рутина. Куда же глядѣлъ слѣпѣйшій синодъ, въ средѣ котораго находились такіе знаменитости, какъ московскій Филаретъ и другіе? Рѣшительно не могу объяснить такой нелѣпый абсурдъ, какъ предоставленіе одному только случаю такого серьезнаго дѣла, какъ замѣщеніе молодежью семинарскихъ кафедръ. Разумнѣе ли идетъ теперь это замѣщеніе,—хорошо не знаю, но, кажется, это великое дѣло со времени 40-хъ и 50-хъ годовъ мало двинулось впередъ. Страшный консерватизмъ, доходящій до обскурантизма, обрядовая нетерпимость духовенства, граничащая съ фанатизмомъ (припомните отпугиваніе дѣтей у отцовъ-раскольниковъ) и, наконецъ, схоластика, царящая и посейчасъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, даютъ мало надежды на улучшеніе семинарій въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Быть можетъ, теперешнія семинаріи готовятъ лучшихъ, чѣмъ въ наше время, поповъ, *но не людей*. Мнѣ кажется, что духъ времени, который, несмотря на крѣпкіе запоры, широкою струею врывался въ 50-хъ и началъ 60-хъ годовъ въ семинарію, не могъ не вліять благотворно и на питомцевъ ея, независимо отъ рутины, царившей въ ней.

3. *Библіотека* семинарская помѣщалась въ небольшомъ особомъ домѣ и, кажется, была не очень бѣдна книгами. Завѣдывалъ ею профессоръ—человѣкъ хорошій, но крайне лѣнивый и совершенно халатно относившійся къ дѣлу. Поэтому книги приходилось получать не разъ въ недѣлю, какъ подобало, а черезъ 4—6 недѣль; каталога я, по крайней мѣрѣ, не видалъ; выбора книгъ не полагалось, а нужно было брать тѣ, которыя попадались подъ руку библіотекаря; исключенія дѣлались только для его любимцевъ, къ числу которыхъ я не принадлежалъ. Все это подрывало мое довѣріе къ библіотекѣ, на которую я по переходѣ въ семинарію возлагалъ много радужныхъ надеждъ. Онѣ ослабѣли еще болѣе отъ сухости и безжизненности выпадавшихъ на мою долю книгъ. Какъ на зло, мнѣ выдавались самыя скучнѣйшія слова и поученія разныхъ іерарховъ. Для характеристики литературы этого рода, скажу слова два. Въ видѣ пролога берется изъ Св. Писанія какой-либо текстъ, который доказывается тоже текстами, нахватаанными изъ того же Писанія. А затѣмъ въ заключеніе слѣдуетъ какое-либо увѣщаніе православнымъ христіанамъ. Я, 13—14-лѣтній мальчишка, тогда уже понималъ, что проповѣди такія похожи на то, какъ если бы кто-либо сказалъ:

Петровъ—хорошій человѣкъ. На вопросъ же: почему вы такъ думаете? послѣдовалъ бы отвѣтъ: да потому, что Петровъ самъ считаетъ себя хорошимъ человѣкомъ. Понятно, что такая неотразимая аргументація не удовлетворяла мой пытливый, склонный къ скептицизму умишко, и я пересталъ читать проповѣди. Одинъ разъ только мнѣ удалось получить свѣтскую книгу и за чтеніе ея испытать немало горя. Книга эта, какъ сейчасъ помню, называлась: сто русскихъ литераторовъ и была снабжена картинами и портретами. Кто-то изъ товарищей не постыдился вырѣзать нѣсколько картинъ, а я, ничего не подозревая, въ такомъ видѣ принесъ книгу сдавать въ библіотеку. Библіотекаръ усмотрѣлъ хищеніе и сообщилъ объ немъ инспектору и ректору; заварилось серьезное дѣло, и меня, ни въ чемъ неповиннаго, начали тягать къ допросамъ. Къ счастью пріѣхалъ отецъ, уплатилъ стоимость книги и далъ инспектору взятку (12 руб.). И тогда послѣдовало до-нельзя суровое рѣшеніе семинарскаго правленія; мнѣ запрещено брать изъ библіотеки книги и я, кромѣ того, изъ перваго десятка былъ перемѣщенъ въ 3-й разрядъ, что считалось очень позорнымъ. Положено было меня исключить, да взятка спасла. Все-таки цѣлую треть я пробылъ въ 3-мъ разрядѣ, а вѣдь вся вина моя состояла въ томъ, что я не всегда книгу держалъ подъ замкомъ, а моею оплошностью воспользовался негодяй. И у товарищей рѣдко видѣлъ я хорошія книги изъ нашей библіотеки; если иногда и удавалось получить кому-либо свѣтскую книгу, то это было старье временъ очаковскихъ и покоренья Крыма. Вообще, начальство у насъ косо посматривало на чтеніе свѣтскихъ книгъ. Вотъ для иллюстраціи два характерные факта. Одинъ изъ фактовъ касается лично меня. Когда библіотека стала для меня недоступной, а страстишка къ чтенію болѣе интенсивной, я прибѣгъ къ контрабандѣ, которая съ большими предосторожностями доставляла изъ города кое-какія книги. Читались онѣ крайне осторожно, ибо онѣ были не библіотечныя. Читалъ я во время классовъ и то съ оглядкою, а болѣе ночью, точнѣе говоря, раннимъ утромъ. Ради чтенія я просыпался въ 4 часа и безбоязненно читалъ вѣсною и лѣтомъ въ кровати, а зимою въ уголкѣ за печкою. Если же съ чтеніемъ нужно было ужъ очень спѣшить, то я читалъ и ночью. Часовъ въ 11, когда раздавался общій храпъ, я изъ своего одѣяла устраивалъ на койкѣ нѣчто въ родѣ палатки, зажигалъ сальный огарокъ и отдавался чтенію до утомленія. Болѣе года я такъ читалъ безнаказанно, но, наконецъ, я попался. За вечерними мѣстами я обыкновенно не читалъ, ибо легко было чтеніемъ обратить вниманіе старшаго. Но какъ-то, въ необходимости поскорѣе возвратить книгу, я увлекся чтеніемъ

во время мѣстѣ, и «Отечественныя Записки» были секвестрованы старшимъ и представлены инспектору, который въ тотъ же вечеръ прочиталъ мнѣ длинную нотацію и взялъ съ меня расписку, въ которой я клятвенно обязался въ семинаріи книгъ свѣтскихъ не читать. Секвестрованную книгу мнѣ не возвратили, да это было и не нужно, потому что хозяиномъ книги былъ своякъ инспектора—протопопъ, сынъ котораго и снабжалъ меня книгами. Вѣроятно, поэтому только я и отдѣлался такъ дешево. Впрочемъ, исторія эта случилась, помнится, въ 57 г., когда проникли новыя вѣянія и въ нашу глушь. Расписка устроила меня не надолго, я только еще осторожниѣе сталъ читать, да книги пришлось брать въ другомъ мѣстѣ. А вотъ другой фактъ. Предъ лѣтними каникулами въ семинаріи устраивалась уморительная комедія, именуемая публичнымъ экзаменомъ. Это не актъ, а дѣйствительно экзаменъ, производящійся предметовъ изъ 10—12 въ какіе-нибудь два часа. По каждому предмету назначаются два лучшіе ученика, а изъ предмета выбираются также 2, много 3 вопроса. И ученики и вопросы вносятся въ особый листъ, въ которомъ противъ фамиліи учениковъ поставленъ и вопросъ, который ему нужно предложить. Конечно, при такомъ фокусѣ и идиотъ можетъ оказаться прекраснымъ ученикомъ. Комедію эту разыгрывали публично подъ дирижерствомъ самого архіерея; зрителями были, начиная съ губернатора, всѣ важныя чины въ мундирахъ и рясахъ. И декораціи были недурны; актовая зала убиралась зеленью и цвѣтами, которые воровались семинаристами на крестьянскихъ лугахъ, что нерѣдко бывало причиною серьезныхъ дракъ съ крестьянами. Съ прибытіемъ архіерея представленіе начиналось молитвеннымъ гимномъ; затѣмъ архіерей бралъ означенный выше листъ и вписанные въ него семинаристы, тщательно подготовленные къ прекраснымъ отвѣтамъ, начинали морочить публику, которая хотя и восторгалась громадною эрудиціей учениковъ, видѣла все-таки отлично, что здѣсь ловко умѣютъ товаръ лицомъ показывать. Пока экзаменовались богословы и философы,—дѣло шло прекрасно; даже я—тогдашній философъ—получилъ отъ архіерея похвалу за аргументацію Гегелевскаго положенія: «все существующее разумно», хотя мои собственные взгляды были и иные. Но когда дѣло дошло до экзамена изъ піитики и риторики, то произошелъ безобразнѣйшій инцидентъ. Примѣрно за годъ до этого поступилъ въ семинарію молодой и очень либеральный профессоръ, другъ Добролюбова,—Красовскій. Онъ назначилъ для экзамена, между прочимъ, разборъ «пророка» Пушкина, того Пушкина, который обѣдно называлъ комедіей, а ектенію галиматьей. Какъ случилось, что «пророкъ» попалъ въ листъ,

я не знаю, но онъ произвелъ цѣлую бурю. Едва только ученикъ началъ декламировать пророка, какъ архіерей, точно ужаленный, вскочилъ съ своего предсѣдательскаго кресла и закричалъ на бѣднаго Красовскаго: «какъ вы смѣете въ духовномъ заведеніи со-общать сочиненіе Пушкина? Вы развращаете будущихъ пастырей церкви. Знаете ли, кто такой былъ Пушкинъ? Онъ—безбожникъ и поганецъ». Затѣмъ досталось на орѣхи ректору, да заурядъ и всѣмъ профессорамъ. Губернаторъ Муравьевъ, сынъ Виленскаго, закрылъ лицо руками на все время, пока архіерей изрыгалъ свою грозную и грязную тираду. Сей приснопамятный цѣнитель Пушкина былъ архіерей Елпидифоръ, къ имени котораго духовенство придумало рифму: вятскій воръ, а сверженіе Пушкина съ Олимпа и возложеніе на главу его терноваго вѣнца просвѣщеннымъ архіереемъ совершилось въ эпоху новыхъ вѣяній, кажется, въ 57 или 58 г. Комментаріи излишни. Да, жестокіе у насъ были нравы.

4. *Учащіеся* составляли довольно разношерстную массу въ 500 слишкомъ человѣкъ, съѣхавшихся со всей громадной губерніи и обязанныхъ жить тамъ и съ тѣмъ, съ кѣмъ прикажетъ начальство. Кромѣ вятскаго, контингентъ для семинаріи доставляли еще пять духовныхъ училищъ; каждое изъ нихъ имѣло свои специфическія особенности, которыя скоро сглаживались и въ концѣ концовъ принимали ту окраску, которую имѣло вятское училище. Оно, какъ самое многолюдное и дававшее наибольшее число семинаристовъ, давало тонъ товарищамъ, поступавшимъ въ семинарію изъ другихъ училищъ. А такъ какъ ученики вятскаго училища слегка были уже мною обрисованы, то здѣсь придется прибавить лишь нѣсколько штриховъ. Въ южныхъ уѣздахъ духовенство жило относительно очень богато, а потому и сынки его были людьми денежными. Я былъ сыномъ хотя небогатаго, но все-таки состоятельнаго попа, и при отъѣздѣ съ каникулъ, за исключеніемъ послѣдняго учебнаго года, когда я жилъ на квартирѣ на своихъ харчахъ, никогда не получалъ на мелкіе расходы болѣе 15—20 коп. И это еще хорошо. У меня долго хранилось письмо отца-дьячка къ сыну—моему хорошему товарищу, который ради праздниковъ Рождества и Пасхи (на которые онъ оставался въ бурсѣ) получилъ 2 гривны, т.-е. 6 коп., на иголки, нитки, разныя лакомства и при этомъ дружескій совѣтъ не заводитъ большихъ пировъ. Южные же, богатенькіе семинаристы привозили изъ дому по 20—30 руб., а не копеекъ, да въ учебное время частенько получали то 10, то 15 руб. съ почтою. Одѣвались они франтовато; у нѣкоторыхъ было даже по 2—3 пары тонкаго сукна, сапоги носили они не только съ калошами, но опойковые, которые чистились ваксой

и блестяли, что для средняго семинариста считалось недоступною роскошью. Я, напр., и въ университетѣ еще ходилъ первые годы въ смазныхъ сапогахъ. Но что особенно составляло предметъ зависти громаднаго числа бурсаковъ, это—чаепитіе вечернее богатѣевъ, большинство которыхъ имѣло свои самовары (казенныхъ не полагалось) и даже чайные погребцы. Къ чаепитію въ столовую нарочно ради богатѣевъ, а ихъ было около полусотни, приходилъ булочникъ съ соблазнительными для голодныхъ бурсаковъ плюшками, пышками и пр. соблазнами. Эти-то богатѣи на первыхъ порахъ задрали свои носы и на насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, посматривали сверху внизъ и водили дружбу лишь между собою. Но и изъ насъ сплотилась партія, которая не позволяла имъ наступать себѣ на ноги, и такъ какъ въ средѣ своей она заключала немало способныхъ людей, то богатѣи скоро предъ нею смирились, и партійныя недоразумѣнія скоро же и прекратились. Къ несчастію была еще третья партія, которая своею безтактностью роняла въ глазахъ нашихъ не только себя, но и богатѣевъ, это—партія, такъ называемыхъ, прихлебателей. Особенно коробило меня богатѣйское чаепитіе. Вотъ поверхностное изображеніе его: картина представляетъ громадную въ два свѣта столовую, въ которой между 4 и 5 час. въ трехъ разныхъ углахъ засѣдаютъ чаепійцы: богословы, философы и риторы отдѣльно другъ отъ друга; около нихъ толпятся прихлебатели, чающіе подачки, и завистливо и вмѣстѣ жадно поглядывающіе на богатѣевъ. Эти послѣдніе, нагрузившись уже чаемъ, приглашаютъ кое-кого изъ прихлебателей попить уже спитого чаю и даютъ имъ изъ своихъ рукъ по огрызку сахару, а иногда и кусокъ плюшки. Своимъ чаемъ богатѣи нерѣдко угощаютъ и нѣкоторыхъ изъ лучшихъ учениковъ-бѣдняковъ за какія-либо классныя услуги и вотъ тогда-то прихлебателямъ приводится играть особенно позорную роль: они становятся чѣмъ-то въ родѣ лакеевъ, прислуживающихъ не только хозяевамъ, но и ихъ гостямъ. Съ глупѣйшимъ чванствомъ богачи отдаютъ частыя и ненужныя приказанія прихлебателямъ, которые готовы изъ кожи лѣзть, чтобъ доставить удовольствіе своимъ патронамъ. Словомъ, выходила до того омерзительная картина, что я въ чайное время пересталъ ходить въ столовую, несмотря на приглашенія, иногда получаемыя отъ того или другого богатѣи присутствовать у него въ качествѣ гостя. На меня обѣ стороны производили крайне несимпатичное впечатлѣніе. Никакихъ, конечно, соціальныхъ теорій я, при своемъ ребячьемъ умѣ, не могъ строить, но какое-то чутье подсказывало мнѣ, что въ такихъ отношеніяхъ богатыхъ къ бѣднымъ кроется много фальши и лжи, что въ товарищество врывается, хотя и въ заро-

дышѣ, начало кабалы или по крайней мѣрѣ извращеніе товарищескихъ отношеній.

Учащіеся не составляли одной сплоченной семьи, у которой, на первый взглядъ, должно бы быть много общаго въ стремленіяхъ и цѣляхъ, не говоря уже о происхожденіи. Напротивъ; почему-то существовалъ непонятный для меня антагонизмъ особенно между богословами и философами. По какой-то давней и странной традиціи философы непремѣнно должны держать себя гордо, какъ подобаетъ настоящимъ философамъ, хотя они никогда и не нюхали еще настоящей философіи, которая къ тому же гордость не у мѣста никогда не считала въ числѣ своихъ принциповъ. На сторонѣ богослововъ была сила, орудіями которой служили старшіе, назначаемые по два на каждую комнату изъ тѣхъ же богослововъ. Эти-то старшіе и гнули строптивыхъ философовъ въ бараній рогъ, придираясь къ каждой мелочи. Риторы, или словесники, были въ пренебреженіи у обоихъ старшихъ классовъ; они играли роль паріевъ; даже и кличка была дана имъ обидная: богословы и философы называли ихъ не роторами, а лопарями. Само начальство давало поводъ смотрѣть на роторовъ свысока. Отношеніе его къ дѣлу питанія или кормленія семинаристовъ было просто возмутительно. Плата за содержаніе, какъ я уже говорилъ, приблизительно была пропорціональна доходамъ нашихъ отцовъ: попы за своихъ дѣтей платили больше, чѣмъ дьяконы и дьячки. И это, конечно, было вполне справедливо. Та же справедливость, казалось, должна бы быть одинакова, какъ для богослова, такъ и роторовъ; если они, какъ поповскія дѣти, платили одинаково по девяти р. въ треть, то и пища для нихъ должна бы быть одинаковая. А эта-то элементарная справедливость постоянно и самымъ возмутительнымъ образомъ нарушалась съ вѣдома самого начальства. Съ цѣлью хотя нѣсколько обуздать грабежъ эконома (изъ профессоровъ) и комиссара (изъ поповъ) еще до моего поступленія въ семинарію учреждены по столовой и кухнѣ дежурные по два на каждый день. Интересно, что одинъ дежурный былъ богословъ, а другой философъ; несчастные же риторы на дежурства не допускались. Кормили въ семинаріи скверно, а роторовъ даже хуже, чѣмъ учениковъ училища, гдѣ пища для всѣхъ, по крайней мѣрѣ, была одинаково мерзка. Въ семинаріи же богословы ѣли лучше философовъ, а философы лучше роторовъ. Заботясь о брюхѣ товарищей, дежурный богословъ удѣлялъ имъ лучшіе куски мяса; куски похуже доставались философамъ, а жилы и болонь (брюшная часть)—лопарямъ. Самый жирный слой щей назначали дежурнымъ и старшему по столовой, которые обѣдали особо; затѣмъ наваръ получше назначали богословамъ, попо-

снѣе—философамъ, а на долю риторовъ оставалась нѣчто въ родѣ помоевъ. На дежурномъ философѣ лежала обязанность на каждый кругъ отпускать въ кашу масло. (Бли мы изъ общей чашки; шесть человекъ составляли кругъ). За правильностью отпуска слѣдилъ дежурный богословъ. Существовали три мѣрки: самая большая для богослововъ, а самая маленькая (втрое меньше богословской) для риторовъ. О такой неравномѣрности мѣрокъ начальство не могло не знать, ибо оно само же ихъ и покупало, да и пища нерѣдко раздавалась въ присутствіи эконома. Къ этой узаконенной, такъ сказать, несправедливости дежурные примѣшивали еще мошенничество. Нѣкоторые философы—масломѣры были такими виртуозами, что ухитрялись риторамъ отпускать кашу совсѣмъ безъ масла: они мѣркой дѣлали въ ней только углубленіе, точно накладывали штемпель. Но не всѣ такъ поступали; а все-таки самые добрые и справедливые вмѣсто цѣлой мѣрки отпускали $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ ея. И риторы помнили добро ихъ, печатниковъ же просто ненавидѣли, а изрѣдка при случаѣ и мстили имъ. Вся эта мошенническая штука продѣлывалась съ единственной цѣлью послаще нажраться. И, дѣйствительно, любители поѣсть, жрали тогда съ какимъ-то остервенѣніемъ до отупѣнія. Въ жратвѣ участвовали, кромѣ дежурныхъ, старшій по столовой и читальщикъ-богословъ, т.-е. субъектъ, который во время обѣда и ужина на срединѣ столовой съ чувствомъ, съ толкомъ и напускнымъ благоговѣніемъ читалъ житіе какого-либо святого. Къ трапезѣ часто присоединялся еще сеніоръ, сирѣчь, главный старшій—обыкновенно первый ученикъ изъ богослововъ. Да если бы и еще присосѣдились къ столу 2—3 чел., то ѣды хватило бы на всѣхъ. Вмѣсто двухъ обыкновенныхъ блюдъ: щей и каши, тутъ обязательно появлялось еще холодное мясо съ хорошимъ, нарочно для дежурныхъ приготовляемымъ, квасомъ. Жирнаго мяса во щахъ было столько, что его не съѣдали; каша же плавала въ маслѣ. И всѣ эти блага получались на счетъ голодающихъ риторовъ, и никому изъ насъ въ голову не приходило, что подобное дѣяніе гнусно! Возмущавшіеся риторы, перейдя въ высшіе классы, съ легкимъ сердцемъ продѣлывали то же, что и ихъ предшественники. Такова, видно, ужъ сила традиціи, санкціонированная вдобавокъ авторитетомъ начальства, которое тоже, вѣроятно, слѣдовало традиціи. Критически относиться къ ней оно не привыкло, да это было бы и невыгодно для него, вѣдь тогда было бы очень ужъ неловко набивать свои карманы на нашъ счетъ. Справедливость нашего начальства рельефно обрисовывается въ устройствѣ завтраковъ, до которыхъ оно, конечно, не само додумалось, а получило свыше приказаніе давать

ихъ. Если не измѣняетъ память, то завтраки были введены по инициативѣ того добраго ревизора-монаха, который во время оно былъ моимъ благодѣтельнымъ геніемъ при переходѣ моемъ изъ грамматики въ синтаксисъ или 4-й классъ. Оригинальную штуку наше начальство выкинуло съ этими quasi-завтраками. Они состояли изъ одного только чернаго хлѣба, да и то не для всѣхъ семинаристовъ. Богословамъ выдавали мягкій хлѣбъ и въ волю; философамъ—болѣе черствый и по ломтю на брата; риторамъ же—шишь, съ надеждою по переходѣ въ философію жевать по утрамъ черствый хлѣбъ. Казалось бы, что риторы болѣе другихъ нуждаются въ ѣдѣ, такъ какъ это были юнцы въ возрастѣ 12—16 лѣтъ съ незакончившимся еще ростомъ и съ потребностью въ большемъ относительно количествѣ питательнаго матеріала. Но у нашего начальства была своя логика. Подъ вліяніемъ, если не настоящаго голода, то недоѣданія у риторовъ выработалась тоже своя довольно оригинальная логика. Было немало между ними такихъ, которые нажили дурную привычку потреблять невѣроятно громадныя количества пищи, а потому при скудной и невкусной семинарской кормежкѣ они испытывали, кажется, постоянно чувство голода. Самое положеніе риторовъ, какъ я выше говорилъ, было крайне унижительное, а голодъ побуждалъ ихъ еще болѣе унижаться и даже выкидывать совсѣмъ ужъ некрасивыя колѣнца. Тотчасъ по поступленіи въ семинарію я узналъ, что лопарямъ завтраки не полагаются, но лично я на это мало обращалъ вниманія. При моей, нажитой съ малыхъ лѣтъ, привычкѣ ѣсть мало и довольствоваться тѣмъ, что даютъ, нашъ скудный столъ былъ даже хорошъ для меня, по количеству конечно, но меня отсутствіе завтраковъ возмущало, какъ нарушеніе самой элементарной справедливости. Интриговало меня также то, зачѣмъ во время завтрака богослововъ и философовъ каждодневно челоуѣкъ 25—30 риторовъ-товарищей направляютъ стопы свои въ столовую. Какъ-то разъ вслѣдъ за товарищами, въ качествѣ зрителя, отправился въ столовую и я. Картина, которую я увидѣлъ тутъ, можетъ быть нарисована не мною—реалистомъ, а вдохновеннымъ художникомъ слова или кисти. Безъ всякихъ притязаній на художественное изображеніе, я начерчу ее лишь грубыми, аляповатыми штрихами. Въ громадной столовой два противоположные угла заняты ядущими и зло посматривающими другъ на друга богословами и философами. Близъ входной двери, но неподалеку отъ уголка богослововъ, стоитъ кучка риторовъ, съ завистью посматривающая на ядущихъ. Едва только богословы окончили свою скудную трапезу, какъ риторы

съ остервенѣніемъ, набросились на оставшіеся послѣ нихъ куски хлѣба, а съ другой стороны эти же куски, по повелѣнію эконома и комиссара, желали заполучить для свиней своихъ патроновъ ихъ служители. Произошла схватка, не обошедшаяся, конечно, безъ крѣпкихъ словечекъ съ той и другой стороны, кончившаяся въ пользу риторовъ, такъ какъ на ихъ сторонѣ было громадное численное превосходство. Подобныя ежедневныя стычки бывали и очень часто настолько серіозныя, что доходили до свѣдѣнія эконома, а изрѣдка и болѣе крупнаго начальства. Утренній голодъ, какъ сказано, риторы утоляли крупичами со столовъ богослововъ, но вѣдь былъ еще и вечерній голодъ, который побуждалъ любителей обжорства на самыя отчаянныя выходки, кончавшіяся нерѣдко жестокими побоищами, слѣдствіемъ которыхъ бывали тяжелыя раны и переломы костей. И объ остроумныхъ выходкахъ, и о побоищахъ составлялись легендарныя разсказы, въ которыхъ къ трагическому примѣшано было немало и комическаго, но насколько вѣрны эти сказанія, не знаю, ибо ни въ одномъ изъ походовъ лично я не участвовалъ. Объектами для грабежа главнымъ образомъ служили погреба, подвалы и другіе склады семинарской провизіи, но семинаристы дѣлали набѣги и на окрестныя деревни. Не щадили они ни огородовъ, ни дворовъ крестьянскихъ; трофеями ихъ набѣговъ, помимо овощей, бывали куры, поросята и разъ даже небольшая свинья. Все это сдавалось больничному служителю, который и готовилъ разныя кушанья для хищниковъ. Украсть что-либо у товарища считалось дѣломъ позорнымъ; если вора иногда и не предавали въ руки начальства, то ему плохо приходилось все-таки отъ товарищей: отъ него отварачивались, надъ нимъ издѣвались на разныя лады, а нерѣдко производили кулачную расправу. Воровство же и даже грабежъ въ деревняхъ или семинарскихъ складахъ считались не преступленіемъ, а лишь удалствомъ, своего рода молодечествомъ. Такимъ грабителямъ бурса воздавала даже хвалу, да и сами они не только не стыдились своихъ подвиговъ, но еще гордились ими.

Пьянство между семинаристами развито было сильно, особенно въ старшихъ классахъ. Богатыхъ учениковъ было немного, а подъ хмелькомъ они становились добренькими и волочкой тогда охотно дѣлились и съ бѣдняками, не унижая даже послѣднихъ. Сильно, а нѣкоторые и до потери сознанія, напивались въ годовые праздники. У богослововъ праздновался день Юанна Богослова, а у философовъ—Іустина Философа. И бывало тогда утѣшеніе веліе, какъ выражается о монастырскихъ

попойкахъ церковный уставъ. Начальство, строгое въ обычное время, въ праздники на пьянство смотрѣло сквозь пальцы. Но особенно грандіозныхъ размѣровъ пьянство достигало въ дни отпуска на святки и на лѣтнія каникулы: начиналось оно слегка еще въ городѣ, достигало же своего апогея на пер-выхъ отъ него станціяхъ. Дикое и даже ошеломляющее впечатлѣніе на проѣзжающихъ производилъ поѣздъ въ 30—40 повозокъ, съ доброю сотней пьяныхъ пассажировъ, мчавшійся во весь опоръ съ гиканьемъ, пѣснями и площадною бранью. Хорошее, должно быть, впечатлѣніе производили на народъ эти оргіи будущихъ его пастырей. Недаромъ же онъ и теперь злорадно величаетъ семинаристовъ жеребьячьей породой, ку-тьехлебами и т. п. нелестными эпитетами. Курьезный способъ существовалъ тогда найма ямщиковъ. Къ концу учебного сезона даже у крупныхъ богатѣевъ въ карманѣ царила пустота; смышлен-ные ямщики знали объ этомъ и недѣли за четыре до отпуска являлись въ семинарію съ довольно крупными капиталами, которыми и ссужали своихъ будущихъ пассажировъ, за что, конечно, возвышали плату за проѣздъ. Были артисты, которые, нанимая ямщика за 5 р., ухитрялись получать отъ него въ за-датокъ 30—40 р. И ихъ отцы безропотно платили эту контри-буцію, освященную обычаемъ и временемъ; они отлично знали, что ихъ сынки во время дороги за 4—5 дней прокучивали по 10 и болѣе рублей, потому что и сами во время ученія дѣлали то же самое. Это было бы, пожалуй, еще небольшимъ баловствомъ. Гораздо хуже они поступали, приучая своихъ дѣтокъ къ ранней и систематической выпивкѣ. Существовалъ нелѣпый обычай, въ силу котораго многіе отцы время перехода своихъ сынковъ въ философію, хотя бы имъ было не болѣе 14—15 лѣтъ, считали подходящимъ для начатія выпивокъ и не только хладнокровно смотрѣли, какъ чада ихъ въ гостяхъ наливаются до зеленого змѣя, но и сами дома ихъ угощали виномъ, какъ полноправныхъ гражданъ. Я былъ страшно пораженъ, когда въ первые же годы вольной своей практики встрѣтилъ нѣсколько поповъ, моложе 30 л., заправскихъ алкоголиковъ, для которыхъ водка стала не меньшею потребностью, чѣмъ воздухъ. И всѣ такіе попики, какъ оказалось изъ разспросовъ, начали попивать, когда были еще мальчишками! Да и какъ не пить имъ? Примѣръ старшихъ, ихъ неимовѣрная снисходительность къ выпивкамъ юнцовъ, масса соблазновъ во время поповства и, наконецъ, едва не полная безнаказанность за пьянство—все это способствуетъ его рас-пространенію. Если еще прибавить къ этому непривычку къ серьезному, содержательному чтенію, а при стремленіи къ нему

необходимость довольствоваться метафизическими измышленіями и въ концѣ концовъ пустоту и скуку сельской жизни, то и будетъ налицо цѣлый комплексъ условій, побуждающихъ прибѣгнуть къ утѣшительницѣ—водочкѣ. Не помню уже, кто изъ нашихъ авторитетныхъ антропологовъ высказалъ основательное, на мой взглядъ, положеніе, что духовное сословіе выдѣляетъ изъ себя въ общество и государство относительно очень много здоровыхъ умственно и нравственно и полезныхъ элементовъ. Доказательствъ его я не помню хорошо. Если положеніе это вѣрно относительно прошедшаго и настоящаго, пожалуй, времени, то оно едва ли будетъ справедливо для будущаго времени. Вліяніе алкоголизма на молодое поколѣніе начинаетъ уже обнаруживаться. Въ 90-хъ годахъ случаи вырожденія попадались нерѣдко; въ 70-хъ годахъ я ихъ вовсе не наблюдалъ. Есть надъ чѣмъ призадуматься.

О развратѣ семинаристовъ много говорить нечего. Описывая бурсу, я немало краснѣлъ, говоря объ этомъ предметѣ и повторяться очень тяжело. Коротко скажу, что въ семинаріи къ противоестественному разврату иногда примѣшивался развратъ, такъ сказать, естественный (хожденіе въ публичные дома), да и противоестественно семинаристы грѣшили осторожнѣе и съ меньшимъ цинизмомъ, чѣмъ бурсаки. Вслѣдствіе большей своей развитости, первые старались прикрыть свои грѣхи отъ товарищей. Мальчишки же бурсаки часто не вѣдали, что творили. Понятно, что пьянству и разврату предавались не всѣ и даже не большинство семинаристовъ, но я погрѣшилъ бы противъ правды, если бы сказалъ, что порокамъ этимъ подвержены были только единичныя личности. Определить число ихъ въ процентахъ, конечно, невозможно, хотя процентъ былъ и не малъ. При приѣмномъ экзаменѣ въ семинарію происходила своего рода фильтрація: совсѣмъ безталанные ученики и тупицы возвращались вспять и, главнымъ образомъ, пополняли ряды дьячковъ, если только ранѣе не исключались изъ училища. Попадали въ семинарію за взятки и отявленные тупицы, но ихъ было немного. Контингентъ семинаристовъ въ подавляющемъ большинствѣ состоялъ изъ юнцовъ среднихъ способностей. Лица съ блестящими способностями, такъ сказать, аристократія ума и талантовъ, были представлены ничтожнымъ меньшинствомъ (1—2 чел. на цѣлый классъ, т.-е. приблизительно 10—12 ч. на 500 слишкомъ учениковъ). Къ тому же добрая половина аристократовъ была бесполезна для духовнаго сословія вообще и для духовныхъ академій, выращивающихъ профессоровъ и архіереевъ, въ частности. Нѣкоторые аристократы за всѣ шесть лѣтъ оставались незамѣченными начальствомъ;

они плохо мирились съ зубрежкой, схоластическими приёмами преподаванія, и не только неважно учились, но еще критически относились и къ наукамъ, и къ порядкамъ семинарскимъ. Другіе, относясь къ дѣлу тоже безучастно, поражали и даже раздражали профессоровъ неровностью своего ученія: то они отвѣчаютъ урокъ прекрасно, то стоятъ, какъ пни. Неровность эту они особенно рѣзко проявляли въ своихъ сочиненіяхъ, которыхъ задавалось намъ ужъ очень много. То они напишутъ на 10, если тема приходилась по душѣ, то на 3. Профессора злились, подозрѣвали списываніе изъ книгъ, плагіатъ, но доказать его не могли; вызвать же ученика на откровенное объясненіе имъ не удавалось, ибо не обладали достаточнымъ авторитетомъ, чтобы внушить искреннее къ себѣ отношеніе. И тѣ, и другіе аристократы учились собственно для экзамена и переходили изъ класса въ классъ недурно. Была еще очень маленькая числомъ кучка аристократовъ, которые трудились неустанно и чрезвычайно добросовѣстно; они дѣйствительно знали семинарскія науки, исключая только свѣтскихъ. Для нихъ широко раскрывались двери академій, а если они еще поддавались соблазну поступить въ монахи, то легко и скоро дѣлались архіереями. Увлекались ли они метафизическими науками, любили ли ихъ, или занимались ими ради честолюбивыхъ цѣлей,—рѣшить не берусь.

Итакъ, въ семинаріи первенствовала, по крайней мѣрѣ численно, золотая середина. Она не ставила себѣ вопросовъ ни объ образовательномъ значеніи, ни о продуктивности изучаемыхъ ею предметовъ, а только, ничтоже сумняся, болѣе или менѣе ретиво зубрила. Кто изъ нея былъ поприлежнѣе, тотъ забивался въ первый разрядъ и выходилъ со степенью студента семинаріи, что давало нѣкоторое право на полученіе лучшаго поповскаго мѣста. Впрочемъ, взятки пересиливали право и часто бывало, что давшій въ консисторіи взятку второразрядникъ получалъ приходъ болѣе богатый, чѣмъ студентъ. Второй разрядъ наполнялся болѣе лѣнивыми, хотя иногда и гораздо болѣе способными семинаристами. Громадную роль играло, пожалуй даже большую, чѣмъ ученіе,—поведеніе, о качествѣ котораго произносилъ безапелляціонные приговоры всесильный тогда инспекторъ. Совершенно ничтожные проступки, въ родѣ, напр., недостаточно низкаго и, на взглядъ инспектора, почтительнаго поклона, не совсѣмъ смиреннаго отвѣта, а особенно возраженія, были достаточны, чтобы ученикъ изъ перваго разряда перекочевалъ во второй, а то и въ третій разрядъ, что было уже совсѣмъ плохо. Лишь дѣтямъ богатыхъ отцовъ, которые могли приносить крупные дары инспектору, сходили легко съ рукъ и важные проступки, даже пьян-

ство, за которое бѣдныхъ большею частью исключали. Ученіе для золотой середины, строго говоря, состояло въ безшабашномъ зубреніи; на пониманіе и усвоеніе выученнаго не обращалось рѣшительно никакого вниманія. Отвѣтъ своими словами, особенно изъ богословскихъ предметовъ, считался чуть не ересью; въ немъ многоученые наши профессора видѣли недостатокъ уваженія и должнаго благоговѣнія къ слову Божію и твореніямъ св. отцовъ и учителей церкви. Даже за пропускъ «и» сбавлялся балъ. Само собою разумѣется, что такое ученіе плохо развивало умы молодежи, а вмѣсто знаній болѣе или менѣе солидныхъ давало только жалкіе ихъ обрывки, которые оставляли въ головѣ какой-то хаотическій винегретъ. Нужно еще прибавить, что живыя науки были въ полномъ пренебреженіи, а отъ излюбленныхъ наукъ отдавало безжизненностью и мертвечиной. Неудивительно, что громадное большинство семинаристовъ къ этимъ излюбленнымъ наукамъ относилось безъ всякаго интереса, по крайней мѣрѣ духовнаго и быстро забывало ихъ вскорѣ по поступленіи въ попы. Да врядъ ли очень интересовались ими и сами наши профессора. Была возможность развиваться и заполнять недочеты семинарскаго образованія чтеніемъ книгъ, но тутъ желающихъ читать встрѣчали преграды. Изъ семинарскаго библіотеки рѣдко удавалось получить порядочную книгу, отъ горожанъ же доставать книги было трудно,— для этого нужны были хорошія знакомства; къ тому же книги не библіотечныя преслѣдовались строго начальствомъ и даже секвестровались. Но эти препятствія, при настойчивости, которую приобрѣли нѣкоторые изъ насъ еще въ бурсѣ, было бы не особенно трудно устранить. Было другое, труднѣе одолимое препятствіе, бороться съ которымъ у громаднаго большинства не было возможности. Препятствіе это заключалось въ обилии предметовъ, которые мы обязаны были изучать. Нужны были очень недюжинныя способности и порядочное трудолюбіе, чтобы поверхностно и на короткое хотя время запомнить,—о прочномъ усвоеніи я уже не говорю,—такую массу наукъ, да еще неинтересныхъ и нелѣпо преподаваемыхъ. Поэтому золотая середина, не желавшая провалиться на экзаментѣ, или хотя потерять въ спискѣ занятое мѣсто, изъ кожи лѣзла, чтобъ вы зубрить и бойко отвѣтить заданные уроки, которые дѣйствительно были непосильно велики. До чтенія ли тутъ, когда не оставалось свободнаго часа, чтобъ на дворѣ или въ саду подышать свѣжимъ воздухомъ, а если кто отправлялся на прогулку, то не иначе, какъ съ тетрадью, или книгой. Только совсѣмъ облѣгчившіеся юнцы, не очень заботившіеся о бойкости своихъ отвѣтовъ и вообще учившіеся кое-какъ, имѣли часъ другой для полного отдыха и для развлеченій. Но этимъ

лѣнтямъ чтеніе—занятіе, притомъ необязательное, конечно, и на умъ не шло. Понятно, что умственный багажъ, съ которымъ семинаристы вступали въ жизнь, былъ крайне легковѣсный. Становясь учителями народа, они не желали, да и не умѣли учить его; о необходимости самообразованія они, за ничтожными исключениями, и не думали; школа не приучила ихъ къ любознательности. Мудрено ли, что у насъ такъ много радѣющихъ только о о своихъ утробахъ поповъ и такъ мало симпатичныхъ, преданныхъ своему высокому служенію, добрыхъ пастырей!

Въ глубинѣ своей души и въ интимныхъ разговорахъ семинаристы, несомнѣнно, сознаютъ, да и не могутъ не сознавать, что ихъ умственный цензъ очень невысокъ, а нравственные устои куда какъ непрочны. А, между тѣмъ, какое огромное гнѣздится въ нихъ самомнѣніе. Если не принимать въ расчетъ двуличность, роскошно культивируемую въ школѣ, то трудно становится, особенно людямъ незнакомымъ съ семинарскимъ воспитательнымъ направленіемъ, понять, какъ мирно уживаются невѣжество съ высокоуміемъ. Все направленіе нашего воспитанія и обученія клонилось къ тому, чтобы развить въ насъ до *plus ultra* гордое самомнѣніе, тогда какъ по настоящему слѣдовало бы показать всю глубину нашего невѣжества и нашей нравственной испорченности, обнажить наши вонючія язвы и указать средства для ихъ врачеванія. Намъ серьезно внушалось, что всѣ трибуны и ораторы всего міра не стоили и мизинца Іоанна Златоуста, что въ сравненіи съ Григоріемъ Богословомъ всѣмъ католическимъ и протестанскимъ теологамъ—грошъ цѣна; что не только св. Іустинъ-философъ, но и Карповъ (проф. философіи въ пет. дух. академіи) были неизмѣримо выше, какъ новыхъ, такъ и старыхъ философовъ съ самимъ Платономъ во главѣ, что научіе Моисеевой космогоніи не было, да и быть не можетъ, что геологія, палеонтологія сущій вздоръ, которому могутъ вѣрить только дураки и идіоты... Я долго бы не кончилъ, еслибъ сталъ перечислять архиглупости, которыя вращались въ нашемъ обиходѣ и которыя мы, при своей наивности и неразвитости, считали непререкаемыми аксіомами. Право же мы серьезно думали, что только семинаріямъ, да духовнымъ академіямъ принадлежитъ право быть кладезями самой высочайшей премудрости, а что всѣ другія не духовныя учебныя заведенія сравнительно съ духовными стоятъ ниже всякой критики. Объ университетахъ же въ наше время существовало мнѣніе, что это притоны разврата, якобинства и вольтеріянства, хотя никто изъ насъ ни о Вольтерѣ, ни о якобинцахъ и понятія не имѣлъ: такъ ужъ приучили насъ пѣть съ чужого голоса и безпрекословно, по-рабски преклоняться

предѣ рекомендованными намъ авторитетами. Припоминаю одинъ эпизодъ изъ того времени, когда я учился въ богословіи, но еще не рѣшилъ окончательно бросить духовное званіе. Къ этому времени было перечитано мною уже много книгъ и свѣтскихъ журналовъ, сильно колебавшихъ мое семинарское міровоззрѣніе. Гдѣ-то вычиталъ я и крѣпко осмыслилъ понравившійся мнѣ афоризмъ знаменитаго Бэкона: истина есть дочь времени. И дернула же меня нелегкая эти слова помѣстить въ заданное намъ сочиненіе! Разразилась тогда цѣлая буря; задавшій сочиненіе профессоръ представилъ его въ правленіе съ просьбою судить меня по всей строгости законовъ, какъ злоумышленнаго еретика. Плохо бы пришлось мнѣ, еслибъ, къ счастью, не выручилъ меня другой молодой профессоръ, бывшій тогда секретаремъ. Онъ хорошо ко мнѣ относился, а главное былъ другомъ очень любившаго меня бывшего профессора Красовскаго. Онъ призвалъ меня къ себѣ и послѣ долгихъ разговоровъ указалъ на средство выпутаться изъ бѣды. При допросѣ я долженъ былъ заявить, что возмущающій еретическимъ афоризмомъ Бэкона и что недоразумѣніе произошло единственно отъ описки и недосмотра моего. Кажется, я сослался на пропускъ какого-то слова. Правленіе удовлетворилось моимъ объясненіемъ,—и я, опозоренный предѣ своею совѣстью за постыдное ренегатство, имѣлъ еще дерзость приравнивать себя къ великому Галилею и утѣшаться этимъ. Съ половины 80-хъ годовъ духовенству предоставлена не очень-то пріятная для него роль просвѣтителей народа въ церковномъ духѣ. Роль эта, въ связи съ разными поощреніями, еще усилила семинарское высокомеріе. Самоувереніе духовенства теперь стало сильнѣе, хотя оно и маскируется напускнымъ христіанскимъ смиреніемъ.

5. *Развлеченія.* Въ семинаріи сами семинаристы, съ дозволенія начальства, устраивали развлеченія, болѣе или менѣе облагоражившія насъ. Въ каждомъ классѣ былъ организованъ оркестръ изъ шести человѣкъ. Это число было, такъ сказать, офиціальное, но помимо его въ каждомъ классѣ было еще нѣсколько музыкантовъ добровольцевъ. Инструменты и ноты пріобрѣтались на пожертвованные нами гроши, а частью на деньги, заработанныя самими музыкантами. За небольшую плату они играли на свадьбахъ, балахъ и даже въ клубѣ. За все время моего пребыванія въ семинаріи оркестръ богослововъ былъ особенно хорошъ, такъ какъ участвовавшіе въ немъ имѣли больше времени совершенствоваться въ игрѣ. Изрѣдка встрѣчались и настоящія музыкальныя дарованія. Были у насъ еще два очень недурные хора пѣвчихъ, сформированные для пѣнія въ церкви, но они знали не одно церковное пѣніе и своимъ искусствомъ доставляли намъ немало удоволь-

ствія. Въ послѣдній годъ моей семинарской жизни устроился даже одинъ спектакль, конечно, втихомолку. Играли «Женитьбу» Гоголя, и я даже отломалъ роль Яичницы. Хотя актеровъ, несмотря ни на какія ухищренія начальства, и не удалось отыскать, но самые сыски были такъ настойчивы и назойливы, что дальше одного спектакля дѣло не пошло. Объ играхъ на вольномъ воздухѣ и въ комнатахъ говорить не стоитъ; онѣ были почти тѣ же, что и въ училищѣ. Бои съ мѣщанами и гимназистами старшихъ классовъ были очень ожесточенны, сопровождались иногда увѣчьями, но они практиковались рѣже, чѣмъ въ бурсѣ, а съ новыми вѣяніями и совсѣмъ прекратились.—Хочется мнѣ сказать нѣсколько словъ объ одномъ пріятномъ и очень мнѣ памятномъ развлеченіи, о которомъ въ гимназіяхъ и понятія не имѣли и которое въ самихъ семинаріяхъ не практикуется уже слишкомъ 40 лѣтъ. Эти развлеченія назывались рекреаціями, которыхъ полагалось не болѣе 12 въ годъ, а именно: въ маѣ часовъ въ 5 вечера, если примѣты предвѣщаютъ на другой день хорошую погоду, нѣсколько семинаристовъ, любимцевъ инспектора, просятъ у него позволенія сходить въ городъ къ ректору за рекреаціей. По полученіи дозволенія составляется группа ходоковъ человекъ въ 10—12 и отправляется версты за три въ монастырь, гдѣ живетъ ректоръ. Группа останавливается предъ окномъ кабинета, или предъ балкономъ и жалобно начинаетъ завывать хоромъ: *Carissime, doctissime, sapientissime pater Rector! Da nobis recreationem!* Иногда это завываніе приходится повторять разъ 10, пока изъ окна услышано будетъ радостное: *дѣ*. Ходоки мчатся обратно въ семинарію, подбѣгаютъ къ колокольнѣ и начинаютъ оглушительно трезвонить. Рекреація началась: семинаристы моментально выбѣгаютъ на дворъ, и начинаются всевозможныя игры, продолжающіяся до ночи. На другой день раннимъ утромъ вся семинарія уже на ногахъ; всякій спѣшитъ воспользоваться свободой, сообразно своимъ наклонностямъ: одни идутъ въ поле и луга, другіе—въ лѣсъ; третьи направляютъ свои стопы въ деревни, чтобъ побаловаться майскимъ молокомъ; четвертые отправляются въ городъ, чтобъ оповѣстить квартирныхъ товарищей и знакомыхъ и т. д. Во дни рекреаціи свобода простирается до того, что можно идти, куда угодно, не спрашиваясь у начальства. Къ обѣду возвращаются почти всѣ семинаристы, а послѣ него начинаются опять игры, а часовъ съ 4-хъ, когда наберется достаточно городской публики; начинаютъ гремѣть три оркестра, помѣщенные въ разныхъ мѣстахъ обширнаго двора на импровизированныхъ наскоро экстрадахъ, и заливаются соловьями хоры и солисты. Пѣвцамъ и музыкантамъ отъ публики перепадаетъ и малая то-

лика деньжонокъ. Вообще, во время рекреаціи всѣ семинаристы, не исключая даже самыхъ хмурыхъ и нелюдимыхъ, отдаются беззавѣтно, и душой, и тѣломъ, безмятежному веселью.

6. *Наказанія.* Самое страшное наказаніе для семинаристовъ, это—исключеніе. Оно назначалось за дерзкое неповиновеніе, что случалось, впрочемъ, очень рѣдко. Главнымъ же образомъ имъ каралось повторное пьянство. Иногда исключали и за единичную, случайную, можно сказать, выпивку, если провинившійся и ранѣе почему либо былъ на дурномъ счету у инспектора и особенно, если онъ былъ бѣднякъ или сирота. Богатѣямъ же и повторное пьянство сходило съ рукъ, но зато и обходилось недешево. Одинъ мой родственникъ самъ мнѣ рассказывалъ, что выручка своего вообще трезваго сына стоила ему двухъ жеребцовъ, т.-е. около 170 р. И наживались же наши всесильные инспектора! Громко, напр., говорили, что у одного изъ нихъ, занимавшаго это тепленькое мѣстечко менѣе 10 л., пропало въ скопинскомъ банкѣ 30,000 р.; служба же его оплачивалась, кажется, 900 рубл. да готовою квартирою—и только. Къ тому же былъ онъ многосемейный и жилъ не скупю. Розги въ семинаріи не полагались. Ставленіе на колѣни, отвѣщиваніе поклоновъ и лишеніе обѣда практиковалось только въ классѣ риторовъ. На ихъ же долю выпадала отборная брань, а иногда и рукоприкладство. Бранью, болѣе приличною только, и тошнотворными наставленіями, унижающими человѣческое достоинство, допекали и инспекторы, и нѣкоторые профессора учениковъ и старшихъ классовъ. Богослововъ, впрочемъ, бранили очень рѣдко, но ехидныя издѣвательства не оставляли и ихъ въ покоѣ. Болѣе серьезнымъ наказаніемъ для богослововъ и философовъ считался голодный столъ, технически называвшійся, неизвѣстно ужъ почему, букетомъ. Само начальство, назначая это наказаніе, говорило: садись за букетъ на столько-то дней или недѣль. Для букетниковъ по срединѣ столовой ставился небольшой столъ и табуретъ; на столъ подавался только ломоть хлѣба и кружка воды, до которыхъ букетникъ обыкновенно не дотрогивался, какъ бы онъ голоденъ ни былъ... Это насильственное голоданіе считалось своего рода шикомъ. Самъ букетникъ и выраженіемъ лица, и позами корчилъ изъ себя разочарованнаго, съ презрѣніемъ ко всему окружающему относящагося субъекта. Если онъ имѣлъ въ карманѣ деньжонки, то ломоть хлѣба такъ и оставался на столѣ; въ случаѣ же безденежья, голодный выжидалъ выхода изъ столовой семинаристовъ и потомъ, схвативъ свой кусокъ, съ мрачнымъ видомъ возвращался въ корпусъ. Для богослововъ же сидѣніе на букетѣ иногда доставляло возможность сладко поѣсть. Если только дежурный

старшій по столовой былъ пріятелемъ букетника, то послѣдній послѣ общаго обѣда приглашался принять участіе въ обильной трапезѣ совмѣстно съ дежурными по кухнѣ, которымъ не было нужды протестовать, ибо жратвы было достаточно.—Было въ мое время еще одно курьезнѣйшее наказаніе, примѣняемое только къ богословамъ и философамъ и составлявшее специфическую особенность, кажется, одной только нашей семинаріи. По крайней мѣрѣ, мнѣ не доводилось слышать о существованіи его въ другихъ семинаріяхъ. Наказаніе это носило характерную кличку—ссылки на поселеніе. Провинившійся въ какомъ-либо довольно важномъ поступкѣ выслушивалъ грозный приговоръ инспектора: на поселеніе въ такой-то номеръ. Номерами, съ прибавленіемъ той или другой цифры, назывались комнаты, гдѣ мы готовили уроки и проводили вообще внѣклассное время. Этими же цифрами обозначались и спальни. Приговоренный къ ссылкѣ, по заявленіи объ этомъ старшему номеру, переселялся со всѣмъ своимъ хламомъ на новое мѣсто жительства. Въ номерѣ ставился для него особый столикъ для занятій; кровать же его помѣщалась неподалеку отъ кровати старшаго. Въ классахъ ссыльные занимались вмѣстѣ со своими товарищами, вмѣстѣ же съ ними и ѣли; все же остальное время они должны проводить на мѣстѣ поселенія. Срокъ ссылки былъ не одинаковъ: колебался онъ въ предѣлахъ 2—6 недѣль, иногда сокращался, а иногда удлинялся по усмотрѣнію инспектора. Философовъ ссылали только къ риторамъ; богослововъ же поселяли въ номера не только риторовъ, но и философовъ. Ссылно-поселенцевъ иногда въ одномъ номерѣ скапливалось по нѣсколько человекъ, особенно у риторовъ. Такое обиліе ссыльныхъ объясняется тѣмъ, что наказаніе это чаще всего назначалось за табакокуреніе, которое было довольно сильно распространено у насъ. Философамъ въ ссылкѣ жилось не важно; богословы же на поселеніи чувствовали себя прекрасно, особенно если номерной старшій былъ пріятель имъ. Тогда нѣкоторые любители выслуживаться предъ старшимъ старались разныя услуги оказывать и ссыльнымъ.

7. *Смертность среди семинаристовъ.* Наша семинарія расположена хотя и не въ городѣ, а въ верстѣ отъ него, но на такомъ низменномъ и окруженномъ болотами мѣстѣ, что заболѣваемость и смертность ея воспитанниковъ были настолько велики, что бросались въ глаза и питерскому, и мѣстному начальству. Болѣе 50 лѣтъ идетъ переписка о переводѣ семинаріи въ другое болѣе здоровое мѣсто, но она и посейчасъ стоитъ непоколебимо на низинѣ. Помню, что частенько приводилось отправлять товарищей на кладбище, хотя и не могу эту частоту выразить въ ци-

фрахъ. У насъ существовалъ обычай, въ силу котораго, тотчасъ же по смерти ученика начальство командировало въ больницу 12 его товарищей по классу для чтенія псалтыри. По установившемся же обычаю около покойника, чтобы не страшно было одному читальщику, долженъ въ той же мертвецкой обязательно присутствовать другой товарищъ. Остальные въ ожиданіи смѣны балагурили въ кухнѣ или въ больничныхъ палатахъ.

8. *Религіозное настроеніе семинаристовъ.* Едва не забылъ я упомянуть о степени религіозности будущихъ проповѣдниковъ религіи. Серьезнымъ и искреннимъ религіознымъ чувствомъ, если и обладали нѣкоторые, то, во всякомъ случаѣ, очень немногіе семинаристы. И во мнѣ это чувство не было не только воспитано, но даже и посѣяно, а вѣдь я имѣлъ въ высокой степени разумнаго воспитателя въ лицѣ дѣда, чѣмъ мои товарищи похвалиться не могли. Для громаднаго большинства семинаристовъ (объ исключеніяхъ я не говорю) вся религіозность состояла лишь въ исполненіи обрядовъ, длинныхъ молитвъ и пр., или, другими словами, на мѣсто религіи, какъ великой руководительницы нашей частной и общественной жизни, поставлена церковность. Вспоминая бывшихъ моихъ товарищей и присматриваясь къ жизни духовенства, съ которымъ мнѣ приводилось и приводится встрѣчаться, такъ и хочется повторить слова пророка Исаи, говорившаго евреямъ отъ лица Бога: люди сіи чтутъ Меня устами, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня. Словомъ, обрядность заѣла религіозное чувство. Дисгармонія между словами и дѣлами проявляется, къ сожалѣнію, у большинства поповъ. Досадно даже становится, когда священникъ, за обѣднею съ чувствомъ, хотя и напускнымъ, краснорѣчиво проповѣдующій о высокомъ значеніи милосердія, послѣ обѣдни безжалостно отнимаетъ у своего духовнаго сына послѣдній грошъ, когда послѣ поученія своихъ прихожанъ всегда говоритъ правду, чрезъ часъ-два послѣ этого ихъ же обманываетъ и т. д., и т. далѣе. Совсѣмъ бы тошно было жить въ деревнѣ, если бы хотя изрѣдка не встрѣчались истинно добрые пастыри. Грустно заглянуть въ будущее! Какъ не поймутъ наши батьки, что крестьяне уже перестаютъ быть кроткими и послушными овцами, а начинаютъ критически относиться къ своимъ пастырямъ и замѣчаютъ разнь между ихъ словами и дѣлами?—Новыя вѣянія конца 50-хъ годовъ, несмотря на разныя со стороны начальства преграды, проникли все-таки и въ семинарію и вызвали крайне уродливыя явленія. Семинаристы, не прочитавшіе, кромѣ учебниковъ да профессорскихъ записокъ, ни одной книги, вдругъ стали либеральничать, не понимая совсѣмъ, или понимая превратно самое слово

либерализмъ. Замѣчательно, что у очень многихъ либерализмъ начался съ самаго нелѣпаго, ни на чемъ рѣшительно не основаннаго, атеизма. Десятки семинаристовъ разглагольствовали въ родѣ того, что Христосъ былъ умный человѣкъ, что нѣтъ ни Бога, ни загробной жизни, что таинства выдуманы попами съ цѣлью наживы и пр. глупости. Глупо это было особенно, потому что говорилось съ чужихъ словъ, которыя безъ всякой критики принимались на вѣру, какъ неоспоримыя аксіомы. Такихъ либераловъ нетрудно было убѣдить сегодня въ одномъ, а завтра въ другомъ совершенно противоположномъ, т.-е. не убѣдить, а просто оболтать, ибо объ убѣжденіяхъ тутъ не могло быть и рѣчи. Изъ десятковъ этихъ новоиспеченныхъ атеистовъ было не болѣе 2-3 человѣкъ, которые сдѣлались отрицателями болѣе или менѣе сознательно, не безъ серьезныхъ размышленій. Главная же масса семинаристовъ не принимала никакого участія въ болтовнѣ о разныхъ религіозныхъ вопросахъ, а слѣпо вѣрила, и, строго говоря, индифферентно относилась къ религіи, и, ничтоже сумняся, исполняла ея обряды. Спустя много лѣтъ, мнѣ пришлось встрѣчаться съ нѣкоторыми товарищами, а о другихъ получать свѣдѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ. Оказалось, что изъ бывшихъ атеистовъ вышли священники лучшіе, чѣмъ изъ товарищей индифферентныхъ и совершенно непричастныхъ къ вольнодумству.

9. *Сказаніе о моей особѣ.* Наконецъ-то я приблизился ко времени, въ высокой степени знаменательному и вѣчно памяtnому для меня,—ко времени моего перерожденія или возрожденія духовнаго. Но вѣдь оно совершилось не по мановенію волшебнаго жезла, а постепенно. Поэтому необходимо сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Еще до поступленія въ семинарію я прочиталъ очень немало книгъ. Читалъ я безъ руководителя, выборъ книгъ зависѣлъ вполнѣ отъ случая; читалъ и такія книги, которыя превышали мое пониманіе; однимъ словомъ, чтеніе мое было вполнѣ безалаберное. И, однако, оно принесло мнѣ немало пользы, быть можетъ, даже болѣе, чѣмъ можно было ожидать при его бессистемности. Не имѣя руководителя, я, чтобъ добиться какого-либо толку отъ чтенія, долженъ былъ много размышлять, доходить до многоаго своимъ умомъ. Это было первою стадіею въ моемъ самообразованіи, и еслибы въ семинаріи я нашелъ достаточно книгъ, и особенно книгъ подходящихъ, то мое самообразование пошло бы ровно и постепенно безъ долгихъ перерывовъ и уклоненій въ стороны. Но видно не наступило еще время для моего нормальнаго развитія, а потому и духовнаго возрожденія. Мнѣ пришлось еще долгое время купаться въ грязномъ и вонючемъ болотѣ. При первомъ же знакомствѣ съ семинаріей я увидѣлъ,

что возлагавшіяся мною на нее надежды призрачны, что она, какъ и училище, не отвѣчаетъ неясно копошившимся въ моей головѣ требованіямъ. Но если бы кто-нибудь приказалъ мнѣ отчетливо высказать мои надежды и формулировать мои требованія, то я положительно сталъ бы втупикъ. Смутно скорѣе чувствовалось, чѣмъ сознавалось, что творится что-то неладное, а въ чемъ состоятъ нелады,—для меня было тогда неясно. Очевидно, что чтеніе и размышленіе привели въ движеніе критическую жилку, но до серьезнаго критическаго взгляда на окружающее было еще далеко, да онъ и не подъ силу былъ моему все-таки ребячьему еще уму. Я часто ставилъ себѣ вопросъ: почему семинарія, съ ея профессорами и всѣми ея порядками, не только не удовлетворяла меня; но возбуждала отвращеніе къ себѣ, а между тѣмъ товарищи мои были довольны ею. Пробовалъ было мучившія меня мысли повѣрять нѣкоторымъ товарищамъ, которыхъ я считалъ наиболѣе дѣльными, но и съ ихъ стороны не встрѣтилъ сочувствія; они въ достаточной степени усвоили себѣ философію Панглосса и безропотно мирились со всякими безобразіями. Волей-неволей пришлось замкнуться въ себѣ. Къ окружающей меня средѣ я относился чуть не съ омерзѣніемъ. Я почти пересталъ совсѣмъ готовить уроки изъ нѣкоторыхъ особенно ненавистныхъ предметовъ, да и по остальнымъ учился неровно: то получалъ высшіе баллы, а то и дубины. Внѣшнихъ стимуловъ, побуждавшихъ въ былое время быть поприлежнѣе, теперь налицо не было; до переводныхъ экзаменовъ было далеко; профессора спрашивали урокъ рѣдко, такъ какъ я былъ тогда въ числѣ отпѣтыхъ, т.-е. сидѣлъ въ 3-мъ разрядѣ, куда попалъ совершенно невинно (изъ-за книги казенной, въ которой кто-то вырѣзалъ картинки). А потребность въ саморазвитіи, какъ на зло, въ это время не только инстинктивно чувствовалась, но и отчетливо сознавалась. Выше я говорилъ уже о нашихъ профессорахъ и ихъ преподаваніи. Ясно, что преподносимая ими наука, да еще подъ специфическимъ соусомъ, не могла удовлетворить моей любознательности; доступъ въ бібліотеку былъ для меня закрытъ. Меня стало одолѣвать какое-то особое, ненавистное для меня и теперь состояніе духа, которое я и назвать не умѣю; помню только, что оно было очень тяжело. Тогда-то мнѣ удалось въ городѣ завести знакомство, благодаря которому я долго могъ пользоваться хорошими книгами. По странной ироніи судьбы въ это-то именно время новый знакомецъ снабдилъ меня «Героемъ нашего времени» Лермонтова. Нужно ли говорить о впечатлѣніи, произведенномъ на меня Лермонтовымъ послѣ чтенія разныхъ поученій и проповѣдей? Я просто тогда ошалѣлъ.

Въ томъ состояніи, въ которомъ я находился, мнѣ нетрудно было вообразить себя въ нѣкоторомъ смыслѣ Печоринымъ,—и я корчилъ его. Воображаю, какъ уродливъ, какъ карикатуренъ былъ 14-лѣтній мальчишка, почти незнакомый съ жизнью, или знавшій ее односторонне, въ роли разочарованнаго Печорина. Какъ бы то ни было, мое тяжкое, равнодушное отношеніе къ окружающему благополучно разрѣшилось. А потомъ въ нашу душную атмосферу ворвалась струя свѣжаго воздуха въ лицѣ новаго профессора, вѣчно памятнаго мнѣ А. А. Красовскаго, только что кончившаго Петербургскую академію. Во время ученія въ ней онъ сблизился съ Добролюбовымъ и, конечно, поддался его благотворному вліянію. Многіе изъ насъ были положительно увлечены его хотя и неглубоко ученымъ, но живымъ и искреннимъ словомъ, которое, при мертвяще-рутинномъ преподаваніи другихъ наставниковъ, обаятельно дѣйствовало на насъ и особенно на меня. Усыпительная и безжизненная реторика уступила мѣсто неслыханному прежде курсу русской словесности, правда, очень поверхностному и не рѣшавшему еще касаться новыхъ авторовъ. Контрабанднымъ путемъ изрѣдка только приводилось слышать въ классѣ и отрывки изъ образцовыхъ произведеній, а равно и слабенькій разборъ ихъ. Въмѣсто періодовъ, софизмовъ и хриій, простыхъ и превращенныхъ, Красовскій сталъ давать для сочиненій, какъ недѣльныхъ, такъ и экспромптныхъ темы, касающіяся природы и жизни. Такое вольнодумство сходило ему пока съ рукъ, потому что отецъ его былъ ректоромъ семинаріи, хотя товарищи его и кое-кто изъ начальства и косо посматривали на его новшества. Послѣ же рассказанной выше исторіи съ Пушкинымъ-поганцемъ Красовскому пришлось и совсѣмъ плохо. Его удалили изъ семинаріи не очень деликатно. Къ счастью нашему, да и г. Вятки, отецъ Красовскаго ссудилъ сына, уже изгнаннаго изъ профессоровъ, капиталъцемъ. Капиталу этому Красовскій далъ самое разумное употребленіе: онъ основалъ небывалое еще въ Вяткѣ учрежденіе—публичную библіотеку, которая скоро пріобрѣла огромную популярность. На своемъ новомъ, непроторенномъ еще пути, К—кій встрѣтилъ не мало шиповъ; явились подвохи, нашлись завистники и доносчики, и ему, бѣднягѣ, пришлось вынести немало горя, особенно въ эпоху начавшейся реакціи, т.-е. послѣ 61-го года. К—го возили, допрашивали, сажали въ не очень веселыя мѣста, но, за недостаткомъ уликъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ и не было, отпускали домой. Когда держать библіотеку стало трудно, онъ открылъ типографію, когда же и она оказалась подозрительной, онъ основалъ книжный и писчебумажный магазинъ. Спустя много лѣтъ, меня

потянуло на родину лечить своихъ земляковъ. Едва только я, въ качествѣ врача, устроился на Великой рѣкѣ, какъ тотчасъ же направился въ Вятку повидаться съ своимъ другомъ. Я нашелъ К—го мирно и ни для кого, кажется, необидно торгующимъ купцомъ и арендаторомъ городской земли, на которой онъ устроилъ образцовую сельско-хозяйственную ферму, купленную потомъ земствомъ и благополучно существующую и теперь съ большою пользою для населенія. Казалось бы мирнаго коммерсанта не зачѣмъ было тревожить. Но вышло не такъ. Не разъ его бѣднягу, въ 70-хъ годахъ, тревожили голубые люди съ прокурорами во главѣ, рылись и въ магазинѣ, и на фермѣ, отыскивая какую-то тайную типографію, объ устройствѣ которой мы и не думали. Время тогда было тревожное. Ужъ, кажется, я легальный и политически благонадежный гражданинъ, а все-таки въ это время не избѣжалъ визита голубыхъ гостей, которые съ изысканной любознательностью не только осматрѣли, но и ощупали, такъ сказать, весь мой домъ и на память о своемъ визитѣ увезли у меня нѣсколько книгъ и моего двоюроднаго брата. Спасибо имъ еще, что не потревожили мою жену, родившую только за нѣсколько часовъ до ихъ прибытія. Умеръ Красовскій холостымъ во время моей службы во Владимірѣ. Вѣчная ему память! Онъ въ значительной мѣрѣ способствовалъ моему возрожденію.

Памятно мнѣ первое знакомство съ этимъ дорогимъ человекомъ. Задалъ онъ намъ недѣльное сочиненіе на тему, мнѣ понравившуюся. Самъ К—ій полюбился мнѣ за его преподаваніе и простое обращеніе, чуждое важности и напыщенности. Надъ сочиненіемъ я постарался, получилъ высшій баллъ, но этимъ самымъ и возбудилъ подозрѣніе К—го; ему думалось, какъ онъ самъ послѣ говорилъ, что сочиненіе написано какимъ-либо ученикомъ старшаго класса, такъ какъ оно было ужъ очень хорошо, а я сидѣлъ тогда хотя и во 2-мъ разрядѣ, но недалеко отъ 3-го. Чтобъ провѣрить меня, К—кій задалъ экспромптъ (который писался не выходя изъ класса) и сомнѣніе его разсѣялось; я получилъ—10. Черезъ нѣсколько времени дана была какая-то сухая тема для изложенія въ видѣ хріи превращенной, и я получилъ, помнится, только 3. Это озадачило К—каго; онъ наединѣ спросилъ меня: что значать такіе крутые скачки въ баллахъ? Я по мѣрѣ разумнія объяснилъ ихъ характеромъ темъ; разспрашивалъ онъ меня и о многомъ съ желаніемъ изучить меня, а на прощанье даже пожалъ мнѣ руку, что привело меня въ восторгъ и въ смущеніе: такъ необычно это было у насъ. Знакомство состоялось передъ экзаменомъ. Я перешелъ въ философію, но неважно, ибо только у К—го получилъ высшій баллъ; изъ остальныхъ же

предметовъ отвѣчалъ плоховато. Примѣрно на полгода я потерялъ К—го изъ виду. Затѣмъ, кажется, по болѣзни профессора, К—му поручили временно преподавать намъ логику и психологію. Преподаваніе его было ясно и занимательно; я сталъ исправно готовить уроки не только по этимъ предметамъ, но и по многимъ другимъ. Съ сочиненіями моими повторялась прежняя исторія: были тройки, но больше высшіе баллы. Къ общему нашему сожалѣнію, настоящій профессоръ выздоровѣлъ скоро, а К—кій сталъ опять преподавать риторамъ. Но во время его занятій въ философіи я настолько полюбился ему, что получилъ приглашеніе быть у него на квартирѣ, чѣмъ, конечно, воспользовался радостью. Приглашеніе пришлось для меня и особенно кстати; у городского моего знакомаго я перечиталъ почти всѣ книги, а у Красовскаго нашелъ большую и прекрасно подобранную бібліотеку. Онъ не только далъ мнѣ книгъ, но, предварительно узнавъ, что я читалъ, составилъ для меня списокъ книгъ, которыя слѣдовало далѣе читать. Мало этого. Онъ самъ привозилъ книги въ семинарію для меня и одного ритора, и хранилъ ихъ до нашего требованія въ кабинетѣ своего отца, ректора, ибо часто ходить къ нему на квартиру было далеко. Я все-таки каждый праздникъ часа 2—3 проводилъ у дорогого учителя въ полезнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ разговорахъ. Хожденіе мое прекратилось лишь тогда, когда, по увольненіи отъ должности, онъ уѣхалъ въ Питеръ хлопотать по поводу задуманной имъ публичной бібліотеки. На время отъѣзда онъ часть книгъ, выбранныхъ для меня, оставилъ у одного своего товарища—прекраснаго профессора (не въ нашемъ только классѣ) и сдалъ меня ему, такъ сказать, на руки. Читалъ я хотя и много, но крайне осторожно, чтобъ объ этомъ какъ-нибудь не пронюхало начальство. Замѣчательно, что я учиться сталъ ровнѣе и много лучше, такъ что въ теченіе 2-го года пребыванія въ философіи я сидѣлъ уже въ 1-мъ разрядѣ и, помнится, даже въ первомъ пяткѣ. Ученіе, т.-е. то же зубреніе пошло хорошо не потому, чтобъ я полюбилъ наши науки и схоластическіе приемы ихъ преподаванія, а только потому, что считалъ это противное ученіе необходимымъ для будущаго, такъ какъ тогда я еще не додумался до положенія, что можно быть полезнымъ и безъ поповства. Съ гадкою зубрежкой я не могъ разстаться до самаго окончанія курса въ семинаріи. За исключеніемъ 2—3 профессоровъ всѣ остальные были ярыми противниками разсказыванья уроковъ своими словами. Самъ ректоръ, преподававшій догматическое богословіе, каждый почти классъ, во время выслушиванія уроковъ, выкрикивалъ всѣмъ намъ памятные слова: стой, ты пропустилъ, или: стой, ты пере-

тасоваль слова, поправься. И эти выкрикиванія съ буквальною точностью ужъ безъ всякой перетасовки словъ мы слышали отъ него въ теченіе двухъ лѣтъ. Нѣтъ, при такихъ нелѣпыхъ требованіяхъ, безъ зубрежки обойтись было нельзя; предстояла дилемма: или зубри, если хочешь считаться хоть порядочнымъ ученикомъ, т.-е. сидѣть во 2-мъ разрядѣ, или оставайся на два года въ томъ же классѣ, если не хочешь самъ увольненія изъ семинаріи.

Итакъ, я читалъ и зубрилъ, зубрилъ и читалъ, и, наконецъ, перешелъ въ послѣдній классъ, т.-е. въ богословіе, гдѣ мнѣ предстояло, какъ въ реторикѣ и философіи, пребыть два года, а затѣмъ отростить длинные волосы, надѣть рясу и распѣвать: Господи помилуй, отдай полтину. Перешелъ я въ богословіе, надо полагать, въ числѣ первыхъ учениковъ, такъ какъ тотчасъ же по возвращеніи съ каникулъ назначенъ былъ старшимъ въ богословскій номеръ, т.-е. надъ товарищами, что считалось очень почетнымъ и въ то же время представляло немало трудностей. Въ сентябрѣ я былъ возведенъ въ санъ дьячка, или, какъ у насъ выражались, рукоположенъ въ стихарь (такъ называется облаченіе, которое въ церкви надѣваютъ дьяконы и стихарные дьячки). Это посвященіе памятно мнѣ, потому что во время его совершенія послѣдовала милостивая собственноручная расправа его преосвященства надъ моими волосами. Во время облаченія архіерея мнѣ въ этой китайской церемоніи показалось что-то смѣшнымъ, а мою улыбку онъ, вѣроятно, замѣтилъ. Поэтому, когда я благоговѣйно преклонилъ грѣшную главу свою предъ его преосвященствомъ, оно очень больно дернуло меня за волосы и, вмѣсто маленькаго клочка ихъ, выстригло такой пукъ, что у меня образовалась замѣтная плѣшь на головѣ. Отлично помню, что вскорѣ послѣ этого, именно, 1-го октября—въ Покровъ, я, облаченный въ стихарь, дебютировалъ въ качествѣ проповѣдника передъ громадной городской публикой, да еще въ монастырѣ въ присутствіи ректора, гдѣ онъ былъ архимандритомъ. Обыкновенно перворазрядные богословы произносятъ свои проповѣди въ семинарской церкви; только проповѣди, почему-либо особенно понравившіяся профессору, представлялись имъ въ правленіе, которое и удаставляло ихъ высокой чести быть произнесенными въ монастырѣ. И теперь безъ смѣха я вспомнить не могу, какъ я, только что достигшій 17-лѣтняго возраста мальчишка, поучалъ нѣсколько сотъ возмужалыхъ и престарѣлыхъ горожанъ. Предварительно я долженъ былъ репетировать свое произведеніе въ классѣ, и тутъ-то профессоръ научалъ меня мимикѣ, жестикуляціи, интонаціи и разнымъ покусъ-фокусамъ. При одномъ воспоминаніи объ этомъ дебютѣ становится жутко. На пути въ монастырь и

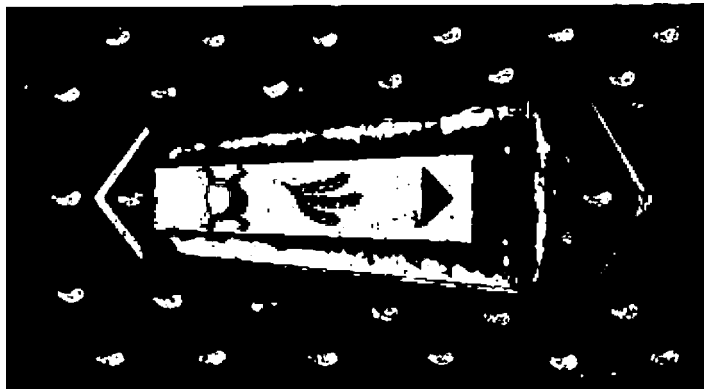
въ церкви сначала я было храбрился, но когда вышелъ на амвонъ и увидѣлъ сотни глазъ, устремленныхъ на меня, то радъ бы былъ тогда, кажется, сквозь землю провалиться. Въмѣсто того, чтобы, такъ водится, перекреститься и произнести: во имя Отца... я молчалъ, какъ истуканъ. И только когда услышалъ изъ алтаря голосъ: ну начинай же!—тогда я вынулъ свою тетрадь и послѣ нѣсколькихъ тихо произнесенныхъ словъ быстро вошелъ въ настоящій экстазъ. Говорили послѣ, что не только проповѣдь, но и произнесеніе ея будто бы были весьма хороши. Однако, на меня дебютъ подѣйствовалъ такъ тяжело, что я въ послѣдующее время разными способами устранялъ себя отъ произнесенія проповѣдей.

По переходѣ моемъ въ богословіе открылась давно желанная бібліотека Красовскаго, изъ которой я безпрепятственно могъ брать любую книгу или журналъ. Чтеніе мое стало съ этой поры систематичнѣе: имъ руководилъ порядочный знатокъ дѣла—самъ К—кій; ему также въ этомъ дѣлѣ помогали ссыльный—кандидатъ петербургскаго университета. Перечиталъ я за этотъ годъ цѣлую уйму книгъ, но особенно сильное, неотразимое обаяніе произвели на меня статьи Бѣлинскаго и письма объ изученіи природы Герцена; «Отеч. Записки», въ которыхъ онѣ были напечатаны, и «Современникъ» (тогда отдѣльнаго изданія Бѣлинскаго еще не было) стали моими настольными книгами; изъ-за нихъ я ограничивался пятью часами сна. Никогда уже, ни прежде, ни послѣ, я не испытывалъ такого воодушевленія, такого неудержимаго стремленія къ саморазвитію, какое пробуждали во мнѣ сочиненія этихъ авторовъ. Итакъ, Бѣлинскій, Герценъ, а также разговоры съ Красовскимъ совсѣмъ перекувырнули мое прежнее міровоззрѣніе, которое было, впрочемъ, такъ тускло и хаотично, такъ блистало отсутствіемъ руководящихъ принциповъ и даже самаго скромнаго идеала, что, строго говоря, его нельзя и назвать міровоззрѣніемъ. Однако было бы несправедливо съ моей стороны крушеніе стараго quasi міровоззрѣнія и замѣну его новымъ приписывать только Бѣлинскому, Герцену и К—му. Почва для этой метаморфозы, которую я называю умственнымъ возрожденіемъ, была несомнѣнно подготовлена усерднымъ и толковымъ чтеніемъ массы книгъ и упорнымъ размышленіемъ, какъ по поводу прочитаннаго, такъ и встрѣчавшихся въ жизни явленій. Безъ подготовки врядъ ли бы удалось Бѣлинскому и Герцену свергнуть тѣхъ идоловъ, которымъ я поклонялся такъ долго; да я бы безъ подготовки, пожалуй, и не понялъ бы ихъ. Разъ установилось новое міровоззрѣніе, должны были одновременно съ нимъ измѣниться и взгляды мои на служеніе обществу. Хотя я прежде и не отдавалъ себя яснаго отчета въ томъ, чѣмъ я долженъ

стать по окончаніи курса въ семинаріи, но какъ-то само собою разумѣлось, что сынъ духовнаго лица не долженъ оставлять духовнаго сословія. Давнія традиціи и крѣпко установившійся обычай съ малыхъ нашихъ лѣтъ въѣдались въ насъ; а отступленіе отъ нихъ возбуждало почти ненависть въ духовномъ сословіи къ лицамъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ рѣшившимся замѣнить рясу сюртукомъ. Да и самое семинарское образованіе направлено и поставлено было такъ, что оно годилось только для поповъ и дьяконовъ и совсѣмъ непригодно было для подготовки на какое либо другое служебное поприще. За 6 лѣтъ моего ученія въ семинаріи не было ни одного случая, чтобы семинаристъ добровольно оставилъ свою касту. Только исключеннымъ изъ семинаріи приходилось поневолѣ переходить въ свѣтское званіе и то въ такомъ только случаѣ, если причиною исключенія ихъ была очень дурная аттестація, препятствующая, по взгляду архіерея, принятію ихъ въ духовное сословіе. Исключенные же за тупоуміе, или за неважные проступки пристраивались на дьяконскія или дьячковскія мѣста. Особенно усердно добивались ихъ дьячковскіе сынки, какъ не имѣющіе по рожденію правъ государственной службы и обязанные до перваго чина служить 12 л. Нѣсколько охотнѣе шли въ гражданскую службу неудачники изъ поповскихъ дѣтей. Изъ этихъ-то отбросовъ преимущественно и формировалось пресловутое крапивное сѣмя. Съ прекрасной, пріобрѣтенной еще въ бурсѣ, культурой лицемѣрія и низкопоклонства эти неудачники ловко влѣзали въ души начальниковъ, обыкновенно падкихъ до лести, и ловко устраивали свои темныя дѣлишки. Большая часть мѣстъ станovýchъ и даже исправниковъ и окружныхъ начальниковъ отдавалась тогда на кормленіе бывшимъ семинаристамъ—недоучкамъ. И очень многіе изъ нихъ становились виртуозами взяточничества, грабежа и всевозможныхъ плутней, иногда до невѣроятности нахальныхъ. Народъ громко стоналъ отъ этихъ піявокъ, а начальство было довольно, ибо получало отъ нихъ мзду. Въ губернскихъ очеркахъ Щедринъ мѣтко изобразилъ ихъ пакости.

С. И. Сычуговъ

Нѣчто вродѣ автобіографіи.

І. Въ университетѣ¹⁾.

Вопросъ о выборѣ службы назойливо стоялъ передо мной, но долго еще оставался открытымъ. Да и было, дѣйствительно, тогда надъ чѣмъ позадуматься. Мысль объ университетѣ, о которомъ, кстати сказать, я имѣлъ смутныя и отчасти ложныя понятія, не приходила еще въ голову; она нѣсколько позднѣе навѣяна была другими. Ученику Бѣлинскаго,—этого высокаго образца нравственной чистоты и искренности,—поступить на службу въ полицію, или въ губернское правленіе, бывшее тогда школою для станovýchъ, было бы ужъ очень зазорно. Поповство претило мнѣ уже потому, что оно было крайне принижено, въ обществѣ пользовалось незавидной репутаціей и, наконецъ, требовало безусловнаго, даже рабскаго повиновенія монашествующему начальству. Быть можетъ съ этими препятствіями я бы еще какъ-какъ сладилъ; идеалъ добраго пастыря дѣйствовалъ на меня всегда, и даже посейчасъ, обаятельно. Примѣры дѣда и отца, истинно добрыхъ пастырей, искренно любимыхъ народомъ, были у меня передъ глазами. Но было другое труднѣе устранимое препятствіе. Хотя я и не былъ тогда еще истымъ атеистомъ, но я уже критически и даже отрицательно относился ко многимъ церковнымъ обрядамъ; мой скептическій умъ находилъ немало противорѣчій между ученіемъ Христа и церкви. И чѣмъ болѣе я изучалъ Св. Писаніе и преданія церкви, тѣмъ отрицательнѣе сталъ относиться къ ея ученію. При такомъ положеніи дѣла поступить въ попы было бы просто позорно. Хотя двуличность и фарисейство, вслѣдствіе долгой ихъ культивировки, приобрѣли

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 1—4.

для меня уже силу привычки, однако въ описываемое время я уже началъ ихъ стыдиться и серьезно подумывать объ ихъ искорененіи. Сдѣлавшись же попомъ, я на всю жизнь обрекалъ себя на постоянное лицемѣріе и на необходимость чувствовать страшный разладъ между своими убѣжденіями и дѣятельностію. Кончилось бы дѣло тѣмъ, что я сталъ бы презирать себя и, оставаясь попомъ, сдѣлался бы горькимъ пьяницей или же долженъ бы былъ разстричься. А, впрочемъ, быть можетъ, я и по привыкѣ бы къ лицемѣрію и, забывъ завѣты Бѣлинскаго и результаты собственнаго саморазвитія, служилъ молебны и панихиды. Бррр! Ужасно и подумать даже объ этомъ! Непонятно мнѣ всегда было то, что порядочные во многихъ отношеніяхъ попы сознавали, напр., что Творецъ установилъ для міра вѣчныя и неизмѣнныя законы, и эти же попы своими разными молебнами, то о бездождіи, то о дождѣ, то объ исцѣленіи отъ неизлѣчимыхъ болѣзней, не стыдились просить Творца на каждомъ шагу измѣнять Свои законы по прихотямъ людей.

Порѣшивъ, что я не годенъ ни для полицейской службы, ни для поповства, я началъ лелѣять мысль о народномъ учительствѣ. Конечно, я сильно идеализировалъ эту профессію; въ ней я видѣлъ самое благородное приложеніе своихъ маленькихъ знаній и силъ. Надо сознаться, что, витая въ облакахъ идеализаціи, я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о правахъ и обязанностяхъ учителя, ни о самой народной школѣ. Отъ нѣкоторыхъ товарищей я узналъ, правда, что учитель получаетъ въ годъ 100 руб., и только. Скудость вознагражденія нисколько не обезкуражила меня. Уже въ это время (не помню только вслѣдствіе какихъ вліяній) у меня выработался взглядъ, что при выборѣ профессій матеріальные интересы должны отодвинуться назадъ, что честный человѣкъ долженъ понизить свои потребности до крайняго минимума, а образуящіяся, благодаря экономіи, крохи отдавать тѣмъ, кто въ нихъ особенно нуждается и т. д. Почти одновременно предсталъ моему воображенію и другой идеаль. Тогда имя П. И. Якушкина гремѣло на всю Россію. Памятенъ арестъ его полиціей одного города (какого—забылъ) единственно за то, что онъ якшался съ мужиками, занимался этнографіей и пѣшимъ манеромъ въ худой поддевкѣ исколесилъ вдоль и поперекъ Россію. На собраніе пѣсенъ, сказокъ я смотрѣлъ, впрочемъ, тогда, какъ на побочное занятіе. Меня особенно прельщалъ образъ калики перехожаго, т.-е., выражаясь точнѣе, образъ офени, скитающагося съ коробомъ за спиной изъ деревни въ деревню, продающаго и читающаго крестьянамъ хорошія книжки. Планъ этотъ К—кій призналъ не только трудно выполнимымъ,

но и опаснымъ. Если, справедливо говорилъ онъ, полиція не пощадила Якушкина, который кончилъ университетъ, былъ дворяниномъ, а главное литераторомъ съ довольно громкимъ именемъ, то тебя, дескать, она сцапаетъ въ первые же дни твоей дѣятельности, и ты погибнешь ни за грошъ. К—кій сочувствовалъ моему плану, только считалъ его непрактичнымъ. Гораздо симпатичнѣе онъ отнесся къ предполагаемому мною учительству, но и здѣсь совѣтовалъ не кидаться въ воду, не спросясь броду, разумѣя подъ послѣднимъ необходимость разузнать всю подноготную объ учительствѣ. Наступили послѣднія въ моей семинарской жизни каникулы; оставался, значить, только годъ моего ученья. Отношеніе къ товарищамъ и къ подчиненнымъ, какъ старшаго, были у меня превосходны; отношенія къ начальству не омрачались никакими инцидентами, только инспекторъ иногда замѣчалъ, и то въ любезной формѣ, что старшему слѣдовало бы быть построже съ подчиненными. Товарищи пророчили, а нѣкоторые профессора прозрачно намекали, что черезъ годъ меня отправятъ въ Академію на казенный счетъ. Я скептически относился къ намекамъ и пророчествамъ, тщательно скрывая свои планы. По приѣздѣ домой я на первыхъ же порахъ сообщилъ планъ объ учительствѣ отцу, который отнесся къ нему, т.-е. плану, вполне разумно. Онъ представилъ немало доводовъ и про, и contra и предоставилъ мнѣ полную свободу, посоветовавъ прежде окончательнаго рѣшенія повидаться съ опытными народными учителями. Тогда ни земскихъ, ни церковныхъ школъ не существовало; на весь Орловскій уѣздъ по штату положено было только 5 школъ, которыя назывались поселянскими, и состояли въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ. Видѣлся и много говорилъ я о нихъ съ двумя учителями и законоучителемъ, и услышалъ отъ нихъ невѣроятныя вещи. Хотя я самъ ничего не смыслилъ въ школьномъ дѣлѣ, но все-таки понялъ, что наши поселянскія школы ниже всякой критики, что онѣ терпятъ во всемъ недостатокъ: и въ отопленіи, и въ чистотѣ, и въ учебникахъ, и въ перьяхъ и пр. Немудрено, что онѣ не пользуются ни малѣйшимъ сочувствіемъ крестьянъ, которыхъ начальство обязываетъ только платить, а не разсуждать. У лучшаго, горячо преданнаго своему дѣлу учителя ученики едва въ три зимы выучивались читать, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Положеніе же учителей было просто ужасное. Они были подчинены окружному начальнику, его помощнику, благочинному, законоучителю, волостнымъ головѣ и писарю. Каждый изъ начальниковъ могъ третировать учителя, сколько душѣ угодно, но особенно жутко ему приходилось отъ писаря. Волось становился дыбомъ, когда я слушалъ

разказы учителя о нахальнѣйшихъ махинаціяхъ со стороны этого маленькаго, но въ сущности всесильнаго въ волости администратора. Такимъ образомъ разсыпался въ прахъ и второй мой идеаль. Разстаться съ нимъ меня побудили не трудность службы, не боязнь борьбы съ начальственной мелюзгой,—на это хватило бы у меня и терпѣнья, и умѣнья,—но невозможность при наличныхъ условіяхъ принести какую-нибудь пользу обществу. Никакой энергіи не хватило бы для преодоленія этихъ невозможныхъ условій. Съ болью въ сердцѣ вернулся я къ отцу, который тотчасъ же уже по лицу моему догадался, что мысль объ учительствѣ народномъ похоронена, если не навсегда, то надолго. Отецъ отлично видѣлъ трагичность моего положенія и сколь долго мы ни говорили, не договорились ни до чего путнаго. Наконецъ, пришла мнѣ мысль, одобренная и отцомъ, отправиться, не ожидая окончанія каникулъ, въ Вятку къ милѣйшему моему другу А. А. Красовскому. Мы съ отцомъ порѣшили вполне положиться на его рѣшеніе, такъ какъ были увѣрены, что онъ не дастъ ни легкомысленнаго, ни дурного совѣта. И, дѣйствительно, онъ отнесся ко мнѣ съ такою горячею симпатіею, съ какою далеко не всегда относятся даже старшіе братья къ младшимъ. Чуть не цѣлую ночь мы дебатировали мой наболѣвшій вопросъ, а пока установили слѣдующія положенія: 1) быть попомъ при моемъ образѣ мыслей безчестно; 2) пока на мѣсто писца взирать не какъ на желательное, а лишь вынужденное неотразимыми обстоятельствами; 3) при поступленіи въ гражданскую службу искать мѣсто въ какой-либо палатѣ, начальникъ которой пользуется репутаціею честнаго дѣятеля и человѣка; 4) не поступать въ губернское правленіе, формирующее преимущественно чиновъ полиціи. На другой день К—кій сказалъ мнѣ, чтобъ я не спѣшилъ отъѣздомъ, такъ какъ предполагается на счетъ моей будущности устроить большое совѣщаніе съ людьми, умудренными житейскимъ опытомъ, а главное, получившими высшее образованіе въ свѣтскихъ заведеніяхъ, о которыхъ мы почти не имѣли понятія. Въ такихъ людяхъ у К—го, благодаря библіотекѣ, недостатка не было. Скоро состоялось рѣшившее мою участь совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе до 7 университетовъ, которые произвели на меня глубокое, можно сказать, потрясающее впечатленіе. Какъ мизерны, сравнительно съ ними, показались мнѣ тогда наши профессора и даже дорогой мой К—ій? Какъ свѣтлы и широки были взгляды моихъ новыхъ знакомцевъ на міръ Божій и на людей, сколько любви къ человѣчеству проглядывало въ каждой ихъ фразѣ! Для меня это совѣщаніе было какимъ-то откровеніемъ; я сидѣлъ и больше слушалъ, какъ очарованный.

Впрочемъ, и мнѣ пришлось немало говорить, такъ какъ новые знакомцы потребовали отъ меня откровенной исповѣди. И я съ такою искренностью исповѣдался предъ ними, на какую способенъ только беззавѣтно вѣрующій въ силу таинства покаянія. Я и теперь еще страдаю застѣнчивостію и робостію, которыя тогда были, конечно, гораздо сильнѣе, но отъ нихъ тогда не осталось и слѣда, и исповѣдь моя, вылившаяся прямо изъ души, произвела на знакомцевъ пріятное и выгодное для меня впечатлѣніе. Каждый изъ нихъ спѣшилъ предложить мнѣ какія-либо услуги; всѣ же они отнеслись ко мнѣ, какъ къ равному, истинно по-товарищески. Окончательное резюме, къ которому пришло совѣщаніе, состояло въ томъ, что единственный выходъ изъ моего положенія—это поступленіе въ университетъ во что бы то ни стало. Изъ исповѣди моей они будто бы убѣдились, что при моей энергіи и выносливости всѣ встрѣтившіяся, т.-е. могущія встрѣтиться на моемъ будущемъ пути препятствія и невзгоды я легко преодолѣю самъ. Совѣщаніе, дѣйствительно, вдохнуло въ меня такую вѣру въ свои силы, какой не было у меня ни прежде, ни послѣ и которая выручила послѣ меня изъ невозможныхъ, кажется, положеній. Удивляться здѣсь нечему: извѣстно, какой громадный и величавый подъемъ охватилъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ интеллигентную молодежь, какія чудеса дѣлали эти годы. Да, то свѣтлое и радостное время непохоже было на теперешнія осеннія сумерки! Эхъ, если бы можно было хоть одинъ еще денекъ пожить тогдашней, вдохновенной жизни; тогда и умирать-то было бы легче!

Въ очарованномъ состояніи явился я домой, отецъ, догадавшись, что въ моей душѣ происходитъ что-то хорошее, съ обычнымъ своимъ спокойствіемъ только спросилъ: «ну, что, куда?» Я сказалъ: «въ университетъ».—«Ну, такъ до завтра». Этимъ и кончился памятный мнѣ по своему лаконизму нашъ діалогъ. Зато на другой день мы пробесѣдовали нѣсколько часовъ. У отца, уже достаточно пожившаго и умудреннаго житейскимъ опытомъ, на первомъ планѣ стоялъ вопросъ: чѣмъ же я буду жить? Я съ наивностію младенца отвѣчалъ: какъ-нибудь проживу. Отецъ сказалъ и доказалъ, что онъ можетъ, и то съ трудомъ, удѣлять 60 руб. въ годъ. Я въ восторгѣ началъ благодарить его, но онъ изрекъ: не за что, это твои деньги. Дѣло въ томъ, что дѣдъ большой домъ завѣщалъ мнѣ, а домъ этотъ послѣ его смерти нанимался лѣсничимъ за 60 руб. Изъ своихъ же доходовъ отецъ не могъ дать мнѣ ни гроша. Это было для меня очевидно. Село Великорѣцкое, хотя и довольно богато, издавна служило притономъ для четырехъ чиновниковъ, жившихъ, благодаря взяткамъ, широко и водившимъ съ попами

хлѣбъ—соль. Доходовъ у поповъ не хватало и они были въ долгахъ. Сократить доходы отцу было, при всемъ его желаніи, нельзя: у меня уже тогда одна сестра была невѣстой, да и другой стукнуло 15 л. Приходилось съ волками по-волчьи выть. Но я все-таки былъ счастливъ, считая себя обладателемъ во время студенчества 60 руб. Нѣсколько возражала противъ выхода моего изъ духовнаго званія мать, но доводы и авторитетъ отца рѣшили дѣло въ мою пользу.—На крыльяхъ радости, какъ сказалъ кто-то, прилетѣлъ я въ Вятку и, конечно, прямо къ К-му, у котораго нашелъ уже я программы для поступленія въ три университета и около десятка учебниковъ, доставленныхъ моими новыми знакомцами, участвовавшими въ совѣщаніи. Поселился въ бурсѣ, но скоро увидѣлъ, что въ ней оставаться нельзя и, какъ только получилъ согласіе отца, тотчасъ поселился въ городѣ подъ квартирой учителя гимназій Шимановскаго, о которомъ я упоминалъ. Пока продолжалось житіе въ бурсѣ, я съ своими учебниками бѣгалъ, какъ воръ, по разнымъ уютнымъ мѣстамъ, находившимся то на дворѣ, то за оградой семинаріи. О моемъ намѣреніи знало только наше совѣщаніе, которое рѣшило, что я, страха ради іудейска, свои планы долженъ держать подъ спудомъ до окончанія курса. Да иначе и нельзя было. Начальство стерло бы меня съ лица земли, пожалуй меня прокляли бы хоть и не публично, какъ еретика. Вѣдь такихъ оказій, какъ поступленіе въ свѣтское заведеніе, да еще въ богомерзкій университетъ, еще не бывало. Сейчасъ мнѣ пришла въ голову странная мысль, что я назначенъ судьбою для піонерства. И въ самомъ дѣлѣ мнѣ первому пришлось проложить дорожку въ университетъ; мнѣ пришлось быть піонеромъ земской медицины въ Орловскомъ уѣздѣ; я былъ піонеромъ санитарнаго бюро во Владимірѣ и, наконецъ, я застрялъ въ Верховинѣ въ качествѣ піонера вольной медицины. Товарищи подозрѣвали, что я затѣваю что-то, дѣлали подходы, но напрасно. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я искренно любилъ, но тайны не открылъ. Поводъ къ подозрѣніямъ я по необходимости подалъ имъ самъ. Я не скрывалъ, что мои принципы нравственные круто измѣнились; то, что нравилось моимъ товарищамъ, и чему я еще недавно поклонялся самъ, я теперь сталъ рѣзко порицать, и наоборотъ, порицаемое ими сдѣлалось для меня симпатичнымъ; словомъ, семинарская этика потеряла въ моихъ глазахъ всякій кредитъ и уступила мѣсто этикѣ общечеловѣческой. Это мое нравственное возрожденіе совершилось во время послѣднихъ лѣтнихъ каникулъ вскорѣ послѣ возрожденія умственнаго. Конечно, оно не могло совершиться вдругъ, по мановенію, такъ сказать, волшебнаго жезла; оно подготовлялось исподоволь и въ

немъ значительную, хотя и не главную, роль сыгралъ неистовый Виссаріонъ. Читая и перечитывая по нѣсколько разъ его безсмертныя, полныя огня и страсти критики, я частенько углублялся въ себя, сказанное о другихъ я относилъ къ своей особѣ, и мнѣ становилось ясно, что въ моей душѣ далеко не все обстоитъ благополучно. Выходило какое-то странное *qui pro quo*: съ одной стороны я благоговѣлъ предъ нравственными идеалами Бѣлинскаго, считая ихъ непререкаемо истинными; съ другой—считалъ возможнымъ къ нимъ стремиться, оставаясь самъ далеко еще не нравственнымъ человѣкомъ. Да и особенно сильныхъ побужденій къ генеральной чисткѣ души я тогда еще не видѣлъ. Хотя Бокль еще и не былъ переведенъ на русскій языкъ, но его ученіе о всякомъ преимуществѣ умственнаго совершенствованія надъ нравственнымъ я узналъ изъ какого-то журнала, и новизна ученія привела меня въ неистовый восторгъ, который раздѣлялъ со мною К-й съ братією. Хотя я тогда въ дѣлѣ религіи былъ порядочнымъ скептикомъ, но Христа продолжалъ считать величайшимъ и почти непогрѣшимымъ авторитетомъ. Припомнились мнѣ Его слова, обращенныя къ фарисеямъ, что нужно очистить сначала внутреннее, а потомъ уже внѣшнее. Еще перейдя въ философію, я изрѣдка задумывался надъ вопросами этики, но въ глубь ихъ проникнуть 14—15-лѣтнему мальчугану было не подъ силу. И то было, впрочемъ, недурно, что я началъ сознавать свое нравственное растлѣніе, чувствовать, такъ сказать, что я отъ головы до пятокъ запачканъ бурсацкою грязью. Чтобы пообчиститься отъ нея, я не прибѣгалъ пока ни къ какимъ радикальнымъ средствамъ, однако я не относился безучастно къ новымъ комьямъ грязи, а остраивалъ ихъ отъ себя, а вмѣстѣ съ ними потихоньку сбрасывалъ и старые комья. Такъ постепенно готовилось мое нравственное возрожденіе, а въ одинъ, прекрасный, а, можетъ быть, и ненастный день оно, наконецъ, и совершилось!

Какъ тогда, такъ и теперь остается для меня непостижимымъ, какимъ образомъ ничтожная причина могла быстро перевернуть вверхъ дномъ мое этическое настроеніе и произвести полное нравственное возрожденіе. Вѣроятно, легкость, съ которою оно произошло, зависѣла съ одной стороны отъ продолжительной подготовки къ нему, а съ другой—отъ того, что бурсацкая-то грязь налипла на меня лишь сверху, а не вѣлась еще въ самое нутро. Какъ-то въ «Весельчакѣ» (такъ называлось тогда одно недѣльное изданіе съ задорнымъ, обличительнымъ направленіемъ) прочелъ я рассказъ, въ которомъ выставлено напоказъ честной публикѣ страшно некрасивое нутро одного молодого чиновника изъ семинаристовъ, даже слегка не прикрытое фиговымъ листомъ приличія.

Картина нарисована была грубо, рисунокъ аляповатъ, штрихи и мазки грязны, какъ у нынѣшнихъ декадентовъ, а тѣмъ не менѣе своимъ реализмомъ она произвела на меня громадное впечатлѣніе. Для меня собственно трагизмъ разсказа заключался въ томъ, что въ этомъ юнцѣ-чиновникѣ хотя и каррикатурно, но выпукло и ѣдко осмѣяны какъ разъ тѣ же самые пороки, которые сконцентрировались во мнѣ и совершенно изуродовали мою нравственную фizioномію. Въ разсказѣ я увидѣлъ свой до нельзя несимпатичный портретъ, но зато довольно вѣрный. Точно кто-либо безъ всякой жалости хватилъ меня обухомъ по лбу: такъ тяжело было полученное мною впечатлѣніе. Я удалился въ укромное мѣстечко, припалъ къ матушкѣ сырой землѣ, досыта наплакался и нарыдался... и нравственно переродился. Такъ иногда ничтожныя причины вызываютъ величайшія послѣдствія.

Перебравшись на квартиру и неопасаясь подсматриваній и выслѣживаній со стороны товарищей, я погрузился по уши въ приготовленіе къ университету. Въ руководствахъ недостатка не было; ими въ обиліи снабжали меня новые знакомцы; въ руководителяхъ же я, пожалуй, иногда и нуждался и они нашлись бы, но я рѣшилъ до всего доходить своимъ умомъ, полагая, что пріобрѣтенныя такимъ путемъ знанія будутъ понадежнѣе. По одной только математикѣ пришлось мнѣ разъ пять обратиться за совѣтомъ къ милѣйшему Шимановскому, да и то преимущественно по его же настоянію. Онъ частенько изъ своей квартиры спускался внизъ въ мою комнату, и если заставалъ меня за занятіями математикой или физикой, то обязательно предлагалъ свои услуги. И какимъ прелестнымъ онъ былъ преподавателемъ! Вѣчная ему память! Приготовляясь къ университету основательнымъ образомъ, я, хотя и безъ всякаго интереса, продолжалъ и занятія разными богословіями. Аккуратность моя въ то время простиралась до того, что я, кажется, ниразу не явился въ семинарію, не знавши уроковъ; продолжалъ я строчить проповѣди и другія сочиненія и никогда не запаздывалъ съ ними. Вообще и въ семинаріи считали меня, какъ одного изъ лучшихъ учениковъ, кандидатомъ для посылки въ Казанскую академію. Не совѣмъ только я удовлетворялъ требованія профессоровъ разныхъ богословій. Эти господа требовали, чтобъ встрѣчающіеся въ ихъ предметахъ тексты мы заучивали изъ слова въ слово, а нѣкоторые обязывали вызубривать, помимо текстовъ, и цѣлые уроки, а уроки эти были почтенныхъ размѣровъ. Времени-то у меня на зубрежку и не стало хватать, такъ какъ собственно въ классахъ, гдѣ я обыкновенно готовилъ уроки, времени въ моемъ распоряженіи было черезчуръ мало. Одна ходьба въ семинарію и обратно отнимала у меня каждо-

дневно не менѣ двухъ часовъ. Профессора хотя и негодовали нѣсколько на меня за отвѣты мои своими словами, но совѣстились при всемъ классѣ быть несправедливыми и ставили хорошіе баллы. Послѣ, впрочемъ, они все-таки отомстили мнѣ.

Припоминая тогдашнее блаженное время, я и теперь еще дивлюсь, какъ я могъ справиться съ такою страшною обузою, какъ только не расперло мой черепъ отъ всевозможныхъ знаній, которыя я втискивалъ въ свой мозгъ! Вѣдь, за исключеніемъ закона Божія, латинскаго языка, да кое-какихъ обрывковъ изъ славянской и русской грамматикъ, весь гимназическій семилѣтній курсъ я долженъ былъ пройти въ одинъ годъ. Отъ безтолковаго зубренія по допотопнымъ учебникамъ гимназическихъ предметовъ у меня въ головѣ буквально ничего не осталось. Я хорошо помню, что въ то время каждая, такъ сказать, строка въ гимназическихъ руководствахъ являлась для меня открытіемъ. А при этомъ еще одновременно предстояло штудировать, хоть и не основательно, богословскія науки. Мало этого: я у сна урывалъ еще время для переписыванія, производившихъ тогда не въ одной Вяткѣ фуроръ: письма Бѣлинскаго къ Гоголю, лекцій Фейербаха и знаменитаго сочиненія Бюхнера: *Kraft und Stoff*. Право же ужасъ пробираетъ даже и теперь! Но зато и работалъ же я! Когда садился я за книгу, кромѣ нея ничего уже не видѣлъ и не слышалъ. Не разъ Шимановскій говорилъ К-му: придешь къ Савушкѣ (такъ онъ звалъ меня), постоишь за его стуломъ, иногда и кашлянешь, а онъ и ухомъ не поведетъ; ну и уйдешь во-свояси. И, дѣйствительно, никогда, кажется, такъ напряженно не работалъ, какъ тогда. Моя богатырская натура, еще не надломленная разными недугами, была необыкновенно вынослива; врядъ ли я тогда испытывалъ умственное утомленіе; въ прогулкахъ, сопровождающихся ничего недѣланіемъ, я не нуждался, такъ какъ и во время хожденія въ семинарію и обратно я продолжалъ готовиться въ университетъ. Успѣшной подготовкѣ къ нему много помогла регулярность моихъ занятій; я составилъ ихъ расписаніе, не только по часамъ, но и полчаса принимались даже въ расчетъ. Я работалъ даже и за ѣдой. Хорошо, напр., помню, что по расписанію время обѣдовъ и ужиновъ отведено было русской исторіи, и я, дѣйствительно, осилилъ ее всю во время ѣды. Воскресенье я, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ часовъ, употреблялъ на повтореніе пройденнаго за шесть 6 дней. Для повтореній по каждому предмету я составлялъ нѣчто въ родѣ конспектовъ, часть которыхъ постоянно таскалъ въ карманѣ; ими-то и пользовался я какъ во время хожденій въ семинарію, такъ иногда даже и въ классахъ, куда, конечно, было неловко яосить учебники. Конспекты же не возбуждали подозрѣній.

Продолжалъ брать и книги у К-го, но только читалъ ихъ, такъ сказать, съ нѣмецкой выдержкой. Дѣло въ томъ, что, кромѣ общаго расписанія часовъ для занятій, у меня было составлено особое еще расписаніе по каждому предмету, т.-е. впередъ было определено, сообразуясь съ университетской программой, сколько изъ него я долженъ приготовить въ назначенное время. Если мнѣ удавалось, напр., определенный урокъ осилить въ $1\frac{1}{2}$ час., а по расписанію на него назначено 2 ч., то выгоданные такимъ образомъ $\frac{1}{2}$ часа я и посвящалъ чтенію. Ему же отдавалъ я часть того времени, которое каждое воскресенье проводилъ въ библіотекѣ, а другую часть дѣлилъ между К-мъ и новыми его и моими знакомцами. Къ нимъ въ дома я почти не ходилъ, а встрѣчался съ ними у К-го въ особой комнатѣ при библіотекѣ, куда могли входить только избранные. Эти послѣдніе приходили въ завѣтную комнату въ определенный часъ. Кому-нибудь изъ насъ К-ій вручалъ «Колоколъ» Герцена, и тотчасъ же начиналось его чтеніе, за которымъ, конечно, слѣдовали разговоры; затѣмъ мы одинъ по одному переходили въ общій кабинетъ для чтенія, гдѣ уже каждый просматривалъ новые журналы и газеты въ одиночку и, наконецъ, въ 4—5 час. вечера расходились всѣ по домамъ. Отъ одного воспоминанія объ этихъ воскресеньяхъ болѣзненно и сладостно застучало мое больное сердце.

Думается, что регулярности, необычайной напряженности въ трудѣ и кое-какихъ моихъ способностей было бы еще мало, чтобы осилить то, что я осилилъ въ то благодатное, замѣчательное общимъ подъемомъ духа, время. Тогда въ эти золотые дни и, пожалуй, даже годы, только недолгіе, когда даже мелкія сошки, захваченныя новымъ вѣяніемъ конца 50-хъ годовъ становились чуть не Геркулесами и дѣлали такія дѣла, о которыхъ бы въ другое тусклое время и помыслить не смѣли,—мудрено ли, что мнѣ, привыкшему къ трудамъ и умнымъ, и бессмысленнымъ, крѣпко закаленному для борьбы, удалось такое, повидимому, необычайное дѣло, какъ одолѣніе въ теченіе года того, на что полагается 7 лѣтъ? Вѣра въ свои силы была необыкновенная, а энергіи скопилось во мнѣ тогда такъ много, что, пожалуй, не мѣшало бы ее немного и убавить. Кажется въ іюнѣ я произвелъ себѣ генеральную репетицію и на всѣ вопросы программы могъ отвѣчать удовлетворительно. Но семинарская застѣнчивость моя была еще слишкомъ велика; мнѣ почему-то стало казаться, что я плохо подготовленъ; появилось даже нѣчто въ родѣ трусости, вовсе несвойственной мнѣ. Тогда-то милѣйшій Шимановскій, чтобы положить конецъ моему довольно тяжелому положенію, выкинулъ оригинальную штуку. Въ одинъ вечеръ (кажется въ началѣ іюля) посылаетъ

онъ за мной. Прихожу и застаю у него цѣлый ареопагъ учителей гимназіи; знакомлюсь съ ними и, ничего не подозрѣвая, присаживаюсь къ чайному столу. За чаемъ Ш-ій сообщаетъ мнѣ, что, для моего успокоенія, онъ съ товарищами рѣшилъ произвести мнѣ строгій экзаменъ. Сначала я было опѣшилъ отъ неожиданности, а потомъ и возрадовался. Да и какъ не порадоваться? Вѣдь гораздо расчетливѣе было провалиться на домашнемъ и тайномъ экзаменѣ, чѣмъ со срамомъ возвратиться вспять изъ Москвы. Часа четыре, если не больше, педагоги пробирали меня нещадно,—я и самъ просилъ ихъ не щадить меня,—и единогласно признали, что я съ честью выдержалъ искусь и что будто бы очень немногіе гимназисты, получающіе право на поступленіе въ университетъ безъ экзамена, обладаютъ такими солидными знаніями, какъ я. Сравнивая этотъ экзаменъ съ экзаменомъ въ Москвѣ, я воочію убѣдился, что первый былъ далеко построже послѣдняго. Я совершенно успокоился.

И въ семинаріи экзаменъ прошелъ для меня благополучно. Но начальство не утерпѣло, чтобъ не подгадить мнѣ. По годовымъ и экзаменнымъ отмѣткамъ я былъ поставленъ высоко, но въ совѣтъ профессора, негодовавшіе на меня за мои отвѣты своими словами, вооружились противъ меня, но ихъ голосъ не имѣлъ бы значенія, если бы ихъ не поддержалъ всесильный инспекторъ. Онъ категорически заявилъ, что мое поведеніе неблагонадежно и что я не могу быть выпущенъ въ первомъ разрядѣ. Противъ этого veto большинство профессоровъ, отстаивавшихъ меня, не могли возражать, ибо у насъ поведеніе ставилось гораздо выше ученія. А вѣдь единственный мой нелегальный поступокъ состоялъ въ куреніи табаку, за которое я давно уже отсидѣлъ 2 дня на букетѣ. Но послѣ оказалось, что я былъ сугубо наказанъ вовсе не за куреніе, а за переѣздъ на квартиру изъ семинаріи. Итакъ, семинарія, какою была для меня за всѣ 6 лѣтъ, такою же оказалась и при выпускѣ: она все время была для меня не alma, а dura mater. Хорошо еще, что начальство не знало о моемъ намѣреніи поступить въ университетъ, а знай оно объ этомъ, то оно могло бы напакостить мнѣ побольше. При всей его несправедливости оно, однако, выпустило меня первымъ во второмъ разрядѣ и такимъ образомъ лишило званія студента, но оно могло меня помѣстить и въ конецъ второго разряда. Это была его воля, противъ которой никакіе протесты невозможны. Обидно было мнѣ лишиться незаслуженно студенчества, но не очень, такъ какъ я послѣ секретнаго экзамена считалъ уже себя студентомъ университета. Кажется, болѣе меня обидѣлись за несправедливость, причиненную мнѣ, мои товарищи. Болѣе тяжелое чувство испы-

талъ я при полученіи аттестата; въ немъ поведеніе мое названо только добропорядочнымъ, что рекомендовало меня не совсѣмъ-то хорошо. Тутъ самообладаніе оставило меня, и я сказалъ инспектору какую-то дерзость. Онъ позеленѣлъ отъ злости и вздумалъ припугнуть меня тѣмъ, что ты, дескать, изъ моихъ рукъ еще не вышелъ, и я проучу тебя за дерзость. Поздно, да и руки у васъ коротки, отвѣтилъ я. Я ѣду въ университетъ. Инспекторъ и ротъ разинулъ. На этомъ покончились мои отношенія къ семинаріи и ея инспектору. Пока я былъ съ прощальнымъ визитомъ у двухъ лучшихъ профессоровъ, не разѣхавшіеся еще семинаристы (многіе уже успѣли уѣхать), узнавъ о моемъ намѣреніи, порядочной толпою проводили меня почти до города и, повидимому, на прощаньи отъ чистаго сердца снабдили меня громадою благихъ пожеланій.

Нужно было торопиться въ Москву къ экзамену, о времени котораго мои знакомцы получили неопредѣленные свѣдѣнія; я зналъ только, что онъ будетъ происходить въ августѣ. Денегъ у меня было только рублей 70, на которые я долженъ и до Москвы доѣхать и жить цѣлый годъ. Въ видахъ экономіи я пристроился къ извозчикамъ, которые везли товаръ въ Нижній, до котораго я дотащился на 14 сутки, и за это удовольствіе заплатилъ 12 или 13 руб. Отъ Нижняго до Москвы ѣхалъ я на задкѣ дилижанса, т.-е. въ какомъ-то курятникѣ, придѣланномъ къ подушкѣ задней оси. За половину этого курятника (въ другой сидѣлъ хмурый, молчаливый мужикъ) содрали съ меня 7 руб. Въ самомъ дилижансѣ помѣщалось 6 пассажировъ, по виду мѣщанъ или мелкихъ купцовъ. Для перемѣны лошадей дилижансъ останавливался на постоянныхъ дворахъ, гдѣ пассажиры и трапезовали довольно роскошно. Я не принималъ участія въ ихъ трапезахъ, а довольствовался однимъ сухояденіемъ, и то крайне скуднымъ. Вѣроятно, это обратило на меня вниманіе моихъ спутниковъ; пошли обычные разспросы, разговоры и пр. и послѣ 2—3 остановокъ я уже встрѣчался съ ними на постоянныхъ дворахъ, какъ съ давними знакомыми. Одинъ изъ нихъ, оказавшійся послѣ (мѣсяца черезъ 4) знаменитымъ жуликомъ, простеръ свою внимательность ко мнѣ до того, что предложилъ мнѣ въ своей квартирѣ особую комнату за 4 руб. ассигн. въ мѣсяцъ, т.-е. за 1 руб. 15 коп. Съ радостію я принялъ предложеніе и разсыпался въ благодарностяхъ. Да и какъ не радоваться? Москва была для меня темнымъ, дремучимъ лѣсомъ; въ ней не было у меня ни одной души знакомой, а тутъ вдругъ объявился и добрый участливый знакомый и дешевая комната. Да, свѣтъ не безъ добрыхъ людей!

Наконецъ-то, на 19-й день послѣ выѣзда изъ Вятки, очутился я

въ бѣлокаменной, златоглавой Москвѣ и, не заѣзжая въ гостиницу, прямо направился въ свою четырехрублевую каморку.

На другой день по приѣздѣ отправился я съ своими документами въ университетъ. Страхъ и трепеть обуяли меня, когда я вступилъ на дворъ *almae matris*. Хотя знакомцы еще въ Вяткѣ не разъ говорили мнѣ, что въ университетѣ не придають особеннаго значенія семинарскимъ аттестатамъ, но «добропорядочное поведеніе» порядочно-таки мучило меня еще дорогой. Но когда я съ прошеніемъ и документами предсталъ предъ свѣтлыя очи ректора Альфонскаго, меня взяла такая оторопь, подобную которой я не испытывалъ во всю жизнь, хотя мнѣ приводилось бывать въ такихъ положеніяхъ, когда смерть смотрѣла мнѣ прямо въ глаза. Хорошъ же должно быть я былъ, если Альфонскій, это олицетвореніе флегмы, привскочилъ и налилъ мнѣ стаканъ воды, отъ нѣсколькихъ глотковъ которой я замѣтно поуспокоился, хотя дрожь еще продолжалась. Далѣе со мною произошло то, что можно выразить афоризмомъ: отъ печальнаго до комическаго одинъ шагъ. Когда я нѣсколько поуспокоился, то, подавая прошеніе, развернулъ и свой аттестатъ, указалъ въ немъ на «добропорядочное поведеніе» и жалобнымъ голосомъ промолвилъ: «необращайте Ваше Пр-во вниманія на эту аттестацію; она сдѣлана инспекторомъ по злобѣ на меня». Только что я кончилъ эту глупую фразу, какъ ректоръ, Анке и третій членъ правленія разразились раскатистымъ хохотомъ. Я снова опѣшилъ, но уже отъ недоумѣнія: чему, дескать, они обрадовались. Затѣмъ ректоръ наложилъ резолюцію, пожелалъ мнѣ счастливо кончить экзаменъ и, улыбаясь, сказалъ: «надѣюсь, что вы будете отличнымъ студентомъ; дурно аттестованные семинаристы всегда оказывались и въ университетѣ, и послѣ него прекрасными людьми». Изъ правленія я прямо пошелъ въ новый университетъ, гдѣ въ этотъ же день сдалъ экзаменъ изъ какихъ-то двухъ предметовъ. Въ нѣсколько дней я покончилъ всѣ экзамены почти блистательно. Прибавляю: «почти» потому, что изъ французскаго языка за неумѣніе писать подъ диктантъ лекторъ Пако влѣпилъ мнѣ дубину, которая не повредила мнѣ, ибо потомъ (въ тотъ же, впрочемъ, день) я изъ греческаго языка (которымъ можно было замѣнить французскій языкъ) получилъ 5. Пробирали насъ на экзаменѣ, какъ говорили тогда старые студенты, жестоко; это видно изъ того, что изъ 180 съ чѣмъ-то абитуриентовъ принято только 37. Но на мой взглядъ секретный экзаменъ въ Вяткѣ былъ построже московскаго.

Началъ я затѣмъ тратить свой капиталъ, который по прибытіи въ Москву оказался очень мизернымъ: у меня оставалось всего

около 50 руб. Изъ нихъ прежде всего поспѣшилъ внести 25 руб. въ университетъ; затѣмъ съ помощію хозяина на толкучкѣ купилъ мундиръ изъ гвардейскаго сукна и съ краснымъ воротникомъ, который тутъ же на толкучкѣ при мнѣ продавецъ замѣнилъ скорѣе зеленымъ, чѣмъ синимъ воротникомъ, но до такой степени узкимъ, что его нисколько не видно было изъ-подъ воротника моего сѣраго толстаго сукна пальто. Когда я отдалъ еще деньги за квартиру, за прописку въ кварталѣ университетскаго билета, то у меня осталось только 17 р., да громадныя надежды на авось, да какъ-нибудь. На эти деньги мнѣ предстояло прожить почти цѣлый годъ. И я по одежкѣ протягивалъ ножки. За весь годъ я и пятака не истратилъ на чай и сахаръ, да и чаевать-то было не изъ чего, такъ какъ квартиру я нанималъ безъ самовара, прислуги и даже безъ воды, которую самъ каждодневно носилъ изъ колодца. Пища моя состояла сначала изъ ржаного хлѣба съ патокой, а когда послѣдняя наскучила, то я замѣнилъ ее творогомъ. Какъ православный христіанинъ, я съ почтеніемъ относился къ праздникамъ: каждое воскресенье я отправлялся послушать церковное пѣніе (къ которому я всегда былъ равнодушенъ) въ университетскую церковь, гдѣ тогда пѣли чудовскіе пѣвчіе, или въ Кремль. Послѣ же обѣдни я отправлялся обѣдать въ такъ называемую царскую кухню, т.-е. на толкучку. Здѣсь на открытомъ воздухѣ подъ шатромъ небеснымъ за 5 коп. я съѣдалъ обѣдъ изъ двухъ мясныхъ блюдъ: горячаго и чего-то какъ-будто похожаго на мясо—и такъ плотно наѣдался, что обходился въ эти дни безъ ужина. Года 2—3 назадъ какой-то санитарный врачъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» бульонку, которую я называлъ горячимъ, раскритиковалъ въ пухъ и прахъ и о приготовленіи ея сообщилъ такія подробности, что многихъ барышень, вѣроятно, отъ одного чтенія его критики не разъ стошнило. Да и, вообще, всѣ кушанья, подаваемые въ царской кухнѣ, онъ смѣшалъ съ грязью. Можетъ быть, въ послѣдніе годы дѣйствительно стали кормить скверно, но я, по совѣсти говоря, кухней былъ очень доволенъ. Обѣдалъ я всегда у одной и той же старушки—Феклы Зотовны—(имя-то ея даже не забылъ), и она за мое постоянство кормила меня лучше, чѣмъ другихъ и даже отпускала кушанья въ долгъ. Бѣлье я стиралъ самъ прямо на Москвѣ-рѣкѣ, на берегу которой жилъ.—Съ наступленіемъ осени расходы мои должны были немного увеличиться на освѣщеніе. Тогда только что какой-то Шандоръ изобрѣлъ лампы керосиновыя, называвшіяся шандориновыми. Отъ товарищей узналъ я, что освѣщеніе шандориномъ обходится вдвое дешевле, чѣмъ сальными свѣчами,—и я поспѣшилъ сдѣлать покупку, хотя и горько мнѣ было запла-

тить за простенькую лампу, которая теперь стоитъ не болѣе 50 к., что-то около 3-хъ руб. Но расходъ этотъ покрылся скоро съ лихвою. Поздравляя меня съ поступленіемъ въ университетъ, отецъ въ избыткѣ радости послалъ мнѣ 5 руб. Въ этомъ же письмѣ онъ сообщилъ, что моя старшая сестра просватана, что по этому случаю долги его значительно возрасли и что онъ едва ли въ состояніи будетъ черезъ годъ выслать обѣщанные 60 руб., а потому и предлагаетъ мнѣ перейти изъ университета въ московскую духовную академію, гдѣ студенты пользуются полнымъ казеннымъ содержаніемъ. Къ чести отца нужно сказать, что на этомъ онъ вовсе не настаивалъ. Прошло не болѣе 2—3 недѣль, какъ я получаю новое письмо отъ отца. Екнуло мое сердце, почуявъ, что это навѣрное грамотка невеселая. Еще дома мы рѣшили переписываться какъ можно рѣже, не писать поздравительныхъ писемъ совсѣмъ и вообще эту роскошь позволять себѣ только въ важныхъ случаяхъ. Отецъ справедливо говорилъ, что 10 коп. (тогда письмо стоило еще не 7, а 10 к.) тратить на безсодержательное письмо не стоитъ и что если нѣтъ писемъ, то значить все обстоитъ благополучно. Поэтому-то и дрогнуло мое сердце при полученіи письма отъ отца. Дѣйствительно, письмо было очень тяжелое; въ немъ сообщалось, что оба наши дома со всѣми многочисленными службами, а равно и нѣкоторая часть движимаго имущества сгорѣла дотла; остался только одинъ овинъ. Конечно, ничто не было застраховано. Къ счастью пожаръ, случился уже послѣ свадьбы сестры, когда она, забравъ свое приданое, уѣхала съ мужемъ въ другое село. Хорошо также вышло и то, что пожаръ начался съ моего большого дома, гдѣ жилъ лѣсничій, а потому мои родные, жившіе во флигелѣ, успѣли повытаскать почти половину имущества. Горько было это извѣстіе для меня, но вѣдь горемъ бѣду не поправишь. Приходилось серьезно подумать о томъ, какъ и чѣмъ жить. Съ гордостію припоминаю, что я не смалодушествовалъ и что мысль о переходѣ въ академію,—столь выгодномъ въ матеріальномъ отношеніи, я совсѣмъ устранилъ и порѣшилъ бороться съ нуждою во что бы то ни стало.

Какъ-то изъ Вятки еще я послалъ въ Москву статейку въ издававшуюся тогда газету «Наше Время». О содержаніи ея я совсѣмъ забылъ, но помню хорошо, что она была напечатана безъ редакціонныхъ поправокъ и, конечно, безъ упоминанія моей фамиліи. О статьѣ зналъ, и то подъ секретомъ, одинъ только Красовскій, но онъ тоже, вѣроятно, подъ секретомъ сообщилъ объ авторѣ губернатору Муравьеву (отцу теперешняго министра и сыну извѣстнаго Виленскаго). Гонорара за статью я не получилъ, да и не помышлялъ о немъ, если не считать гонораромъ губерна-

торскій завтракъ, на которомъ я присутствовалъ вмѣстѣ съ К-мъ, очень дружнымъ съ Муравьевымъ.

Выходя на борьбу съ нуждой, я припомнилъ о своемъ дебютѣ въ газетѣ и возымѣлъ продерзостную мысль приложить пріобрѣтенную мною въ семинаріи высокопарную витіеватость къ газетному дѣлу. Здѣсь я долженъ, хоть и со срамомъ, немного возвратиться вспять. Еще во время пребыванія въ философіи я почему-то вообразилъ, что самъ Аполлонъ приходится мнѣ сродни и, — каюсь со стыдомъ — потому, вѣроятно, началъ вытягивать изъ себя вирши, благо подборъ и плетеніе рифмъ давались мнѣ тогда нетрудно. Бумаги измаралъ я много, потому что былъ глупъ премного. И Боже мой! какихъ только нелѣпостей я не изрыгалъ тогда на бумагѣ! Писалъ я и «къ ней» и къ лунѣ, воспѣвалъ, сидя въ Вяткѣ, красоты юга, бушующее море, звѣздныя упоительныя и ароматныя ночи, а позднѣе сталъ касаться и гражданскихъ мотивовъ. Болѣе родственнымъ для себя я считалъ лирическій родъ съ меланхолическимъ оттѣнкомъ, не брезговалъ и дидактикой, ударялся и въ комизмъ и даже въ трагизмъ; однимъ словомъ глумилъ во всѣхъ родахъ поэзіи, или, точнѣе сказать, рифмоплетства. Былъ, впрочемъ, написанъ мною прозою одинъ крошечный разсказъ изъ крестьянскаго быта и одинъ изъ жизни вятскаго мѣщанства. Оба разсказа взяты съ натуры. И вотъ я, вооружившись кипой измаранной мною бумаги, направилъ стопы свои въ редакцію «Нашего Времени». Съ собой я захватилъ какъ-то уцѣлѣвшее у меня письмо редакціи съ извѣщеніемъ, что статья моя будетъ напечатана. Редакторомъ и издателемъ «Нашего Времени» былъ тогда Н. Ф. Павловъ, довольно извѣстный въ свое время литераторъ и журналистъ, а еще болѣе извѣстный, какъ мужъ поэтессы и переводчицы Каролины, по отцу Янишъ.

О Павловѣ извѣстно еще было, что онъ любилъ и умѣлъ жить большимъ бариномъ, что его обѣды были не хуже Лукулловскихъ и что онъ жилъ на широкую ногу, благодаря богатству своей Каролины, которая, носясь въ заоблачныхъ мірахъ, считала недостойнымъ себя дѣломъ управленіе своими богатыми имѣніями и потому передала его всецѣло въ руки мужа. Сама же газета шла неважно, а въ 60-е годы и совсѣмъ близилась къ упадку. Обо всемъ этомъ я узналъ уже позднѣе. Рекомендуюсь Павлову и представляю ему письмо редакціи. Онъ, позѣвывая и нехотя, сталъ предлагать обыденные вопросы, а потомъ ребромъ поставилъ вопросъ: что мнѣ надо? Какъ самый неуклюжій, застѣнчивый семинаристъ, я оробѣлъ и началъ что-то безсвязно бормотать, а въ концѣ-концовъ преподнесъ плоды своей музыки. Съ ироніей Павловъ, перелистовавъ мои тетрадки, проговорилъ: бумаги-то

что исписали! Если ваши стихи окажутся не хуже Пушкинских и если вамъ заплатить, какъ Смирдинъ платилъ Пушкину, то мало, пожалуй, будетъ и 50,000 руб., чтобъ расплатиться съ вами. Зайдите черезъ недѣлю. Являюсь аккуратно. Павловъ, должно быть, за завтракомъ пропустилъ малую толику, а потому и принялъ меня чрезвычайно ласково. Помню, что тогда я первый разъ въ жизни выпилъ стаканъ прекраснаго кофе (дома изрѣдка подавался кофе, но не настоящій, а цикорный). Много Павловъ разспрашивалъ меня о житьѣ-бытьѣ, любезничалъ, острилъ, словомъ обворожилъ меня. Затѣмъ чисто по-товарищески, безъ покровительственнаго тона говорить: вы мнѣ очень понравились; позвольте ли мнѣ быть совершенно откровеннымъ? Конечно, и отвѣтилъ утвердительно. Тогда онъ съ захватывающею искренностію сказалъ мнѣ: бросьте стихи, если не совсѣмъ, то хотя на пять лѣтъ. Таланта поэтическаго у васъ нѣтъ; одной гладкости стиховъ еще мало. Проза лучше, но и ею писать погодите; нужно поучиться, понаблюдать и пожить подольше. Ее я беру, но только дамъ ей другую форму. Извольте за нее и за прежнюю статью получить 4 руб. 50 коп. А чтобы совѣтъ мой крѣпче удержался въ памяти, я напишу въ вашей тетради стихи Пушкина. Только не сердитесь. Отдалъ Павловъ 4 руб. 50 коп. и на прощаньи суетъ мнѣ въ руку какую-то ассигнацію. Я съ волненіемъ сказалъ ему: извините меня, но я подавніями жить не желаю; я ищу только работы, трудиться я готовъ, на сколько силъ и умѣнья хватить, но отъ даровой помощи рѣшительно отказываюсь. «Вотъ какъ», проговорилъ онъ, какъ большой баринъ, но сдѣлавъ видимо надъ собою усиліе, продолжалъ: «какую же работу вамъ дать? самую подходящую былъ бы урокъ,—и я при моемъ обширномъ знакомствѣ могъ бы его доставить, но посмотрите только на свой костюмъ; въ немъ нельзя явиться въ порядочный домъ. У насъ вѣдь по платью встрѣчаютъ. Впрочемъ, оставьте свой адресъ; авось найдется урокъ въ такомъ домѣ, гдѣ на умъ обращаютъ больше вниманія, чѣмъ на костюмъ». А я не могъ не согласиться, что у меня костюмъ былъ, дѣйствительно, неважный; одни смазные сапоги, попахивавшіе дегтемъ, нервную барыню довели бы, пожалуй, до дурноты. Какъ ни обидны были для моего самолюбія слова Павлова о моихъ поэтическихъ потугахъ, я скоро согласился съ правдивостію ихъ и призналъ себя неспособнымъ къ писательству не только стиховъ, но и прозы. Только много лѣтъ спустя я еще разъ попробовалъ свои силы въ литературѣ, конечно, подъ псевдонимомъ, но, несмотря на снисходительность критики, самъ созналъ, что изъ меня никогда не выйдетъ даже третьестепенный писатель. Правда охота-то была смертная, но

участь вышла горькая. И такъ про свой дебютъ на литературномъ поприщѣ я могу выразиться словами Кречинскаго: «сорвалось».

Едва не забылъ сказать о написанныхъ въ моей тетради стихахъ Пушкина. Вотъ они:

Піитику прошедь,
Крылатаго Пегаса
Нашъ Кутейкинъ осѣдлалъ.
Онъ мнилъ взлетѣть на верхъ горы Парнаса,
Но быстрый конь на колокольню отомчалъ.

Великое спасибо Николаю Филипповичу, что онъ такъ ловко вышибъ поэтическую дурь изъ моей головы. Въ этой исторіи обиднѣе всего было для меня предложеніе подаянiя, но и эту обиду я скоро забылъ, принявъ во вниманіе, что Павловъ поступилъ такъ, какъ поступаютъ большіе бояре, въ средѣ которыхъ онъ вращался. Знакомство мое съ нимъ на этомъ и кончилось.

Заработокъ въ 4 руб. 50 коп. мало поправилъ мои тощiе финансы и тѣмъ болѣе, что я добрую половину ухлопалъ подъ Сухаревой на покупку самыхъ необходимыхъ учебниковъ по медицинѣ. Съ первыхъ же лекцій я убѣдился, что будь я хоть семи пядей во лбу, а все-таки ограничиваться однимъ слушаніемъ лекцій безъ повторенiя ихъ дома невозможно. Тогда-то я и положилъ начало своей библіотекѣ, хотя отлично сознавалъ, что она отнимаетъ у меня послѣднія крохи отъ хлѣба насущнаго. Чтобы поддерживать обычное для меня жизнерадостное настроеніе, я, шутя, утѣшалъ себя каламбуромъ, что духовный хлѣбъ при нуждѣ можетъ замѣнить хлѣбъ обыкновенный. Однако, шутки шутками, а мысль о хлѣбѣ насущномъ настойчиво преслѣдовала меня. Какъ бы ни была велика вѣра въ себя и рѣшимость терпѣть и бороться до послѣдняго истощенiя силъ, однако ихъ было мало для того, чтобы быть настоящимъ студентомъ. Обычные способы, въ родѣ объявленiя о желанiи получить урокъ, или какую-либо другую работу были испробованы, но безъ толку. Тогда озарила меня блестящая мысль пустить въ ходъ трудъ физическій, если не нашлось приложенiя для труда интеллигентнаго. Въ университетъ и обратно каждый день я проходилъ по набережной Москвы-рѣки и неоднократно любовался, какъ ломовые крѣпичники съ барокъ перетаскивали кули овса, крупы и муки въ расположенные по набережной лабазы (между Воспитательнымъ домомъ и Москворѣцкимъ мостомъ). Давно уже я созналъ, что всякій трудъ, лишь бы онъ былъ честенъ, не унижаетъ человѣка и потому, отложивъ въ сторону всякія амбиціи, я въ одно утро, проходя по набережной, спустился на барку и предложилъ одному, видимо, страшно уставшему крѣпичнику отдохнуть, пока я за него нѣсколько кулей стащу въ лабазъ. Предложеніе мое ошеломило крѣпичника

и его товарищей; пришлось мнѣ выслушать даже нѣсколько обидно-сальныхъ остротъ, однако дѣло кончилось тѣмъ, что для пробы навалили на мою спину куль овса пудовъ въ 5—6. Я, играючи и нисколько не сгибаясь подъ тяжестью, стащилъ его на гору въ лабазъ. Дѣйствительно, тяжесть эта показалась мнѣ очень легкой. Возвратясь на барку, я попросилъ навалить на меня куль потяжеловѣснѣе. Поташилъ я девятипудовый куль крупы и опять не почувствовалъ особой тяжести. Вмѣсто остротъ мнѣ стали оказывать уже любезное вниманіе. Между тѣмъ, уже и наверху, т.-е. по лабазамъ, быстро пробѣжалъ слухъ, что баринъ, дескать, такъ легко таскаетъ кули, что заткнетъ за поясъ и крючниковъ. Хорошо не помню, но полагаю, что едва ли я успѣлъ стащить 4—5 кулей, какъ одинъ благообразный и добродушный купецъ спросилъ меня: ты что же побаловаться хочешь, или въ сурьезъ? Я отвѣчаю, что радъ работѣ и что мнѣ пріятно зарабатывать малую толику хоть каждый день, но только я не могу работать, какъ крючники съ утра до вечера, такъ какъ съ 9 до 2-хъ час. есть у меня другая служба. Тутъ я что-то навралъ насчетъ ея, но и виду не показавъ, что я студентъ. Это сдѣлать было тѣмъ легче, что синій воротникъ моего вицъ-мундира былъ такъ узокъ, что его нисколько не видно было изъ-подъ воротника пальто. Свѣтло же сѣрое пальто, какъ нельзя болѣе, было удобно для работы, ибо мучные кули не оставляли на немъ замѣтныхъ слѣдовъ. Нѣсколько недѣль продолжалась моя работа; уже рѣка подернулась льдомъ, а я все-таки еще таскалъ кули, такъ какъ, за тѣсною лабазовъ, купцы не спѣшили съ выгрузкою баржъ. Получалъ я по 2 и по 2½ коп. съ куля и въ день зарабатывалъ до 50 коп., а если работалъ въ два пріема, то и до 70 коп. Перезнакомился я со всѣми лабазниками, а съ благообразнымъ старцемъ вошелъ даже и въ пріятство. Знали они меня подъ именемъ Ивана, кажется, Петровича, и у крючниковъ я сталъ тоже своимъ человѣкомъ. Кули значительно поправили мои финансы: я не только безбѣдно жилъ, пока былъ заработокъ, но скопилъ даже капиталецъ на прожитіе въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ. А тутъ еще подоспѣла для меня новая и великая радость. Пожаръ, истребившій наши дома, разжалобилъ даже безчувственную духовную консисторію; она выдала отцу удостовѣреніе, что онъ не можетъ содержать меня въ университетѣ. Свидѣтельство это я представилъ ректору и онъ призналъ его достаточнымъ для освобожденія меня отъ взноса 25 руб. за 2-ю половину учебного года. Къ моему счастью, тогда не были еще опубликованы жестокія правила для студентовъ, послужившія одною изъ причинъ студенческой исторіи осенью 61 года, а потому и освобожденіе отъ платы совершалось

легко. Однимъ словомъ, я благодумствовалъ, а подъ вліяніемъ этого благодушія немного увеличилъ и расходы на питаніе. Въ царскую кухню я ходилъ обѣдать не по праздникамъ только, но нерѣдко и въ будни, да и проѣдать сталъ побольше, особенно въ дни усиленной физической работы. Игра съ кулями сильно повышала аппетитъ, да и пищи требовала болѣе питательной. Мнѣ уже недостаточно было патоки, или творогу съ хлѣбомъ, а невольно какъ-то тянуло въ царскую кухню.

Къ веснѣ 61 г. мои текущіе и резервные капиталы почти начисто истощились зимою, и въ началѣ весны работа не наклеивалась. Попадалась, правда, да и то случайно, мелкая работишка и все у тѣхъ же добрыхъ лабазниковъ. Приводилось то счета свѣрять, то книги по разнымъ записямъ провѣрять и пр., но и такая работа встрѣчалась рѣдко: заработаешь, бывало, 20—30 к., да недѣлю и ждешь новой работишки. А тутъ еще пришлось горькимъ опытомъ убѣдиться, что бѣда не приходитъ одна. На моихъ крѣпчайшихъ смазныхъ сапогахъ появились на самыхъ видныхъ мѣстахъ почтенныхъ размѣровъ вентиляторы; не только толстѣйшія подошвы, но даже и подковки на каблукахъ о московскія мостовыя почти начисто истерлись, а самые сапоги уже нисколько не отвѣчали своему назначенію. Дешево купленный на толкучкѣ вицъ-мундиръ обнаружилъ крупные изъяны, для сокрытія которыхъ я прилагалъ массу труда, чернилъ (для закрашивания) и художественнаго творчества. Невыразимыя оказались едва ли въ лучшемъ положеніи. Только пальто, сшитое изъ гвардейскаго солдатскаго сукна, продолжало еще служить вѣрою и правдою. Пришлось произвести сортировку и расцѣнку всего моего движимаго имущества. Подушка съ наволочками, ситцевое, какъ теперь точно вижу, очень искусно изъ разныхъ лоскутковъ составленное милыми сестрами одѣяло, простыни, рубахи, за исключеніемъ двухъ перемѣнъ, подштанники признаны мною совершенно излишнею роскошью, а потому и проданы на толкучкѣ, конечно, за безцѣнокъ. Той же участи подвергся и дѣдовъ громадный чемоданъ, ибо, за продажей содержимаго, онъ оказался также ненужнымъ, хотя, впрочемъ, онъ и служилъ мнѣ матрацомъ. По случаю наступленія длинныхъ дней лампа также была признана лишнею. Имущества, кажется, немало; только денегъ пришлось получить за него что-то ужъ очень мало, около 7 или 8 рублей. Этими деньгами можно было только немного отдалить, но не устранить финансовый кризисъ. Немало я задумывался тогда, искалъ разные выходы изъ него, но толку не было. Случай, который не разъ выручалъ и прежде меня изъ бѣды, пришелъ на выручку и теперь. Чтобы быть

понятнымъ, я долженъ сдѣлать прыжокъ назадъ. Кажется, я забылъ выше сказать, что нѣсколько недѣль былъ я студентомъ-филологомъ, а сдѣлался я имъ по просьбѣ проф. Меньшикова, удивившагося моимъ яко бы хорошимъ познаніемъ въ греческомъ языкѣ. Не по вкусу пришлась мнѣ филологія, и я въ октябрѣ уже перекочевалъ на медицинскій факультетъ. Значить, явился я въ медицинскія аудиторіи уже въ то время, когда товарищи перезнакомились между собою, а я ихъ и въ лицо еще не зналъ. Меня же они скоро узнали и запомнили, какъ послѣ говорилъ мнѣ Н. И. Лукьяновъ. Мое переселеніе на медицину приблизительно совпало съ моею работою на Москвѣ рѣкѣ. Какъ-то разъ прихожу я на лекцію Гивартовскаго и усаживаюсь, по обычаю, на самой задней, т.-е. верхней, скамьѣ амфитеатра. И только что я усѣлся, какъ замѣтилъ пристально устремленные на меня взгляды нѣкоторыхъ товарищей и взгляды самые добродушные, но, очевидно, не случайные. Обыкновенно, дѣло шло такъ: одинъ товарищъ, посмотрѣвъ на меня, что-то шепталъ другому, который, круто оборотившись въ мою сторону, въ упоръ оглядывалъ меня, потомъ что-то шепталъ третьему товарищу; слѣдовало новое поворачиваніе головы и оглядываніе меня и т. д. Я всегда былъ страшно застѣнчивъ, да таковымъ остался и посейчасъ; поэтому понятно, какъ меня смущали и конфузили эти пристальные и производимые не сразу, а поочередно взгляды. Сначала я объяснялъ ихъ бѣдностію и неуклюжестію моего костюма, затѣмъ началъ осматривать его, съ цѣлью убѣдиться, нѣтъ ли на немъ какого-либо неприличнаго изъяна, но ничего не нашелъ. Да и во взглядахъ свѣтилась не насмѣшка, а сочувствіе ко мнѣ, какая-то особенная доброта. Несмотря на это, оглядываніе меня не менѣе какъ десяткомъ товарищей до такой степени смутило, что я хотѣлъ уже уйти изъ аудиторіи, но приходъ Гивартовскаго остановилъ меня. Послѣ лекціи нѣкоторые товарищи, между прочимъ, Лукьяновъ, начинали заговаривать со мной, но я, подъ вліяніемъ продолжавшагося еще смущенія, отнесся къ ихъ любезности, какъ неотесанный дуракъ и на всѣ ихъ вопросы или отвѣчалъ словами: да, нѣтъ, или же совсѣмъ отмалчивался. Скоро, впрочемъ, въ анатомическомъ театрѣ и лабораторіи я перезнакомился со многими товарищами, но, по своей дикости, въ близкія отношенія не вступалъ. Много разъ замѣчалъ я со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ поползновеніе узнать кое-что о моей жизни, о моихъ средствахъ, но я отмалчивался или отвѣчалъ неопредѣленно. Такъ поступалъ я и послѣ, когда съ нѣкоторыми товарищами я сблизился настолько, что изрѣдко заходилъ къ нимъ на квартиры. Много времени спустя я узналъ причину, побудившую товарищей такъ пристально

посматривать на меня. Одинъ изъ нихъ какъ-то проходилъ по набережной въ то время, когда я таскалъ кули и, вѣроятно, немало подивился, что студентъ занимается нестуденческимъ дѣломъ. Когда я явился на лекцію, то естественно обратилъ на себя вниманіе свидѣтеля моихъ трудовъ, который о своемъ открытіи сообщилъ пріятелямъ, а тамъ уже и пошла обыкновенная исторія. Товарищи скоро увидѣли, что я свою персону ревниво охраняю отъ любопытствующихъ вопросовъ, перестали касаться этого предмета, и между нами установились хорошія отношенія. Одинъ только товарищъ Кичеевъ, прекрасный и симпатичный господинъ, отъ времени до времени порывался ворваться, такъ сказать, въ мою частную жизнь и хотя онъ встрѣчалъ съ моей стороны любезный отпоръ, но не прекращалъ своихъ попытокъ. Кстати здѣсь скажу, что Кичеевъ на нашемъ курсѣ былъ кассиромъ. Тогда, т.-е. до погрома 61 г., существовали чисто студенческія кассы, управляемыя выборными отъ каждаго курса кассирами. Это были прекрасныя и высоко-полезныя для студентовъ учрежденія съ порядочными капиталами, которыя составлялись изъ добровольныхъ лептъ самихъ же студентовъ. Выдачи изъ кассы нуждающимся производились такъ деликатно и благородно, что никто изъ нихъ не чувствовалъ ни зависимости, ни униженія. Я тоже иногда вносилъ Кичееву свои гроши и значить имѣлъ право при нуждѣ пользоваться услугами кассы, но на это, какъ ни тяжело иногда жилось, не хватало моей рѣшимости. Трудно сказать, что именно мѣшало мнѣ обратиться въ кассу за пособіемъ, на которое я, кажется, имѣлъ несомнѣнное право. Безобразная ли гордость, бурсацкая ли нелюдимость и застѣнчивость, дикость ли и своеобразность моего нрава играли тутъ роль, право не знаю.

Весною 61 г., когда наступилъ для меня полнѣйшій финансовый кризисъ, когда продать уже было нечего, когда, по случаю поздней весны, барки еще не пришли, а всегда рано выраставшіе въ ржаныхъ поляхъ песты, на которые я возлагалъ радужныя надежды, еще не появились, когда, поэтому, пришлось жить не только впроголодь, но и буквально дня по 2—3 голодать, тогда-то на выручку мнѣ явился, не разъ и прежде спасавшій меня, случай. Добрые товарищи, замѣтивъ, что меня сильно подтянуло и что мое обычное жизнерадостное настроеніе смѣнилось настроеніемъ мрачнымъ, часто спрашивали меня: здоровъ ли я. Вотъ въ это-то тяжкое время я разъ, выйдя изъ университета, встрѣтился съ Кичеевымъ, который, къ удивленію моему, пошелъ по одному направленію со мной, хотя его квартира находилась совсѣмъ въ другомъ концѣ города. Дорогою онъ такъ убѣдительно

и горячо говорилъ на тему о моей нуждѣ, которую хотя я такъ тщательно скрываю, но о которой какъ онъ, такъ и нѣкоторые товарищи догадываются, такъ ясно доказалъ, что мое нежеланіе пользоваться деньгами кассы не только несправедливо, но и обидно для студентовъ, что я растаялъ и какъ-то невольнo повѣдалъ кое-что о себѣ. Узналъ я тогда же отъ него, что многіе товарищи знаютъ о моей работѣ на баркахъ и относятся къ ней не только съ уваженіемъ, но и съ благоговѣніемъ, а это-то больше всего и обязываетъ ихъ поддержать меня въ трудное время жизни. Столько доброты и искренности было въ словахъ милѣйшаго Кичеева, что у меня отъ избытка чувствъ слезы показались на глазахъ, да и самъ онъ не могъ удержаться отъ нихъ. Въ пріятной бесѣдѣ мы незамѣтно прошли верстъ около 5. Крѣпко Кичеевъ на прощаніе пожалъ мнѣ руку и вручилъ 20 р., которые я безъ сопротивленія взялъ. Въ послѣдующее время я болѣе, чѣмъ въ 20 разъ, вѣроятно, возвратилъ свой долгъ нуждающимся студентамъ, но, несмотря на это, я и теперь еще считаю себя должникомъ. Думается мнѣ, что, помогая тѣмъ другимъ студентамъ, я не проявилъ и половины той искренней доброты, которую выказалъ мнѣ тогда Кичеевъ. Если онъ живъ еще, я отъ души желаю ему долгихъ и счастливыхъ лѣтъ. Я потерялъ его совсѣмъ изъ виду; помнится, впрочемъ, что онъ много лѣтъ назадъ участвовалъ въ редакціи «Будильника».

20 р. выручили меня изъ бѣды, похожей уже тогда на петлю, и надолго обезпечили дальнѣйшее мое житіе-бытіе. Конечно, я не упускалъ ни малѣйшей возможности заработать деньжонокъ, только заработки-то мои были неважны. Главнымъ же изъ нихъ было тасканіе опять кулей, но оно, благодаря большому наплыву рабочихъ, продолжалось недолго. Небольшія деньги зарабатывалъ я еще перепиской, да, помнится, что другихъ источниковъ дохода у меня тогда и не было. Большую часть лѣта я жилъ впроголодь, а въ концѣ его въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не имѣлъ даже своего угла, а короталъ ночи то въ окрестностяхъ Москвы, то въ Кремлевскомъ саду. Вскорѣ затѣмъ наступилъ тяжелой памяти октябрь, чреватый памятными событіями. Волею судебъ я съ нѣсколькими копѣйками въ карманѣ, съ узелкомъ подъ мышкой и въ костюмѣ почти золоторотца, оставилъ на цѣлые три года университетъ и очутился за предѣлами Москвы на распутіи съ мучительнымъ вопросомъ: куда итти и гдѣ приклонить мою забубенную головушку.

Въ большемъ ходу въ то время были студенческіе кружки и землячества. Я, когда былъ еще филологомъ, получилъ приглашеніе вступить въ тульское землячество, но такъ какъ приглашеніе

шло только отъ двоихъ, большинство же туляковъ не желало чужаковъ, то я и отклонилъ его. О вятскомъ землячествѣ не могло быть и рѣчи, такъ какъ кромѣ меня было только двое вятчей и то изъ старшихъ курсовъ. Былъ довольно большой кружокъ разноплеменныхъ, составившійся преимущественно изъ уроженцевъ окраинъ (не всѣхъ, конечно) и дальнихъ губерній. Въ него-то и поступилъ я. Вотъ уже подлинно была смѣсь племенъ, нарѣчій, званій, состояній и пр.! На первыхъ же порахъ не по душѣ пришелся мнѣ этотъ разнокалиберный кружокъ, хотя онъ въ числѣ членовъ насчитывалъ немало ярко-красныхъ политиковъ и реформаторовъ, что, повидимому, должно бы очаровать бывшего семинариста, склоннаго къ увлеченіямъ и мечтавшаго перевернуть, для блага человѣчества, весь міръ вверхъ ногами. Скоро выяснилось, что изъ кружка я не вынесу ничего путнаго, что серьезныя и хорошія убѣжденія въ немъ цѣнятся невысоко, а вмѣсто нихъ царитъ красивая, но пустозвонная и бессодержательная фраза, и что, наконецъ, сами ораторы ораторствуютъ не затѣмъ, чтобъ объяснить какой-либо научный или общественный вопросъ, а затѣмъ, чтобъ насладиться собственнымъ краснорѣчіемъ и порисоваться предъ наивными товарищами. Кажется, моего терпѣнія хватило на 2—3 вечера, а потомъ я скромно ретировался. Въ это же приблизительно время я случайно попалъ въ польско-русскій кружокъ, въ которомъ, впрочемъ, русскіе едва ли составляли и $\frac{1}{4}$. Дебатировались здѣсь политическіе, національные, а болѣе общественные и литературные вопросы. Кружковъ польскихъ съ ярко національной окраской было нѣсколько, но нашъ кружокъ отличался особенно примирительнымъ направленіемъ; поляки—искренно или нѣтъ, я не знаю,—держали себя относительно насъ терпимо, о пропагандѣ пока не заикались и вообще вели себя превосходно. Головой выше всѣхъ насъ стоялъ въ этомъ кружкѣ студентъ Колышко. Это былъ человѣкъ замѣчательнаго ума, желѣзной энергіи, съ громадной эрудиціей, обладавшій недюжиннымъ даромъ слова и вдобавокъ плѣнительною красотою. Я не выносилъ покровительственнаго тона, не воздавалъ никому поклоненій, но для Колышко готовъ былъ бы сдѣлать исключеніе, если бъ это было нужно, до такой степени онъ располагалъ въ свою пользу. И теперь я не постигаю, какъ не постигалъ и тогда, что могло крѣпко сблизить насъ и особенно расположить его ко мнѣ, жалкому необтесанному семинаристу. Что я любилъ и уважалъ Колышко, это понятно для всякаго, хотя немного знакомаго съ его выдающимися достоинствами; но за что онъ горячо полюбилъ меня, это непостижимо. А что онъ любилъ меня и любилъ безкорыстно, въ этомъ я не сомнѣваюсь.

Онъ зналъ мои взгляды на польскій вопросъ; я не разъ въ кружкѣ говорилъ, что раздѣлы Польши были крайне несправедливы и много омрачили славу Екатерины, но ихъ нужно признать безповоротно совершившимися фактами; думать же о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 г. просто безумно тѣмъ болѣе, что въ отторгнутыхъ тогда областяхъ польскій, собственно, элементъ составляетъ теперь ничтожный процентъ. Нѣкоторые возражали мнѣ, но К. вполнѣ соглашался со мною и убѣдительно проводилъ мысль, что между славянскими племенами должна быть не рознь, а дружба, что особенно необходимо для противовѣса нѣмцамъ. Политическое ученіе его было умѣренное; тутъ мы сходились почти во всемъ; разногласія бывали у насъ только по вопросамъ общественнымъ и частію литературнымъ. К., очевидно, любилъ бесѣдовать со мною и ради бесѣдъ рѣшался на подвиги: онъ дважды былъ у меня на квартирѣ, которую съ его квартирою раздѣляло пространство верстъ въ 8—9. Мѣсяцевъ семь я былъ хорошо знакомъ съ нимъ, часто съ нимъ видѣлся, цѣлые часы бесѣдовалъ, но ни разу не видалъ съ его стороны даже намека на пропаганду или желаніе завербовать меня. Осенью 61 г. мы встрѣчались и въ университетѣ и въ саду часто, но тогда было не до долгихъ бесѣдъ: онъ былъ крупнымъ вожакомъ студентовъ, но не въ польскомъ, одностороннемъ направленіи; у меня также было свое дѣло. Въ октябрѣ я быстро оставилъ Москву и потомъ потерялъ К. изъ виду. Когда черезъ три года я вернулся, то не нашелъ въ университетѣ ни К. и никого изъ членовъ кружка. Какое же было мое изумленіе, когда я чрезъ нѣсколько лѣтъ узналъ, что К. былъ въ 62 г. начальникомъ банды, попалъ въ плѣнъ и былъ новѣшенъ Муравьевымъ!

Прежде чѣмъ надолго разстаться съ университетомъ, мнѣ захотѣлось вспомнить о моемъ добрѣйшемъ квартирномъ хозяинѣ Петрѣ Абрамовичѣ и его благовѣрной супругѣ Марьѣ Дмитріевнѣ, а равно и конурѣ, въ которой я жилъ. Квартира ихъ и моя находилась на маломъ Арбатцѣ подъ Симоновымъ монастыремъ и около пороховыхъ заводовъ. Я пробѣгалъ дистанцію огромнаго размѣра: отъ Арбатца до университета будетъ добрыхъ 7, а пожалуй и 8 верстъ; скорымъ шагомъ я проходилъ это пространство лишь въ 1½ часа.

Своихъ хозяевъ я видалъ только раннимъ утромъ и позднимъ вечеромъ, гдѣ они проводили цѣлые дни для меня до поры до времени оставалось тайной, да къ тому же я никогда не интересовался чужими, частными дѣлами. Но и во время короткихъ и случайныхъ встрѣчъ и разговоровъ они пріобрѣли такое большое съ моей стороны довѣріе, что я на первыхъ же порахъ всѣ свои

капиталы (руб. 16), за исключеніемъ лишь расходной мелочи, отдалъ на храненіе хозяйкѣ, опасаясь московскихъ ловкихъ жуликовъ. А ловкость ихъ я уже испыталъ во время моего глазѣнья на царскій выходъ въ соборъ: у меня вытащили кошелекъ съ нѣсколькими копейками, хотя я, кажется, постоянно держался за карманъ. Нѣсколько поражала меня костюмировка моихъ хозяевъ, а также частыя смѣны ихъ обстановки: переходы отъ довольства къ скудости и обратно происходили почти чуть не ежемѣсячно. Большею частію, отправляясь изъ квартиры, Петръ Абрамовичъ былъ одѣтъ настоящимъ, безукоризненнымъ франтомъ; жена же его закутывалась въ лохмотья и похожа была тогда на нищую.

Передъ святками хозяинъ былъ именинникъ. Много собралось гостей прилично, даже франтовато одѣтыхъ, но нѣсколько изумившихъ меня какимъ-то неслыханнымъ мною жаргономъ; говорили они, кажется, и по-русски, а тѣмъ не менѣе я и половины ихъ разговоровъ не понималъ. Угощеніе было зѣло веліе; всѣ, исключая совсѣмъ непьющихъ, порядочно подгуляли. Когда всѣ гости разошлись, хозяинъ, бывшій на седьмомъ взводѣ, зашелъ въ мою каморку и началъ объясняться въ любви ко мнѣ. Затѣмъ распахнулась его добрая, откровенная душа, развязался языкъ, и онъ безъ всякой просьбы съ моей стороны повѣдалъ мнѣ интересную о своемъ житьѣ-бытьѣ повѣсть, краткое извлеченіе изъ которой будетъ, полагаю, небезынтересно. Хозяева принадлежали къ мошеннической шайкѣ, насчитывавшей, помнится, около 40 членовъ. Ежегодно шайка платила полиціи дани 8,000 р. за покровительство и безнаказанность. Желѣзныхъ дорогъ тогда почти не было, и помѣщики въѣзжали въ московскія заставы въ своихъ экипажахъ. По составленному ранѣе расписанію члены шайки раннимъ утромъ отправлялись къ заставамъ партіями по 2—3 чел. въ каждой. Обыкновенно партію составляли щегольски одѣтый мужчина и одна или двѣ обтрепанныя женщины. Каждая партія въ изобиліи была снабжена всевозможными ювелирными издѣліями, частію дѣйствительно золотыми, главнымъ же образомъ мѣдными, но прекрасно вызолоченными. Равно и камни были поддѣльные и настоящіе. Франтъ—мужчина никогда не ходилъ рядомъ съ оборванной женщиной, а держался отъ нея на далекой дистанціи. Подъѣзжаетъ къ Москвѣ барыня; за заставой, гдѣ обыкновенно нелюдно, встрѣчаетъ барыню обтрепанная женщина, украдкой изъ-подъ полы показываетъ блестящую вещь и дѣлаетъ разные знаки. Экипажъ останавливается, женщина, оглядываясь, осторожно подбѣгаетъ къ нему и предлагаетъ цѣлую коллекцію драгоценностей, отъ которыхъ у барыни глаза

разбѣгаются. Положимъ, она облюбовала браслетъ, стоящій, по ея мнѣнію, не менѣе 100 р., а продающійся за 70 р.; начинается торгъ,— и браслетъ мѣдный, которому красная цѣна 3 р., покупается за 50 р. Обстоятельно убѣдиться въ доброкачественности браслета некогда, да и опасно. Заплативъ деньги, барыня въ восторгѣ въѣзжаетъ въ заставу, но ее тотчасъ же постигаетъ горькое разочарованіе. Къ ней уже не украдкой, а нахрапомъ подскакиваетъ франтъ, сообщаетъ, что его обокрали, называетъ безошибочно украденныя вещи и прибавляетъ, что онъ издали даже видѣлъ воровку, передавшую кое-какія вещи, именно ей—барынѣ. Она запирается, клянется, но франтъ коротко заявляетъ: пожалуйте въ полицію, а бутарь, въ ожиданіи мзды, уже держитъ подъ уздцы лошадей... Слово «полиція» приводитъ барыню въ ужасъ; о чудовищныхъ, чисто разбойническихъ подвигахъ ея тогда шла молва чуть ли не на всю Россію. Я много разъ слыхалъ, что даже храбрые и не знавшіе за собой никакихъ проступковъ люди при зовѣ въ кварталъ творили молитву и шептали псаломъ: помяни Господи Давида и всю кротость его. Мудрено ли, что на барыню, да еще провинціалку, нападалъ ужасъ при зовѣ въ полицію. Она съ готовностію возвращаетъ купленную вещь, лишь бы избавиться отъ срама, но франтъ вѣжливо и съ твердостію заявляетъ, что барыня должна уплатить не за браслетъ только, но и за всѣ украденныя вещи, и тутъ же объявляетъ приблизительно ихъ стоимость, которая переваливаетъ иногда за 1000 рубликовъ. Начинается торгъ, барыня проситъ, плачетъ; франтъ говоритъ о своей жалостливости и другихъ добродѣтеляхъ, понижаетъ объявленную цѣну постепенно, со вздохами и сожалѣніями о понесенныхъ имъ убыткахъ, и, наконецъ, торгъ кончается. Франтъ получаетъ условленную сумму, а если у барыни не хватаетъ денегъ, то онъ изъ уваженія къ ней вмѣсто нихъ получаетъ кольца, браслеты, но только уже не мѣдные, а настоящіе золотые и, элегантно снимая цилиндръ, вѣжливо раскланивается съ барыней, хотя и обобранной, но довольной тѣмъ, что она миновала рукъ полиціи.

— Ну, а какъ великъ денной заработокъ партіи?—спросилъ я хозяина.—Всяко, отвѣтилъ П. А., иногда и въ недѣлю не достанешь ни гроша, а иногда и въ день перепадетъ 500—600 руб. Другія партіи больше зарабатываютъ, а я больно жалостливъ, да и Бога помню. По настоящему, по торговому не надо бы грозить полиціей. Вѣдь хорошо уже и то, что за трехрублевую вещь получишь рублей 50, да торговля-то у насъ непостоянна, а полиціи хоть роди, да 8 тыс. отдай. Опять же и то надо сказать, что нѣтъ большого грѣха 2—3 сотни получить съ барыни лишнихъ. Мы эдакъ съ баръ только свое получаемъ; вѣдь ихнія деньги изъ

нашей крови дѣлаются. Дома-то барынь уму-разуму не учать, ну вотъ мы и надумались поучить ихъ: онѣ и платятъ намъ, во 1-хъ, за свою дурость, а, во 2-хъ, за жадность.—Ну, съ мужчинами-то торгуете ли?—Прежде бывало, сказалъ П. А., а теперь бросили. Года два назадъ одинъ изъ нашихъ хотѣлъ было пожитья, да и попался. Онъ напалъ на переодѣтаго офицера изъ тайной полиціи. Бѣда тогда была страшная: офицеръ этого храбреца передалъ частному Пяткину, а онъ и закатилъ ему штукъ 500 горячихъ, такъ что бѣдняга съ мѣсяцъ провалялся въ постели. Да и наша компанія поплатилась цѣлою тысячею рублей. Пяткинъ говорилъ, что эти деньги пойдутъ за безчестіе офицеру, а куда они пошли,—Богъ вѣдаетъ.

Ко мнѣ хозяева были замѣчательно добры; изъ денегъ, отданныхъ мною на храненіе, не пропала ни одна копѣйка; при безденежѣ моемъ они не только ждали плату, но и предлагали мнѣ взаймы. Въ началѣ лѣта постигъ ихъ погромъ. Какъ-то вернувшись домой, я уже не засталъ ихъ: они были посажены въ тюрьму, а за что—не помню. Бабушка (такъ звалъ тещу П. А.) съ внучкой 10 л., дочерью ихъ, на другой день уѣзжала въ деревню. Переночевавъ, и я съ своимъ имуществомъ подъ мышкой отправился искать себѣ уголокъ. Года черезъ четыре я встрѣтилъ хозяйку въ Москвѣ и узналъ, что она овдовѣла и поторговываетъ на толкучкѣ. Не разъ я потомъ навѣщалъ ее. А когда уже былъ врачомъ, то, къ счастью, мнѣ удалось устроить ея дочь на акушерскіе курсы и тѣмъ хоть немного расплатиться за ихъ доброту и любовь ко мнѣ. Здѣсь ставлю большую точку и на время кончаю свои воспоминанія.

1897 г.

С. И. Сычуговъ.

